

КОНТРОЛЬ № 5

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1982

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Билунов Б. Н.</i> 37 лет по пути социализма в тринадцативековой истории Болгарии	3
<i>Гибзианский Л. Я.</i> Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции	9
<i>Михутина И. В.</i> О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами	23
<i>Греков И. Б.</i> Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года	43
<i>Северная О. А.</i> Художественная интеллигенция Болгарии в культурном строительстве (1944—1948)	61
<i>Бугтелова Р.</i> (ЧССР). К методологии социофонетического анализа произношения заимствованных слов в чешском языке	73
<i>Кишкин Л. С.</i> Академик Ладислав Штолл (К 80-летию со дня рождения)	80

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Мельцер Д. Б., Силица В. И.</i> Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. 1917—1945 гг. Т. 3	84
--	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. В. Знаменательные даты в истории болгарского народа	89
Эйлер Э. (ГДР). Научный коллоквиум, посвященный творческому наследию Августа Лескина	90
<u>Михаил Павлович Алексеев</u>	93
Бирман М. А., Злыднев В. И. Памяти Любомира Борисовича Валева	94

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМОРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Н. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

37 ЛЕТ ПО ПУТИ СОЦИАЛИЗМА В ТРИНАДЦАТИВЕКОВОЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ¹

Две исторические даты зафиксированы на государственном гербе Народной Республики Болгарии: 681 год — образование древнего болгарского государства, и год 1944 — начало социалистической революции. В тринадцативековой истории Болгарии 37-летний период развития страны по пути социализма, это очень малый временной отрезок, однако значимость отдельных периодов далеко не всегда измеряется приходящимся на них количеством лет.

В ходе исторического процесса период строительства социализма в Болгарии явился закономерным следствием предшествовавшего прогрессивного развития страны и революционной борьбы трудящихся.

Установление народной власти в Болгарии — событие величайшего переломного значения в тринадцативековой истории болгарского государства. Изучение опыта социалистического строительства в Болгарии не только показывает достижения болгарского народа, динамику и механизм развития социалистического общества, но и раздвигает горизонты теоретического обобщения закономерностей и проблем современной эпохи — эпохи глубоких революционных преобразований.

Победа всенародного восстания 9 сентября 1944 г., завоеванная «под руководством Болгарской коммунистической партии при решающей помощи легендарной Советской Армии ознаменовала величайший коренной поворот в нашей тринадцативековой истории», — говорится в «Обращении к болгарскому народу», принятом руководящими партийными, государственными, правительственными и общественными органами Болгарии [1]. Решение вопроса о власти в интересах рабочего класса и трудового крестьянства сопровождалось революционными преобразованиями в политической, социально-экономической и культурной сферах жизни болгарского общества. Соотношение политических и классовых сил в Болгарии не только обеспечило революционное свержение монархо-фашистской диктатуры, но и предопределило социалистический характер новой государственной власти. Народная демократия стала формой диктатуры пролетариата в Болгарии.

Переплетение первоочередных общедемократических задач и мероприятий социалистического характера, а также сложность политической борьбы в правительстве Отечественного фронта и за его пределами вызвали известные политические дискуссии среди болгарских коммунистов. Это обусловило и многолетние историографические дискуссии о характере революции [2]. Широкий интерес к этой проблеме объясняется необходи-

¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на научной конференции, посвященной 37-й годовщине социалистической революции в Болгарии и 1300-летию основания болгарского государства.

мостью сравнительно-исторических исследований революционной борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт революционного процесса в Болгарии имеет актуальное значение для рабочего движения в капиталистических и развивающихся странах.

Утверждение народно-демократической власти в Болгарии сопровождалось в 1944—1945 гг. динамичными изменениями в формировавшейся политической системе. Как в Национальном комитете, так и в еще большей мере — в местных комитетах ОФ ведущую роль играли представители Компартии. В ходе острой политической борьбы, осложнявшейся неурегулированным международным положением Болгарии и напряженной внешнеполитической ситуацией, революционным силам удалось сломить сопротивление внутренней оппозиции.

В ходе революционного процесса использовались парламентские формы борьбы. При этом правительство Отечественного фронта, возглавлявшееся коммунистами, не ограничивалось рамками восстановленной Тырновской конституции. Несмотря на формальный регистрационный характер монархического института, его существование, а также сохранение буржуазно-демократических конституционных принципов противоречили уже осуществленным преобразованиям в политической сфере. На основании общенародного референдума в сентябре 1946 г. Народное собрание официально провозгласило Болгарию республикой. В условиях подъема политической активности широких масс населения была одержана еще одна победа на выборах в конституционное собрание. Принятие в декабре 1947 г. республиканской конституции закрепило народно-демократический характер новой власти.

Политическая организация общества в период 1944—1948 гг., основными чертами которой стали ведущая роль БКП, консолидация рабочего класса, оформление двухпартийной системы, превращение Отечественного фронта в массовую общественно-политическую организацию, явилась следствием революционной борьбы и завоеваний трудящихся масс. Социалистический характер государственной власти отчетливо проявился уже на стадии формирования политической системы народной демократии.

Совокупность решавшихся в 1944—1948 гг. социально-экономических задач определила социальное содержание революционных преобразований этого периода как начала перехода от капитализма к социализму. Государственная власть перешла в наступление на частный капитал. Были приняты меры по организации контроля и регулированию промышленности и сельского хозяйства, расширению кооперативного сектора и созданию новых государственных предприятий. После конфискации имущества германских монополий было проведено также обобществление ряда важнейших предприятий и отраслей. Серьезным ударом буржуазной собственности явились законы о народном суде, о трудовой земельной собственности, о конфискации имущества, приобретенного незаконным путем и спекуляцией, а также налоговая система и денежная реформа. Эти меры, сопровождавшиеся усилением рабочего контроля, по сути своей явились выражением взаимосвязанного процесса ограничения частного капитала и создания общественного сектора производства. С принятием закона о национализации (декабрь 1947 г.) этот процесс приобрел завершенный характер.

Политика правительства в области сельского хозяйства была направлена на поддержку трудовых кооперативных земледельческих хозяйств, чему способствовали проведение демократической аграрной реформы, меры по ограничению кулачества и его последующему вытеснению.

Участие народно-демократической Болгарии в войне против гитлеровской Германии на ее заключительном этапе, политическая и дипломатическая поддержка СССР способствовали международному признанию новой Болгарии. В процессе складывания межгосударственных отношений нового типа защита Советским Союзом интересов Болгарии на международной арене сопровождалась оказанием ей разнообразной экономической помощи. Это создавало благоприятные возможности для развития революционного процесса в Болгарии.

На V съезде БКП в декабре 1948 г. были намечены непосредственные задачи создания экономических и культурных основ социализма. На протяжении последующего десятилетия благодаря успешному выполнению заданий первой и второй пятилеток был построен экономический фундамент социализма. Завершение переходного от капитализма к социализму периода проходило в новых исторических условиях, но болгарская практика явилась еще одним историческим подтверждением правильности ленинского плана социалистического строительства.

Несмотря на объективные и субъективные трудности в решении задач переходного периода, в Болгарии за относительно короткий исторический период к концу 50-х годов утвердились социалистические формы собственности, была проведена социалистическая реконструкция народного хозяйства, коренным образом изменилась социальная структура болгарского общества. Болгария превратилась в индустриально-аграрную страну. Вместе с социально-экономическими изменениями произошли революционные преобразования в области культуры, была ликвидирована монополия буржуазии на культурные ценности, осуществлена демократизация культуры, марксизм-ленинизм стал господствующей идеологией. Большое значение для социалистического строительства в стране имел Апрельский пленум ЦК БКП 1956 г., восстановивший ленинские принципы партийного руководства и внутривластной демократии, поставивший задачи повышения руководящей роли Компартии в болгарском обществе, развертывания творческой инициативы народных масс [3].

Исторические завоевания болгарского народа были достигнуты в условиях складывания мировой социалистической системы и формирования социалистического содружества. Активная роль НРБ в этих процессах не только способствовала их развитию, но и оказывала положительное воздействие на социалистическое строительство в республике, на повышение ее международного авторитета. Об этом ярко свидетельствуют результаты болгаро-советского сотрудничества, участие НРБ в СЭВ, в Организации Варшавского договора.

После решения задач переходного периода в Болгарии начался этап построения развитого социалистического общества. Кристаллизация концепции развитого социализма происходила в условиях ее обогащения практикой утвердившегося социализма. Ленинские положения о развитом социализме, высказанные им еще в первоначальном варианте работы «Очередные задачи Советской власти» [4], нашли подтверждение в СССР, НРБ и других социалистических странах.

В процессе социалистического строительства был принят ряд важных документов БКП, в которых определились задачи долгосрочного развития страны. На IX съезде БКП (1966) были намечены планы и перспективы социально-экономического и политического развития Болгарии на текущее пятилетие. X съезд БКП (1971) принял новую программу партии, определившую стратегию и тактику БКП в деле построения развитого социалистического общества. Программные положения партии получили дальнейшее развитие и конкретизацию в документах XI и XII съездов БКП, в трудах ее руководителей, а также философов, социологов, экономистов и юристов.

Принятые БКП меры по созданию материально-технической базы социализма способствовали значительному росту экономического потенциала республики. Стоимость основных фондов Болгарии составила в конце 1980 г. около 77 млрд левов [5, с. 7]. По образному выражению Генерального секретаря ЦК БКП Т. Живкова, за десять лет после принятия новой программы партии были созданы две Болгарии в области развития производительных сил [5, с. 7]. Ускоренными темпами развивались определяющие области экономики: машиностроение, энергетика, металлургия, химическая промышленность. По объему продукции этих отраслей современная социалистическая Болгария в сотни раз превзошла уровень капиталистической эпохи [6, с. 14—15], что дает яркое представление о масштабности экономических достижений социализма на коротком отрезке тринадцативековой истории Болгарии.

На этапе построения развитого социализма происходит гармоничное сочетание роста общественного производства и повышения жизненного уровня народа. Одним из главных путей реализации этого было постепенное совершенствование всей системы социалистических отношений. Болгарский опыт в этой области является проявлением творческого подхода к решению проблем социалистического строительства на современном его этапе.

К настоящему времени во взаимодействии двух форм общественной собственности — государственной и кооперативной — достигнуто соотношение, способствующее их интеграции, взаимному проникновению. Укрупнение трудовых кооперативных земельных хозяйств создало условия для аграрно-промышленной интеграции, для совершенствования управления народным хозяйством в целом. Этому способствовало также создание административно-экономических округов. Совершенствование централизованного руководства и расширение социалистической демократии в управлении экономикой происходило путем разработки, экспериментальной проверки и введения новой системы планирования и руководства народным хозяйством. Во второй половине 60-х годов усиливается роль экономических методов управления. В 70-е годы в связи с дальнейшей концентрацией сельского хозяйства — созданием аграрно-промышленных комплексов началось введение нового экономического механизма.

С целью более полного использования преимуществ социализма, утверждения экономических методов управления во второй половине 70-х годов были проведены новые мероприятия в области планирования и руководства экономикой. На основе решений июльского пленума ЦК БКП 1976 г. осуществляется так называемый «мультипликационный подход», т. е. метод учета и переноса достигнутого положительного эффекта с одного этапа на другой при последовательной его реализации как на уровне глубоко эшелонированных производственных циклов и отраслей, так и национальной экономики в целом. Вместе с демократизацией системы планирования новая организация управления экономикой приобрела в конце 70-х годов характер целенаправленного механизма применения экономических методов хозяйствования. Этому способствовали и другие меры: разработка концепции территориальной единицы нового типа — «системы населенных пунктов», создание индустриального комбината, а в сельском хозяйстве — аграрно-промышленного комбината в качестве основного структурного звена, самостоятельной юридической единицы хозрасчета. В условиях все более возрастающего значения специализации и кооперации общественного производства в странах СЭВ указанные меры служат гармоническому развитию всех регионов, более полному учету их социальных ресурсов, способствуют упрощению форм применения экономических принципов. Дальнейшей интеграции государственной и кооперативной форм собственности способствовало создание Национального аграрно-промышленного союза.

В результате социально-экономических изменений на этапе построения развитого социализма происходит прогрессивное преобразование социальной структуры болгарского общества. В конце 70-х годов рабочий класс составил около 60% населения [6, с. 108]. При этом возросла численность тех его отрядов, которые заняты в важнейших отраслях экономики, повысился уровень квалификации и образования, сознательности и политической зрелости рабочих. Параллельно с этим наблюдается сокращение доли крестьян-кооператоров, составившей 14% занятого населения [7]. Это обусловлено развитием современной научно-технической революции, процессами механизации и автоматизации сельского хозяйства, а также новыми социально-экономическими явлениями в области интеграции кооперативных и государственных экономических единиц. Не случайно, что новые социальные явления, характеризующие сближение крестьян-кооператоров и рабочего класса, ставят социологов и историков перед решением трудных проблем при определении социальных границ классов и отдельных социальных групп. Характерным явлением динамики разви-

тия социальной структуры болгарского общества стало увеличение рядов социалистической интеллигенции. С конца 50-х годов ее численность возросла в два раза, составив около 24% населения [6, с. 110—113]. Ее состав во многом определяется ростом наиболее многочисленной социальной группы — инженерно-технической интеллигенции. Структурные изменения и качественный рост профессионального и общего образования классов и социальных групп болгарского общества происходят в условиях их сближения на основе исторических целей рабочего класса.

Для общественно-политических процессов этапа построения развитого социализма в Болгарии характерно дальнейшее развитие системы социалистической демократии, совершенствование и расширение сферы ее приложения. Возрастание руководящей роли БКП, являющееся объективным следствием новых социально-политических процессов, сопровождалось на протяжении 60—70-х годов совершенствованием форм и правовых норм взаимодействия государственных, партийных и общественных органов и институтов. Принятие в 1971 г. новой конституции НРБ создало стабильные юридические предпосылки дальнейшего углубления и расширения социалистической демократии. Создание Государственного Совета, расширение функций Народного Собрания, фиксация в конституции и развитие на практике государственно-общественного и общественно-государственного принципов управления, аналогичные явления в планировании и организации экономики, предоставление законодательной инициативы общественно-политическим организациям в рамках их компетентности — все это наиболее характерные черты процесса развития социалистической демократии в Болгарии. В это время происходило дальнейшее укрепление организаторской и регулирующей роли государства в экономике, культурном строительстве, проведении внешней политики, укреплении обороноспособности, содействии социалистической экономической интеграции Болгарии и стран социалистического содружества. Другим важным направлением совершенствования внутренних связей политической системы является приобретение общественными организациями более широкого круга государственных функций и задач.

Совершенствование и развитие системы образования, повышение роли науки, достижения в области развития всех сфер культуры были органически связаны с задачами построения развитого социализма. В содержании этих процессов заметно сочетание направляющей роли БКП и общественно-государственного принципа в управлении культурными процессами. Это явилось следствием всех тех изменений, которые происходят в социально-политических сферах жизни болгарского общества на этапе построения развитого социализма.

Характеристика созидательной деятельности партии и государства была бы неполной без учета еще одной особенности нового этапа социалистического строительства в Болгарии — выдвижения в качестве не только определяющей, но и непосредственной задачи — повышение жизненного уровня и материального и культурного благосостояния населения. Высокие темпы роста национального дохода обеспечили успешное развертывание мер по осуществлению комплексной национальной программы повышения жизненного уровня народа, принятой на декабрьском пленуме ЦК БКП 1972 г. Рост реальных доходов населения, увеличение общественных фондов потребления в сочетании с переходом ко всеобщему среднему образованию, с реализацией задач комплексной программы эстетического воспитания трудящихся стали ярким свидетельством этой направленности политики государства реального социализма. Тенденция к гармоничному росту общественного производства и удовлетворению потребностей каждого гражданина социалистической Болгарии в соответствии с его трудовым вкладом становится важной составной частью современного исторического процесса в Болгарии. Это является великим историческим завоеванием болгарского народа, демонстрирующим преимущества социалистической системы.

Активное участие НРБ в коллективных органах стран социалистического содружества, вступление большинства этих стран в новую стадию

социалистического строительства позволило начать грандиозную Комплексную программу социалистической экономической интеграции. Большое значение при этом имело постоянное развитие болгаро-советского сотрудничества, важными вехами которого явились программа нового этапа сближения двух стран, разработанная в 1973 г., и подписание в 1979 г. Генеральной схемы специализации и кооперирования в области материального производства НРБ и СССР на период до 1990 г. Осуществление болгаро-советского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи вышло за рамки двусторонних отношений и стало важной составной частью процесса укрепления социалистического содружества государств. Исторические завоевания НРБ в деле строительства развитого социализма, ее миролюбивая внешняя политика, активное участие в совместных внешнеполитических инициативах стран социалистического содружества привели к значительному росту международного авторитета Болгарии. Об этом свидетельствуют данные о развитии международной деятельности НРБ. Если в 1958 г. она поддерживала дипломатические отношения с 38 государствами и торговые связи с 62 странами [8, с. 553], то ныне имеет дипломатические и торговые отношения с более, чем 110 государствами и участвует в работе почти 350 правительственных и неправительственных международных организаций [3, с. 35].

Успехи и достижения социалистической Болгарии находят все большее отражение в исторической науке, в результатах сотрудничества болгарских и советских историков, являющегося частью общего процесса сближения двух стран. Богатство этих связей на протяжении 13 столетий служит постоянным источником и импульсом для изучения многообразных болгаро-русских связей и отношений. Вместе с этим складывание качественно новых отношений между СССР и НРБ на принципах социалистического интернационализма стало новым объектом исторического изучения. В истории русско-болгарских взаимоотношений в досоциалистический период имеется много примеров прогрессивных связей. Это — взаимобогащающее культурное сотрудничество в эпоху феодализма, значительные по своим масштабам общественные связи в эпоху болгарского национального Возрождения, во многом определившие историческую роль России в деле освобождения Болгарии от османского ига. В эпоху капитализма это — сотрудничество пролетарских партий, явившее немало ярких образцов международных революционных связей. Вместе с этими историческими истоками и корнями дружественных взаимоотношений существовали, однако, и характерные для эксплуататорских классов негативные тенденции и проявления.

Победа социализма в двух странах создала новую основу для всестороннего сотрудничества и сближения. В этом отношении 37 лет развития Болгарии по пути социализма стали одновременно принципиально новой эпохой взаимосвязей народов Болгарии и СССР. Межгосударственные, межпартийные, общественные, культурные и научные связи поднялись на качественно новую ступень своего развития, стали свидетельством действенного социалистического интернационализма. Именно поэтому достижения братской социалистической Болгарии — общая гордость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обръщение към българския народ. — Исторически преглед, 1981, № 2, с. 4.
2. Исусов М. Революционния процес и политическата система на народна демокрация в България (1944—1948). — Исторически преглед, 1979, № 4—5, с. 107—112.
3. Огнянов Л. Историческите завоевания на социалистическа България след Априлския пленум на ЦК на БКП (1956). — Исторически преглед, 1981, кн. 2.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 139.
5. Живков Т. Отчет на Централния комитет на Българската комунистическа партия пред Дванадесетия конгрес и предстоящите задачи на партията. София, 1981.
6. Статистически годишник на Народна Република България за 1980. София, 1981.
7. Иванов В. Класата на селяните-кооператори при изграждането на развито социалистическо общество. София, 1979, с. 100.
8. Божинов В. Външна политика и мястото на НР България в световна социалистическа система. — В кн.: Социалистическата революция в България, София, 1965.

ВОПРОС О БОЛГАРИИ, РУМЫНИИ И ВЕНГРИИ НА КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В опубликованных ранее статьях мы уже рассматривали позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии в период, предшествовавший Крымской конференции [1], и непосредственно при ее подготовке [2]. Как было отмечено, на протяжении всего указанного времени западные союзники, в первую очередь Англия, а затем и США, активизировавшиеся на рубеже 1944—1945 гг., стремились противодействовать развитию революционного процесса, развернувшегося — хотя и с известными различиями в темпах и социальной динамике — в Болгарии, Румынии и Венгрии. Лондон и Вашингтон пытались прежде всего подвергнуть ревизии систему союзнического контроля в трех названных восточноевропейских бывших вражеских государствах, сложившуюся после подписания соглашений о перемирии с ними. Целью было подорвать установленную соглашениями о перемирии определяющую роль СССР в деятельности союзных контрольных комиссий (СКК) в Болгарии, Румынии и Венгрии и усилить позиции представителей Англии и США в СКК, что могло быть использовано ими для воздействия на положение в названных трех странах. Одновременно партнеры СССР по СКК добивались отмены некоторых ограничений, касавшихся их деятельности, в частности передвижения, и мотивировавшихся условиями продолжавшейся войны против гитлеровской Германии. Соответствующие демарши, предпринимавшиеся Лондоном, а затем и Вашингтоном перед Советским правительством, были отклонены последним как необоснованные. Тем не менее при подготовке Крымской конференции западная дипломатия намеревалась использовать для осуществления своих претензий встречу руководителей трех союзных держав. Во время англо-американских переговоров на Мальте, состоявшихся непосредственно перед Крымской конференцией, министр иностранных дел Англии А. Иден и государственный секретарь США Э. Стетиниус согласовали план выдвижения соответствующих требований в Ялте.

Имелось в виду прежде всего внести на рассмотрение Крымской конференции выработанное госдепартаментом США предложение о создании Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы из представителей США, Великобритании, СССР и временного правительства Франции. Предусматривалось, что такая комиссия будет обладать полномочиями и практическими возможностями «оказывать помощь» и странам, освобожденным от фашистской оккупации, и бывшим государствам-сателлитам гитлеровской Германии, включая Болгарию, Румынию и Венгрию, в решении таких «политических проблем», как «возвращение определенных эмигрантских правительств, учреждение временных режимов и скорое проведение выборов там, где необходимо образовать пользующиеся поддержкой народа и устойчивые правительства», а также в принятии необходимых экономических мер [3, р. 97—100]. Этот план, получивший на Мальте британское одобрение как очень привлекательный [3, р. 502], имел целью создать действенный инструмент прямого вмешательства в политическое развитие восточноевропейских стран в целом. В част-

ности, в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии его реализация позволила бы обойти СКК, по существу подменить их Чрезвычайной верховной комиссией, где, согласно американскому проекту, действовал бы тот самый принцип «равной ответственности» союзных держав, применения которого Англия и США упорно добивались в деятельности СКК (подробнее см. [2, с. 16—17]).

Кроме того, Иден и Стеттиниус согласовали на Мальте и выдвижение во время Крымской конференции западных претензий относительно самих СКК. Не в силах прямо оспаривать установленный соглашениями о перемирии с Болгарией, Румынией и Венгрией принцип определяющей роли СССР в осуществлении союзнического контроля в этих странах, по крайней мере до окончания военных действий в Европе, министры иностранных дел Англии и США наметили добиваться на переговорах в Крыму решения об обязательности предварительных консультаций советского руководства СКК с британскими и американскими представителями в контрольных комиссиях по поводу всех постановлений СКК. При этом имелось в виду, что, «если русское правительство считает необходимым по военным соображениям предпринять какую-либо одностороннюю акцию, не предусмотренную в соглашении о перемирии, это должно быть сделано под его исключительную ответственность и от имени Советского правительства». Тем самым западные державы получали бы возможность оспаривать соответствие того или иного решения СКК соглашению о перемирии и пользоваться своего рода правом вето в отношении принятия этих решений от имени СКК. Договоренность на Мальте предусматривала, что изложенная выше позиция будет сформулирована в специальном британском меморандуме, подготовленном к встрече в Ялте. Относительно же второго периода перемирия с Болгарией, Румынией и Венгрией, который должен был наступить после окончания военных действий в Европе, указанный британский документ предусматривал вообще полную перестройку организации и деятельности СКК, в частности в Болгарии и Венгрии: определяющая роль СССР в СКК должна была быть прямо заменена «равным участием» всех трех союзных держав [3, р. 505—506, 513—514]. Вопрос о СКК, а также о свободе передвижения западных представителей в Болгарии, Румынии и Венгрии был намечен госдепартаментом США в качестве темы, которую должна была внести на обсуждение Крымской конференции и сама американская делегация [3, р. 566, 568].

Однако на конференции руководителей СССР, США и Великобритании в Крыму, открывшейся 4 февраля 1945 г., изложенный выше план выдвижения западных претензий относительно Болгарии, Румынии и Венгрии, согласованный А. Иденом и Э. Стеттиниусом на Мальте, был осуществлен в крайне усеченном виде. Непосредственной причиной этого явилась позиция, занятая президентом США Ф. Рузвельтом на совещании ведущих членов американской делегации 4 февраля, где окончательно определялся перечень тем, которые по мнению США следовало обсудить на конференции.

На этом совещании Стеттиниус представил подготовленный госдепартаментом план, предусматривавший, что президент выдвинет на переговорах руководителей трех союзных держав семь крупных тем. Среди них второй значился проект создания Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы, а пятой — предложение относительно союзных контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии, включая вопросы свободы передвижения и предварительных консультаций. Если создание Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы аргументировалось декларированием общей необходимости активизации совместных усилий союзников по обеспечению перехода к послевоенному миру в Европе, то предложение касательно СКК сопровождалось опять все той же мотивировкой, что «позиция, проявленная русскими по отношению к делегациям США и Англии в этих комиссиях, сделала необходимым срочное прояснение положений» [3, р. 566, 568].

Хотя проект создания Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы был направлен госдепартаментом президенту 18 ян-

варя, к моменту Крымской конференции он, как подчеркнул Стеттиниус в переговорах с Иденом на Мальте 1 февраля, все еще не получил одобрения Рузвельта [3, р. 503]. На совещании с ведущими членами американской делегации 4 февраля, в день открытия ялтинской встречи, президент отклонил проект госдепартамента по этому вопросу, указав, что созданию Чрезвычайной верховной комиссии как особого органа, наделенного специальными полномочиями, он предпочитает периодические совещания министров иностранных дел США, Англии и СССР [3, р. 566; 4, р. 36—37, 88—89].

Позиция Рузвельта многократно и по-разному оценивалась в исторической литературе, прежде всего в западной историографии. Не углубляясь в рассмотрение этих оценок, что выходило бы за рамки темы данной статьи, отметим, что решение, принятое президентом США, было, очевидно, обусловлено рядом причин. Судя по имеющимся в распоряжении историка материалам, в частности краткой записи состоявшегося в тот же день, 4 февраля, обсуждения вопроса о проекте Чрезвычайной верховной комиссии присутствовавшими в Ялте сотрудниками госдепартамента с влиятельным членом американской делегации, руководителем ведомственной мобилизации Дж. Бирнсом (будущим преемником Э. Стеттиниуса на посту государственного секретаря), Ф. Рузвельт опасался чрезмерной вовлеченности США в сложности внутривосточной обстановки отдельных европейских стран; вызывала у него сомнения и сама идея существования столь «большого», с широкими полномочиями постоянного четырехстороннего органа, в котором должны были бы участвовать американцы [3, р. 570]. Если Стеттиниус усматривал в создании такого органа возможность для США действительно повлиять на положение в Центральной и Юго-Восточной Европе, то Рузвельт подходил к этому с иной точки зрения, видимо, с одной стороны, опасаясь, как бы Вашингтон не слишком «увяз» в многослойной европейской, в том числе восточноевропейской, конкретике, с другой — отнюдь не будучи уверенным, что в комиссии будет преобладать американское мнение и что представителям США не придется конфронтировать по тем или иным вопросам с остальными ее участниками, оказываясь в определенных случаях в меньшинстве. По свидетельству Стеттиниуса, президент руководствовался своей оценкой опыта созданной в 1943 г. СССР, США и Англией Европейской консультативной комиссии, работа которой, по мнению Рузвельта, не была успешной в свете стремлений США [4, р. 88—89].

Несомненно и то, что у Рузвельта были все основания предвидеть резко отрицательную реакцию СССР на подобное предложение, в частности и потому, что оно означало бы фактическую ревизию соглашений о перемирии с Болгарией, Румынией и Венгрией. Между тем важной целью президента в Ялте было дальнейшее достижение договоренности и развитие сотрудничества с Советским Союзом по ряду крупных проблем завершения войны и послевоенного мирного урегулирования, имевших, по мнению Рузвельта, особое значение для США. Одной из этих проблем было советское участие в войне против Японии. На тегеранской встрече «большой тройки» СССР высказал свое принципиальное согласие на такой шаг после разгрома Германии [5, док. № 53, с. 95]. Рузвельт и американские военные руководители подчеркивали затем, в частности осенью 1944 г., свою заинтересованность в этом, специально адресуясь по данному поводу к Советскому правительству [6, док. № 230, с. 171—172; 3, р. 370—374]. В канун Крымской конференции, 23 января 1945 г., Объединенный комитет начальников штабов США направил президенту меморандум, в котором еще раз подчеркивалось, что неотъемлемой частью усилий по разгрому Японии должно быть вступление СССР в войну на Дальнем Востоке [3, р. 396—400]. И Рузвельт, соответственно, стремился достичь в Ялте окончательной договоренности о советском выступлении против Японии. При подготовке Крымской конференции США выражали в конце января 1945 г. советским представителям свое желание обсудить на конференции этот вопрос [7, с. 12; 3, р. 393—394]¹. Особое значение Рузвельт придавал

¹ Во время Крымской конференции состоялись переговоры по этому поводу между главой Советского правительства И. В. Сталиным и президентом Ф. Рузвельтом,

и решению в Крыму ряда проблем, связанных с предстоящим созданием ООН, обсуждение которых заняло важное место в переписке между президентом США и главой Советского правительства в период, предшествовавший переговорам в Ялте [6, док. № 247, с. 182—184; док. № 253, с. 188—190; 7, с. 12]. Разумеется, к числу наиболее значительных тем Рузвельт относил будущее Германии, что было также включено в перечень вопросов, о которых американское правительство уведомило в конце января СССР как о желательных для постановки на встрече в Крыму [7, с. 12]. Из восточноевропейских проблем президент относил к наиболее важным польский вопрос, который занял особое место в его переписке с И. В. Сталиным перед Крымской конференцией. Еще в конце декабря 1944 г. Ф. Рузвельт выразил желание рассмотреть его на переговорах руководителей трех держав [6, док. № 248, с. 184—186; док. № 254, с. 190—192; док. № 255, с. 192—194; док. № 256, с. 194—195; 7, с. 12; 8, р. 399]. Стремясь к достижению в Ялте желательной для США договоренности с СССР прежде всего именно по названным выше пунктам, Рузвельт считал невозможным выступать на конференции с предложением о Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы, которое, несомненно, встретило бы противодействие с советской стороны и внесло бы лишь осложнения в переговоры, в то время как сам президент вообще сомневался в целесообразности такого проекта.

Решение президента вызвало, однако, разногласия в американской делегации. Э. Стеттиниус не был согласен с Ф. Рузвельтом. Дж. Бирнс в принципе одобрял идею представленного Стеттиниусом плана, но, подобно Рузвельту, опасался, как бы Чрезвычайная верховная комиссия не превратилась в слишком самостоятельный и наделенный широкими полномочиями орган, в результате чего США оказались бы вовлеченными в любые европейские дела, не обладая необходимой свободой действий. Это мнение имело сторонников среди членов американской делегации, которые высказывались за реализацию предложения госдепартамента, но не в изначально задуманной форме Чрезвычайной верховной комиссии, а путем организации более ограниченного по масштабам и полномочиям межсоюзнического механизма для осуществления тех же целей [3, р. 570; 4, р. 36—37, 88—89; 9, р. 33].

В конечном счете было принято компромиссное решение. С согласия Рузвельта американская делегация выдвинула на конференции предложение принять «Декларацию об освобожденной Европе», которая предусматривала взаимное согласование Советским Союзом, США и Великобританией (Франция на сей раз не упоминалась) своей политики в деле помощи народам освобожденных европейских стран и бывших государств-сателлитов при, как говорилось в проекте, «разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». В предложении делегации США конкретизировалось, что совместная помощь трех держав освобожденным европейским странам и бывшим государствам-сателлитам будет направлена на то, чтобы «а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; в) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа и д) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов». В американском предложении не упоминалось теперь о создании Чрезвычайной верховной комиссии. Предусматривалось лишь, что «когда, по мнению трех правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств-сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они немедленно учредят надлежащий механизм для осуществления совместной ответственности, установленной настоящей декларацией» [7, док. № 15, прилож. 2, с. 186—187]. В самом тексте пред-

в результате чего 11 февраля руководители трех держав подписали в Ялте соглашение о вступлении СССР в войну с Японией после капитуляции Германии и об условиях этого вступления [7, док. № 12, с. 140—141; док. № 27, с. 273—274].

ложения, представленного США, не уточнялось, каким будет упомянутый «надлежащий механизм». Однако при обсуждении данного вопроса сотрудниками госдепартамента совместно с Дж. Бирнсом, а также при участии руководителя департамента реконструкции британского Форин оффис Г. Джебба 4 февраля 1945 г. были высказаны соображения, что в случае предусмотренных действий трех держав в отношении какой-либо европейской страны будет создаваться специальная комиссия и что для «поддержания внутреннего порядка» в тех случаях, когда «другие средства не имеют успеха», может быть предпринято «совместное использование силы» [3, р. 569, 570].

В том виде, как он был сформулирован в официальном предложении, советская делегация на конференции сочла американский проект в целом приемлемым, выдвинув, однако, со своей стороны некоторые поправки: в частности, пункт о «надлежащем механизме» заменить положением, что во всех случаях, когда это потребуется, правительства трех держав «будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации». Делегации США, равно как и Англии, пришлось согласиться на такую поправку. В этой редакции и была принята окончательно ялтинская «Декларация об освобожденной Европе» [7, док. № 17, с. 195; док. № 25, с. 267—269; 3, р. 873; 4, р. 253]². О каком-либо «механизме» больше не упоминалось. Таким образом, первоначальный замысел госдепартамента, осуществление которого могло бы, в частности, создать для западных союзников канал непосредственного вмешательства во внутреннее развитие Болгарии, Румынии и Венгрии в обход СКК, потерпел полную неудачу.

Причины, обусловившие отказ Рузвельта от выдвижения проекта создания Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы, во многом определили и то, что предложение Стеттиниуса о предварительных консультациях относительно решений СКК в Болгарии, Румынии и Венгрии и о свободе передвижения западных представителей не получило никакого развития [3, р. 566]. США, вопреки планам госдепартамента, вообще не подняли данного вопроса на конференции.

В результате с претензиями по поводу Болгарии, Румынии и Венгрии выступила в Ялте лишь британская сторона. В соответствии с договоренностью между А. Иденом и Э. Стеттиниусом на Мальте, английская делегация подняла на Крымской конференции вопрос об СКК применительно к Болгарии, ситуация в которой особенно тревожила Лондон и Вашингтон (подробнее см. [1, с. 17—21]). Британская сторона настаивала на предварительных консультациях, свободе передвижения британских представителей и распространении на Болгарию положения, предусмотренного статутом СКК в Венгрии (последний рассматривался западными державами как более приемлемый [1, с. 26—27]). В документе, представленном английской делегацией, содержалось согласованное на Мальте и уже характеризовавшееся выше требование: «В тех случаях, когда Советское правительство считает необходимым предпринять по военным соображениям односторонние действия, не предусмотренные в соглашении о перемирии, такие действия должны быть предприняты под единоличную ответственность Советского правительства и только от его имени». Выдвигалось также требование, чтобы после окончания военных действий против Германии СКК работала на основе равного участия всех трех держав, единогласие которых было бы обязательным условием всех ее решений

² Делегации США и Англии приняли эту поправку, а советская делегация сняла другую выдвинутую ею поправку, вызвавшую возражения западных союзников. Она предусматривала, что в своей помощи освобожденным от фашизма европейским странам три державы будут оказывать поддержку «политическим деятелям этих стран, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации» [7, док. № 15, с. 182, 187; док. № 16, с. 192; док. № 17, с. 195; док. № 19, с. 214]. В окончательном варианте Декларации говорилось также, что «три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре». Это добавление было сделано по предложению английской делегации [7, док. № 16, с. 192, 194; док. № 19, с. 214].

и действий. Без одобрения как британским, так и американским представителями Советское Главнокомандование в течение второго периода перемирия также должно было бы действовать лишь от своего собственного имени [7, док. № 11, с. 135; док. № 17, прилож. 8, с. 206—207].

Было очевидно, что удовлетворение подобных претензий не только означало бы пересмотр всей организации союзнического контроля в Болгарии, но и создавало бы прецедент по меньшей мере для аналогичного пересмотра во всех трех восточноевропейских бывших вражеских государствах, если не для полной ревизии основополагающих принципов деятельности СКК в Болгарии, Румынии и Венгрии.

Меморандум относительно СКК в Болгарии английская делегация представила на рассмотрение Крымской конференции одновременно с рядом других документов, значительная часть которых также касалась Болгарии и Румынии.

Один из этих документов касался болгарских репараций Греции. В данном вопросе Лондон проводил политику, обусловленную, с одной стороны, стремлением укрепить внутреннее и внешнеполитическое положение греческого буржуазно-монархического режима, поставленного у власти с помощью прямого военного вмешательства Англии. С другой стороны, британские требования открывали возможность дополнительного воздействия на Болгарию и были сопряжены опять-таки с планами расширения прерогатив западных держав в механизме союзнического контроля. Как мы уже отмечали, еще в середине ноября 1944 г. Лондон, ссылаясь на необходимость срочной реализации болгарских репарационных обязательств Греции, выдвинул предложение о создании Консультативной комиссии для Болгарии по итальянскому образцу с участием СССР, Англии и США, а также греческого и, возможно, югославского представителей, которая, в отличие от СКК, была бы построена на принципе равенства всех ее членов. Этот замысел не получил практического воплощения [1, с. 24—23]. Поэтому британская дипломатия продолжала искать здесь новые варианты.

В начале января 1945 г. Лондон «предложил» греческому правительству добиваться от СССР аккредитации при СКК в Болгарии специальной миссии Греции, которая имела бы необходимые полномочия и статус для осуществления претензий Афин через СКК. 23 января соответствующий демарш был предпринят перед Советским правительством послом Греции в Москве в качестве «греческой инициативы». А днем раньше английское посольство в СССР само обратилось по тому же поводу к народному комиссару иностранных дел. По английской просьбе греческий демарш был поддержан также посольством США в Москве [7, док. № 17, прилож. 7, с. 205; 10, р. 141, 147—148]. Советское правительство не возражало против того, чтобы Греция имела определенное представительство при СКК в Болгарии. Еще 18 декабря 1944 г. британская сторона получила советское предложение о назначении греческого связного, который бы представлял контрольной комиссии требования Греции по соглашению о перемирии [10, р. 147—148]. Однако Лондон и действовавшее по его подсказке афинское правительство настаивали в январе 1945 г. на ином статусе греческого представителя: он должен был «иметь доступ» в СКК при рассмотрении всех вопросов, «затрагивающих интересы» Греции [10, р. 148]. Фактически речь шла не о представительстве при СКК, а о претензиях на определенное участие в ее работе, причем формула о вопросах, «затрагивающих интересы» Греции, давала возможность для самых широких толкований. Более того, британская сторона специально оговаривала, чтобы греческий представитель имел «прямой доступ» как к советскому председателю СКК, так и к представителям Англии и США в комиссии [10, р. 141, 148]³. Особый упор на такую процедуру мог вести к возникно-

³ Поскольку, по соглашению о перемирии, репарации с Болгарии должна была получать, аналогично Греции, и Югославия, в обращении британского посольства в НКВД СССР от 22 января 1945 г. англичане были вынуждены предложить указанную процедуру для Греции и Югославии одновременно [10, р. 148], хотя сам замысел касался одной Греции [10, р. 141].

нению ситуации своего рода равной ответственности, а тем самым и равной компетенции каждой из трех союзных держав по данному вопросу в СКК, что создавало бы прецедент, нарушающий сложившееся положение в СКК, которое как раз и стремились изменить западные союзники.

В документе, предложенном английской делегацией на Крымской конференции, подтверждались требования, содержавшиеся в греческом демарше перед Советским правительством от 23 января и в письме британского посла к наркому иностранных дел СССР от 22 января 1945 г. В документе настаивалось также на срочном осуществлении ряда репарационных поставок Болгарии в Грецию, равно как на определении общей стоимости болгарских репараций Греции (а также Югославии), причем британская сторона стремилась использовать решения, принятые в связи с взиманием репараций с Венгрии в пользу Югославии и Чехословакии [7, док. № 17, прилож. 7, с. 204—206].

Британский «пакет предложений», внесенный в Ялте, включал в себя и другой вопрос, касавшийся Болгарии, — о болгаро-югославском сотрудничестве [7, док. № 17, с. 197; 3, р. 890—891]. Это было продолжением предлагавшихся осенью 1944 — в начале 1945 г. усилий Лондона, проявлявшего особую активность и заинтересованность в отношении Юго-Восточной Европы, в частности Болгарии и Югославии, помешать утверждению тесной взаимосвязи между двумя указанными народно-демократическими государствами, которые устанавливали всестороннее сотрудничество в различных областях взаимных отношений, вплоть до обсуждения планов объединения в совместной федерации. Проекты создания такой федерации рассматривались болгарскими и югославскими представителями в конце 1944 — начале января 1945 г. Ввиду несовпадения в подходе сторон к проблеме структуры и организации будущего объединения переговоры о федерации не привели в тот момент к согласованному решению, а когда во второй половине января 1945 г. обсуждение было продолжено, в качестве практической цели на первый план выдвинулся вопрос о заключении договора о сотрудничестве и союзе между обеими странами [11, с. 366—367, 368—369; 12, с. 235—238, 245—246, 251—252, 265; 13, с. 103—105] ⁴. Между тем, получив еще в конце 1944 г. сведения о болгаро-югославских переговорах относительно федерации, правительство Англии заняло по этому поводу резко отрицательную позицию.

В Лондоне рассматривали любое объединение двух народно-демократических государств, где у власти стояли революционные силы, руководимые компартиями, как фактор усиления революционного процесса, того, что британский премьер У. Черчилль именовал «коммунистическим влиянием на Балканах». Английское правительство опасалось также, что это будет способствовать еще большему ослаблению и изоляции буржуазно-монархического режима в Греции, который и без того едва удерживался в тот момент с помощью английского военного вмешательства [3, р. 238; 14, р. 199—202]. Наряду с указанными причинами важную роль в британской позиции играло также выраженное в документе Форин оффис (его составил помощник заместителя министра иностранных дел О. Сарджент) беспокойство по поводу того, что участие Болгарии в федерации с Югославией, являвшейся союзным государством, «дало бы возможность Болгарии... избежать... последствий ее действий», совершенных в период, когда она была сателлитом гитлеровской Германии [14, р. 201] (см. также [15, с. 21]). За подобной формулой ясно видно опасение, как бы объединение Болгарии в федерации с Югославией, членом антигитлеровской коалиции, вообще не лишило Англию и США возможностей использовать в отношении Болгарии свой статус держав-победительниц. Точка зрения,

⁴ Впоследствии в литературе, в том числе югославской и болгарской, давались различные оценки планам создания федерации на рубеже 1944—1945 гг. Рассмотрение вопроса о федерации по существу, оценка тогдашних планов и тех мотивов, которыми руководствовались Болгария и Югославия, не связаны непосредственно с анализом позиции западных держав в отношении указанных планов и выходят за пределы задан. решаемых в данной статье.

изложенная Сарджентом, была принята британским правительством и положена в основу представления, направленного 27 декабря 1944 г. в Москву, а также в Вашингтон и содержавшего возражения против объединения Болгарии и Югославии в рамках федерации [14, р. 202; 3, р. 238, 890].

Британская позиция, о которой затем Лондон информировал также Белград, а позже и Софию [12, с. 251; 13, с. 103; 15, с. 22], являлась в тот момент фактором, ставившим под вопрос целесообразность дальнейших болгаро-югославских переговоров о федерации, принимая во внимание, что Англия была одной из трех держав, подписавших соглашение о перемирии с Болгарией. Естественно, с этим приходилось считаться как болгарскому правительству, так и Советскому Союзу, который подписывал соглашение о перемирии совместно с Англией и США. Наряду с этим руководство новой Югославии также встало перед необходимостью учитывать британский протест, поскольку считало нежелательным обострение отношений с Англией по данному поводу [12, с. 251]. Ввиду британского демарша представители Болгарии и Югославии вместе с представителями Советского Союза, который осуществлял функции союзнического контроля в Болгарии и которому был непосредственно адресован английский протест, обсудили указанный вопрос и был сделан вывод, что в сложившихся условиях не следует форсировать создание федерации. Было решено, что целью болгаро-югославских переговоров должно стать заключение договора о сотрудничестве и союзе между обеими странами. Проблема же федерации могла быть обсуждена и решена Болгарией и Югославией позднее, при возникновении подходящей обстановки [12, с. 251—252, 265; 7, док. № 17, с. 197]. Таким образом, именно позиция Англии явилась в тот момент препятствием ведению переговоров о федерации⁵.

Более того, Лондон решил поставить данный вопрос на встрече «большой тройки» в Ялте, стремясь добиться принятия конференцией официального решения, вовсе исключавшего возможность осуществления Болгарией и Югославией их планов, против которых выступала Англия [14, р. 203; 3, р. 890—891]. Мнение госдепартамента США, как констатировалось в одном из его подготовительных документов к встрече в Ялте, «в общем соответствовало британской позиции» [3, р. 238]. На самой Крымской конференции британская делегация, поставив вопрос о болгаро-югославских отношениях, внесла меморандум с требованием принятия решения против возможного федерирования между двумя странами. Это мотивировалось тем, что бывшие вражеские государства не могут заключать соглашений с другими странами без согласия всех держав-победительниц [7, док. № 17, с. 197; 3, р. 890—891].

Наконец, в британском «пакете предложений» были выдвинуты и претензии, касавшиеся интересов Англии в нефтепромышленности Румынии.

⁵ Между тем, рассматривая данную проблему, английский историк Э. Баркер выдвинула еще в 1950 г. [16, р. 100—101], а затем повторила и развила в своей вышедшей в 1976 г. книге о британской политике в Юго-Восточной Европе в годы второй мировой войны тезис, согласно которому англичане лишь «кое-что сделали, чтобы заблокировать страшивший их болгаро-югославский союз», но главным фактором блокирования якобы явился СССР. Вся «аргументация» Баркер свелась к тому, что ей «кажется сомнительным, имели ли они (англичане. — Л. Г.) успех, если бы Сталин не начал думать, что он также заинтересован в предотвращении этого» [14, р. 203]. Построения Баркер, основанные ею на общих домыслах о советской политике в вопросе болгаро-югославских отношений, не только абсолютно бездоказательны, но и прямо противоречат имеющемуся фактическому материалу [12, с. 265]. Однако подобная интерпретация получила достаточно широкое распространение в западной литературе — от представителя английской официозной историографии К. Вудхауса до американского «неоревизиониста» Г. Колко, без всяких оговорок утверждающих, будто СССР помешал Болгарии и Югославии заключить соглашение [17, р. 93, 158; 18, р. 136]. В своей недавно опубликованной статье, специально посвященной британской политике в вопросе болгаро-югославских отношений осенью 1944 — весной 1945 г., болгарский историк С. Пинтев, опираясь на значительный документальный материал, в том числе из государственного архива Великобритании, убедительно показал, что фактором противодействия сближению между Болгарией и Югославией в указанный период была исключительно позиция Англии [15].

Этот шаг также был продолжением линии, уже проводившейся на протяжении предшествовавшего времени Лондоном и Вашингтоном.

Западные союзники имели особые интересы в румынской нефтяной промышленности, куда были вложены английские и американские капиталы. Еще в начале апреля 1944 г., когда советские войска вступили на территорию Румынии, на Западе стали распространяться слухи об «опасности», будто бы возникшей в связи с этим для собственности концернов Англии и США в румынской нефтепромышленности. По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, американская торговая палата настаивала даже, чтобы правительство США приняло «меры, обеспечивающие американскую собственность» [19, д. 3467, л. 1—2]. Между тем заключенное 12 сентября 1944 г. соглашение о перемирии с Румынией, в выработке которого решающая роль принадлежала Советскому Союзу, обязывало румынское правительство «восстановить все законные права и интересы Объединенных Наций и их граждан на румынской территории, как они существовали перед войной, а также вернуть в полной сохранности их собственность» [20, с. 209]. Однако начиная с ноября 1944 г. правительство Англии, ссылаясь на имеющиеся у него сведения, предприняло перед Советским правительством ряд дипломатических демаршей с утверждениями о нанесении ущерба британским интересам в румынской нефтяной промышленности вследствие того, что осуществляемый по распоряжению СКК вывоз части нефтеоборудования в качестве трофеев из Румынии в СССР производится также и с предприятий, в которые вложен английский и американский капитал. Британские протесты носили острый характер и сопровождались всяческими обвинениями в адрес советских представителей и руководства СКК в Румынии [7, примеч. 55, с. 312; 21, р. 254—255, 285]. Лондон адресовался по этому поводу к правительству США, которое поддержало британские протесты и само также предприняло перед Советским Союзом в конце 1944 — начале 1945 г. ряд демаршей по этому поводу [21, р. 252—253, 254, 255—256, 257, 263—264, 266, 268, 286, 288].

Советская сторона указывала в ответ, что не считает позицию западных держав обоснованной, поскольку оборудование, о котором шла речь, было во время второй мировой войны завезено в Румынию Германией для захваченных ею нефтяных предприятий и использовалось гитлеровцами в войне против СССР, вследствие чего Советское правительство рассматривает указанное оборудование как немецкое трофейное имущество, подлежащее передаче Советскому Союзу на основании соответствующей статьи соглашения о перемирии [7, примеч. 55, с. 312; 21, р. 256, 263—264, 266, 274—275; 22, р. 647]⁶. Придерживаясь высказанной им точки зрения, Советское правительство вместе с тем проявило готовность пойти навстречу западным державам, а также учесть нужды и интересы румынской нефтяной промышленности и в начале января 1945 г. информировало Англию и США, что оно дало указание руководству СКК в Румынии прекратить дальнейшую отправку нефтеоборудования в СССР [7, примеч. 55, с. 312; 22, р. 647].

Выражая свое удовлетворение этим шагом Советского Союза, Лондон и Вашингтон тем не менее продолжали дипломатическую активность по данному вопросу. Он стал предметом обсуждения между Э. Стеттиниусом и А. Иденом на Мальте 1 февраля 1945 г., и в соответствии с достигнутой там двумя министрами иностранных дел договоренностью британская делегация подготовила соответствующий документ для внесения на рассмотрение Крымской конференции [3, р. 505—506, 514]. В документе, представленном в Ялте, английская сторона возражала против того, чтобы оборудование на нефтяных предприятиях в Румынии, о котором шла речь, рассматривалось в качестве трофейного. Она настаивала на том, чтобы его частичный вывоз засчитывался в качестве репараций и были «при-

⁶ Соглашением о перемирии с Румынией предусматривалось, что «Правительство и Главное Командование Румынии обязуются передать в качестве трофеев в распоряжение Союзного (Советского) Главкомаандования все находящееся на территории Румынии военное имущество Германии и ее сателлитов» [20, с. 207].

няты меры для компенсации нефтяных компаний». Помимо собственно экономического, британские претензии носили политический характер: в документе опять-таки делался упор на все тот же тезис о необходимости предварять решения СКК обсуждением соответствующих вопросов с представителями Англии и США [7, док. № 17, прилож. 6, с. 204] ⁷.

Перечисленные английские предложения были единственными предложениями по поводу восточноевропейских бывших вражеских государств, внесенными на рассмотрение Крымской конференции, поскольку Советский Союз вообще не видел причин обсуждать в Ялте какие-либо вопросы относительно Болгарии, Румынии и Венгрии [2, с. 25—27], а делегация США, как уже говорилось, вследствие позиции, занятой Ф. Рузвельтом, воздержалась от постановки таких вопросов на встрече «большой тройки» ⁸.

Британский «пакет предложений», включавший и документы, не носившиеся к Болгарии, Румынии и Венгрии, был представлен на рассмотрение министров иностранных дел, сопровождавших руководителей трех держав в Ялте. Уже при самом внесении всех этих вопросов в повестку дня советская сторона высказала решительное несогласие с британской позицией. Спор возник на заседании министров иностранных дел в связи с напоминанием А. Идена о необходимости обсудить болгаро-югославские отношения. В ответ народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил, что в данный момент вопрос о федерации не является актуальным и целью болгаро-югославских переговоров является заключение союзного договора. Однако министр иностранных дел Англии высказался и против договора, причем опять-таки утверждал, что Болгария как бывшая вражеская страна не может заключить его без разрешения союзных держав, т. е. настаивал на британском праве вето. В. М. Молотов, выступивший в поддержку договора, не согласился с английской интерпретацией, подчеркивая, что Болгария уже сотрудничает с Югославией в борьбе против гитлеровцев, а потому договор между этими странами, одна из которых к тому же является союзным государством, не может вызывать возражений [7, док. № 17, с. 197] ⁹.

⁷ Английские настояния были подкреплены Вашингтоном, давшим инструкции своему посольству в Москве сообщить об отказе правительства США принять советскую точку зрения на указанное нефтеоборудование как на военные трофеи [3, р. 961].

⁸ Венгерский историк П. Варкоњи в своей книге о венгерско-американских отношениях 1945—1948 гг. выразил мнение, что сделанное во время Крымской конференции предложение Ф. Рузвельта И. В. Сталину о переброске из Италии в район Будапешта значительных американских военно-воздушных сил, которое президент США мотивировал интересами более эффективной бомбардировки территории противника к северу от Альп, в действительности не было вызвано военной необходимостью, а за этим скрывались политические причины [23, 33 old.] (см. также [6, док. № 267, с. 201; 3, р. 647]). Подобная постановка вопроса требует, однако, конкретной аргументации, отсутствующей в работе П. Варкоњи. Без такой аргументации неясно, какие политические расчеты могли связываться с переброской американских авиационных частей в район, занятый советскими войсками. Как известно, на просьбу, изложенную в меморандуме Рузвельта Сталину 7 февраля 1945 г., Советским правительством был дан положительный ответ [6, примеч. 94, с. 320].

⁹ Болгарский историк А. Наков, кратко касаясь указанного сюжета, пишет: «Во время конференции по инициативе советских представителей была выдвинута идея заключения союзного договора между Болгарией и Югославией. Она, однако, была отвергнута западными представителями и больше всего английским министром иностранных дел Иденом» [24, с. 67—68]. В действительности советская сторона вообще не ставила данного вопроса на конференции. Наоборот, проблема болгаро-югославских отношений была поднята англичанами в связи с их возражениями против федерации. Информация В. М. Молотова относительно возможного заключения договора была лишь ответом на британские претензии. Вследствие неточности формулировки слова Накова могут быть истолкованы таким образом, будто идея заключения болгаро-югославского договора возникла лишь во время Крымской конференции по инициативе СССР. На самом же деле, как отмечалось выше и как указал на самой конференции Молотов, идея эта была выдвинута еще до встречи в Ялте и стала целью уже ведущихся болгаро-югославских переговоров в результате согласованного решения, достигнутого Советским Союзом, Болгарией и Югославией после упомянутого выше британского демарша в декабре 1944 г. В болгарской историографии весь указанный комплекс проблем, включая обсуждение вопроса о болгаро-югославских отношениях на Крымской конференции, получил аргументированное освещение в работе С. Пинтева [45].

Американская сторона была солидарна с требованиями, выдвинутыми в британском «пакете». И это проявилось при обсуждении вопроса о болгаро-югославском сотрудничестве, когда Э. Стеттиниус выразил согласие с юридической аргументацией А. Идена, утверждавшего, что бывшие вражеские государства не могут заключать соглашений с другими странами [3, р. 877; 4, р. 257]¹⁰. Однако позиция СССР серьезно воздействовала на практическую линию поведения делегации США. По свидетельству самого Стеттиниуса, в результате дискуссии между Молотовым и Иденом он сделал вывод о том, что шансы на принятие английских предложений в Ялте отсутствуют [4, р. 258]. Это побудило государственного секретаря США действовать более осторожно и воздержаться от поддержки британских настояний о вынесении конференцией определенных решений против заключения договора о союзе между Болгарией и Югославией. Наоборот, в сложившейся ситуации он склонился к тому, что более предпочтительным было бы вообще отложить рассмотрение поднятой проблемы, снять ее с повестки дня ялтинской встречи. Результатом явилось предложение Стеттиниуса продолжить обсуждение не на конференции, а после нее в Москве между Молотовым и послами Англии и США [7, док. № 28, с. 284; 3, р. 877; 4, р. 257—258]. Советская сторона, которая сама высказывалась за то, чтобы отложить дальнейшее рассмотрение по крайней мере до следующего заседания, согласилась с государственным секретарем США [7, док. № 17, с. 197; док. № 21, с. 240; док. № 28, с. 281].

В итоге английская делегация оказалась в весьма сложном положении. Уже предварительный обмен мнениями между министрами иностранных дел при постановке вопроса о болгаро-югославском сотрудничестве — а другие английские документы, касавшиеся Болгарии и Румынии, министрами не обсуждались — показал, что, с одной стороны, британская акция наталкивается на решительное противодействие Советского Союза, с другой — под влиянием позиции СССР американская делегация, хотя и разделяет английские стремления, вынуждена, однако, маневрировать, предпочитая отказаться от рассмотрения на конференции внесенных Англией требований, нежели вступать в Ялте по этому поводу в конфронтацию с советской делегацией. Возникшая ситуация привела к тому, что, вопреки первоначальным планам и договоренности между дипломатией Англии и США перед Крымской конференцией, на самой встрече в Крыму и советская и американская стороны, каждая по совершенно противоположным причинам, высказались за одно и то же практическое решение — снять британское требование об отношениях между Болгарией и Югославией с повестки дня конференции. И вполне реальной была перспектива аналогичного результата в случае обсуждения в Ялте других английских настояний относительно Болгарии, а также Румынии.

В этих условиях английской делегации пришлось отступить. 11 февраля, в последний день встречи в Ялте, Иден направил Молотову предложение, чтобы не только вопрос о болгаро-югославском договоре, но и весь британский «пакет», включая требования по поводу СКК в Болгарии, греческих претензий к Болгарии и нефтяного оборудования в Румынии, а также по некоторым другим проблемам, был обсужден уже после Крымской конференции по дипломатическим каналам [7, док. № 22, с. 255—256] (см. также [3, р. 964—965]). В письме наркому иностранных дел СССР министр иностранных дел Англии мотивировал это «недостатком времени», поскольку конференция уже заканчивается [7, док. № 22, с. 255]. Дело, однако, было не только в недостатке времени: фактически британская сторона оказалась вынужденной согласиться на то решение, которое было предложено Стеттиниусом и поддержано Молотовым в связи

¹⁰ Возражая Идену, Молотов, как зафиксировано в советской записи дискуссии, заявил, что «английское правительство ранее не возражало против заключения договоров между бывшими вражескими и союзными странами, хотя было решено, что вражеские государства не могут вступать в договорные отношения друг с другом» [7, док. № 17, с. 197]. В случае же с болгаро-югославским договором речь шла как раз о соглашении между бывшей вражеской и союзной страной, а, стало быть, юридические препятствия отсутствовали.

с дискуссией по вопросу о договоре между Болгарией и Югославией, при чем согласиться на подобное решение применительно не только к данному вопросу, но и ко всему «пакету», внесенному английской делегацией.

Что практически значил такой исход английской акции?

В исторической литературе почти не встречается всеобъемлющих оценок по этому поводу, поскольку вообще вопрос о британских предложениях относительно Болгарии и Румынии и их обсуждении на Крымской конференции до сих пор не получил достаточно широкого освещения. Работы, где тем или иным его аспектам уделено несколько большее внимание, буквально единичны [15, с. 21—22; 25, р. 50]. Даже в объемистых монографиях, специально посвященных встрече в Крыму, подобных, например, приобретшей значительную известность книге американской исследовательницы Д. Клеменс «Ялта» [26], указанный сюжет просто обойден молчанием. Вместе с тем в некоторых работах, лишь бегло упоминающих об отдельных сторонах данного вопроса, дается при этом интерпретация хода и результатов его обсуждения на Крымской конференции, не только не вытекающая из анализа конкретного исторического материала, но и противоречащая последнему. Сказанное относится, в частности, к оценке, высказанной югославским историком Н. Чинго, кратко затронувшим обсуждение вопроса о болгаро-югославском договоре на Крымской конференции.

Отмечая, что договор не был подписан ввиду неблагоприятных международных условий, проявившихся в Ялте, он конкретизирует эти условия следующим образом: с одной стороны, британский министр иностранных дел отрицал право Болгарии на заключение такого договора и «потребовал прекращения югославо-болгарских усилий» в указанном направлении, с другой — народный комиссар иностранных дел СССР в связи с английским требованием, «хотя подчеркивал, что не уполномочен говорить от имени двух суверенных государств (Болгарии и Югославии, — Л. Г.), все же согласился, чтобы вопрос был рассмотрен на уровне послов, что в сущности означало его снятие с повестки дня» [27, с. 86]. Ни об энергичных возражениях советской делегации против британских настояний, ни о вызванном именно этими возражениями компромиссном предложении США, на которое — а вовсе не на английские требования — согласилась советская сторона, Чинго не упомянул ни словом. Неверно осветив, таким образом, сам ход дискуссии и позиции сторон, он и совершенно неверно интерпретировал результаты, которыми закончилось обсуждение в Ялте. Формулой, что советское согласие продолжить позднее обсуждение всей проблемы на уровне послов означало снятие вопроса о болгаро-югославском договоре с повестки дня, Чинго имеет в виду не повестку дня Крымской конференции, а то, что тем самым, по его мнению, признавалась вообще невозможность заключения договора. В действительности же согласие СССР на американское предложение об обсуждении указанного вопроса после конференции позволило закрепить наметившееся расхождение между Англией и США, обусловленное советской дипломатией, и расстроить британский замысел поставить СССР перед единым требованием западных партнеров. Английская делегация сама оказалась перед общим предложением других участников конференции, означавшим неудачу британского намерения добиться принятия в Ялте официального решения о запрещении Болгарии заключать подобного рода договор. Тем самым решение отложить рассмотрение проблемы болгаро-югославского договора на период после конференции означало не то, что само заключение договора снималось с повестки дня, как утверждает Н. Чинго, а, наоборот, — что английское требование о запрете договора «большой тройкой» удалось блокировать и была сохранена возможность продолжения борьбы за право Болгарии и Югославии на его подписание.

Другое немаловажное обстоятельство, мимо которого совершенно прошел Чинго, состояло в том, что Англия и США пользовались статусом держав-победительниц, подписавших вместе с СССР соглашение о перемирии с Болгарией и обладавших определенными прерогативами совместной с ним ответственности в отношении союзнического контроля. И по-

сколькo Англия категорически выступила против болгаро-югославского договора, с этим, при всей спорности британских аргументов, нельзя было не считаться. Последнее касалось и СССР, связанного с Англией союзническими обязательствами, и Болгарии, связанной соглашением о перемирии, и, наконец, Югославии — не случайно, получив в январе 1945 г. британские возражения против предполагаемого создания федерации, И. Броз Тито считал нежелательным обострение отношений с Лондоном по этому поводу [12, с. 251]. В этих условиях путь к заключению болгаро-югославского договора лежал только через межсоюзнические переговоры, целью которых для Советского Союза было добиться устранения британских возражений. В противоположность толкованию Н. Чинго, отказ от переговоров был бы как раз равносителен отказу от заключения договора. Согласие же СССР продолжить обсуждение вопроса о договоре с послами западных союзников в Москве после Крымской конференции означало стремление советской стороны к устранению препятствий, поставленных Лондоном. И советская дипломатия практически действовала в данном направлении. Через месяц после встречи в Ялте нарком иностранных дел СССР информировал посла США, что можно было бы начать дискуссию о болгаро-югославском договоре [15, с. 23—24].

Таким образом, утверждение Чинго, будто в результате Крымской конференции, и конкретно — позиции советской делегации в Ялте, вопрос о заключении договора перестал быть актуальным, просто неверно. Наоборот, с советской стороны как на самой конференции, так и после нее прилагались усилия с целью сделать заключение договора возможным. Противодействие исходило всецело от Англии, которая добивалась, чтобы в Ялте было принято решение, запрещающее Болгарии заключение договоров с другими странами, в частности с Югославией. Из-за решительных советских возражений британская сторона потерпела в этом неудачу, будучи вынужденной в итоге снять внесенное ею требование с повестки дня. То же самое относится и к снятию Англией с повестки дня конференции других предложений, касавшихся Болгарии, а также Румынии: это означало поражение Лондона в его попытке использовать Ялту для осуществления выдвинутых им претензий относительно восточноевропейских бывших вражеских государств¹¹.

Таким образом, ничто из того, к чему стремилась английская и американская дипломатия по поводу Болгарии, Румынии и Венгрии и что она планировала в связи с Крымской конференцией, в Ялте осуществить не удалось. Решающую роль сыграла в этом позиция СССР, которая либо воспрепятствовала планам западных союзников, как это произошло с британским «пакетом предложений», либо явилась первостепенным фактором,

¹¹ Это не значит, что английское правительство вообще отказалось от своих целей. После Ялты оно возобновило перед правительством СССР требование, выдвинутое на Крымской конференции. Британский посол в Москве был даже инструктирован заявить Советскому правительству, что в случае развития событий, негодных Лондону, правительство Англии «будет вынуждено сделать свою позицию ясной публично» [15, с. 22]. Это усиленное английское противодействие болгаро-югославскому договору и имел, очевидно, в виду Г. Димитров, когда в своей речи на приеме в честь главы югославского правительства И. Броз Тито во Всеславянском комитете в Москве 13 апреля 1945 г. особо подчеркнул, что за пределами Болгарии и Югославии имеется немало людей, которые «косо смотрят» на сближение между двумя странами [28, с. 35]. Месяц спустя в речи на I съезде КП Сербии И. Броз Тито, отметив обоюдные усилия Югославии и Болгарии «укрепить отношения братства и единства», прямо указал при этом, что осуществлению «более глубоких стремлений» в налаживании сотрудничества между двумя странами препятствуют Англия и США [29, с. 214]. Британская позиция чрезвычайно затрудняла деятельность советской дипломатии, призванную устранить препятствия заключению договора. В упоминавшейся выше работе, специально посвященной данной проблеме, С. Пинтеву ввиду отсутствия необходимого материала не удалось выяснить, чем закончился обмен мнениями между тремя союзными державами относительно договора после Крымской конференции [15, с. 24]. Известно, однако, что в тот момент он так и не был заключен. Препятствия, созданные Лондоном, не удалось преодолеть до мирного договора с Болгарией в 1947 г., когда британские возражения потеряли силу и между Болгарией и Югославией был заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный 27 ноября 1947 г. [30, док. № 39, с. 96—99].

который они вынуждены были принимать в расчет, как это было с решением президента США отказаться от подготовленного госдепартаментом предложения о создании Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гибианский Л. Я.* Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции. — Советское славяноведение, 1981, № 3.
2. *Гибианский Л. Я.* Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии. — Советское славяноведение, 1981, № 4.
3. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945.* Washington, 1955.
4. *Stettinius E. R.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. New York, 1949.
5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978.
6. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. II. Изд. 2-е. М., 1976.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1979.
8. *Harriman W. A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. New York, 1975.
9. *Byrnes J. F.* Speaking Frankly. New York and London, 1947.
10. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, v. IV.* Washington, 1968.
11. *Драгойчева Ц.* Повеля на дълга (Спомени и размисли). Кн. 3. Победата. София, 1979.
12. *Smolaka J.* Partizanski dnevnik. Beograd, 1972.
13. *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944—1957. Sećanja. Ljubljana—Beograd, 1980.
14. *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976.
15. *Питчев С.* Англия и българо-югославското сближение през есента на 1944 г. и пролетта на 1945 г. — Векове, 1979, кн. 6.
16. *Barker E.* Macedonia. Its Place in Balkan Power Politics. London and New York, 1950.
17. *Woodhouse C. M.* The Struggle for Greece, 1941—1949. London, 1976.
18. *Kolko G.* The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943—1945. New York, 1968.
19. ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 27/1.
20. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II. М., 1946.
21. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944, v. IV.* Washington, 1966.
22. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, v. V.* Washington, 1967.
23. *Várkonyi P.* Magyar-amerikai kapcsolatok. 1945—1948. Budapest, 1971.
24. *Нахов А.* Българо-съветски отношения. 1944—1948. София, 1978.
25. *Гибианский Л. Я.* Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе второй мировой войны (январь — май 1945). — *Études balkaniques*, 1976, № 1.
26. *Clemens D. Sh.* Yalta. New York, 1970.
27. *Чинго Н.* Политиката на БРП/к/ спрема македонското прашање во периодот 1944—1948. Скопје, 1976.
28. Славяне, 1945, № 4.
29. Оснивачки конгрес КП Србије (8—12 мај 1945). Приредили за штампу: М. Борковић, В. Глишић. Београд, 1972.
30. Външна политика на Народна република България. Сборник от документи и материали в два тома. Т. I. 1944—1962. София, 1970.

МИХУТИНА И. В.

О МЕСТЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ПАРТИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Давно подмечено, что диктаторские режимы, характерные для Центральной и Юго-Восточной Европы в двадцатилетие между первой и второй мировыми войнами, при некотором сходстве с фашистскими диктатурами значительно отличались от последних. Представляется, что такие существенные черты, как узость массовой базы авторитарных диктатур, не опиравшихся в данном регионе на партии фашистского типа, и тщетность попыток уже после их установления организовать общественную опору в виде правительственных партий, наряду с этим — почти повсеместное сохранение таких важных элементов политической системы парламентаризма, как партии различных направлений, в том числе и оппозиционные, да и сама специфика кризиса парламентского правления, в короткий срок смененного неконтролируемой властью, — происходили из особенностей экономического и социально-политического развития рассматриваемых стран.

Известно, что буржуазно-демократическая тенденция, выражавшаяся в становлении представительных форм государственной власти, проявила себя здесь относительно поздно. Только после первой мировой войны восстановленные и утверждавшиеся в новых границах независимые государства Центральной и Юго-Восточной Европы конституировались как республики или расширяли парламентарные и конституционные начала в учрежденных ранее монархиях. Это не только по времени, но и по фазе развития капиталистической формации не совпадало с этапами формирования буржуазно-демократических систем в ведущих капиталистических странах, где этот процесс происходил в период становления капитализма и был связан обычно с победой буржуазных революций. В рассматриваемом же регионе капитализм, уже проделав известный путь, имел за собой традицию и опыт медленного, без радикальной ломки старых социально-экономических и политических устоев, развития в унаследованных от феодализма и незначительно модернизированных государственных формах. Обращение к государственному строю буржуазно-демократического типа произошло здесь в обстановке революционного подъема, развернувшегося под непосредственным влиянием социалистической революции в России и угрожавшего во многих случаях самому существованию эксплуататорского общества на этих землях. Поэтому введение представительного правления виделось имущим классам приемлемой мерой уступок демократическим чаяниям народов, способной ослабить социальную и политическую напряженность, не затрагивая основ их господства. Имел значение и внешнеполитический фактор: как в свое время преобладание в Европе монархических систем повлияло на введение в Болгарии, Сербии

и Румынии при освобождении от турецкой зависимости монархического правления, так теперь предполагалось, что конституирование государственности, по форме подобной строю западных держав-победительниц, облегчит правящим кругам стран Центральной и Юго-Восточной Европы адаптацию в рамках версальской системы.

Естественно, что столь позднее обращение буржуазии и ее союзников к представительному правлению, вызванное главным образом тактическими причинами, протекало в этой части континента при ином, чем в период расцвета буржуазной демократии, политическом облике основных классов и общественных слоев и необычном соотношении сил между ними, что, по-видимому, в немалой степени определило своеобразие социальной опоры парламентаризма и непрочность государственных структур буржуазно-демократического типа. Существенным в этом плане, очевидно, следует считать то обстоятельство, что система буржуазной демократии и представительного правления не могла удовлетворить имущие классы большинства рассматриваемых стран.

Местная буржуазия не знала победоносных буржуазных революций. Она выросла на почве, плохо расчищенной от элементов предшествующей социально-экономической формации, утверждала свое влияние в пределах унаследованных от нее монархических государственных форм и, как правило, путем компромисса с сохранившим свои позиции феодальным эксплуататорским классом, приспособляясь к автократическим порядкам докапиталистического типа: ограниченности и верхушечному характеру легальной политической деятельности, стремлению власть имущих сохранить состояние политической пассивности и неорганизованности основных масс населения, подавлению методами прямого насилия политических соперников и проявлений классовой борьбы. Такая атмосфера не способствовала формированию в буржуазной среде прочных демократических традиций и навыков политической активности.

В области материальных интересов экономически слабая буржуазия даже на своих национальных территориях не выдерживала конкуренции могущественных западных фирм, нуждаясь в покровительстве развитию промышленности со стороны государства, т. е. в политике, которую в свое время Ф. Энгельс характеризовал как средство «искусственной фабрикации фабрикантов» [1, т. 21, с. 377].

Вся предшествующая практика буржуазии данного региона как в пределах собственных национальных государств (Болгария, Сербия, Румыния), так и в составе властвовавших над значительной частью Центральной и Юго-Восточной Европы до первой мировой войны реакционных многонациональных империй приучили ее к участию правительств в хозяйственной деятельности еще на ранней, монополистической стадии [2, с. 242—244; 3, с. 28—29; 4, с. 287, 292; 5, с. 60—120; 6, с. 338—339].

Парламентарная же модель буржуазной власти, сформированная на стадии свободной конкуренции, в принципе не предполагала сколь-нибудь широкой хозяйственной деятельности государства. Свою функциональную гибкость и приспособляемость к экономическим условиям монополистического капитализма после первой мировой войны она проявила только в странах развитого капитализма. Пример Чехословакии, единственного среди рассматриваемых стран промышленно развитого государства, где вплоть до гитлеровской агрессии не произошло радикальной перестройки структуры власти, по-видимому, подтверждает это наблюдение. В других странах региона, отличавшихся незавершенностью капиталистических преобразований, возможности государственной власти буржуазно-демократического типа в сфере регулирования экономики не могли удовлетворить крупную буржуазию.

После первой мировой войны с переходом под государственное управление собственности, ранее принадлежавшей владельцам из распавшихся империй, с созданием покровительственной таможенной системы, с финансовыми мероприятиями правительств, в известной мере — с принятием законов об аграрной реформе хозяйственная деятельность государства здесь значительно возросла. Но, как считают исследователи эко-

помической истории региона, в течение 20-х годов она не стала еще качественно иной по сравнению с практикой предвоенных правительств. Государственное вмешательство, по-прежнему, вызывалось не столько действием экономических законов монополистического капитализма, сколько политическими целями, в данном случае — целью укрепления независимых государств путем форсирования капиталистической индустриализации [7, с. 201—241], т. е. приближения к уровню экономики, достигнутому ведущими капиталистическими странами на стадии свободной конкуренции.

Разумеется, такие из возросших в то время экономических функций государства, как управление государственной собственностью, пополненной за счет изъятия ряда хозяйственных единиц у известных категорий иностранных владельцев, а также расширившейся в результате государственных инвестиций в некоторые новые отрасли промышленности, в том числе в военное производство, закладывали фундамент для формирования государственно-монополистического капитализма. Однако правы, по-видимому, те исследователи, которые, опираясь на факт раннего, еще на протяжении XIX в., появления в Центральной и Юго-Восточной Европе государственного капитализма, практикуемого как средство преодоления экономической отсталости [8; 4, с. 360; 9], обращают внимание на своеобразие — по сравнению с государственно-монополистическим капитализмом в экономически высокоразвитых странах — его проявлений в рассматриваемом регионе. В связи с этим некоторые из них задаются отнюдь не праздным вопросом, был ли государственно-монополистический капитализм здесь, как на Западе, объективно обусловленным этапом экономического развития или он стал следствием определенной экономической политики государства [9].

Расширение в послевоенных условиях государственного вмешательства в экономику главным образом на традиционной для данного региона политической основе не могло не стимулировать тягу буржуазии к авторитарным формам государственной власти, близким к тем, на базе которых в предшествующий период сформировались именно такие отношения между экономическими кругами и государством. Отсюда, по-видимому, устойчивость монархического правления, сохранившегося в Болгарии, Югославии и Румынии, а также прогрессирующая тенденция к расширению реальной власти монархов, которые и так были в названных странах отнюдь не декоративными фигурами; обращение к монархическому институту контрреволюционных сил, одержавших победу над Венгерской советской республикой, установление личной диктатуры, главенствовавшей над республиканскими органами власти в Польше, где монархическая традиция негативно ассоциировалась с недавним чужеземным господством.

Буржуазная демократия, послужившая эксплуататорским классам в период революционного подъема как бы чрезвычайной мерой, способной нейтрализовать революционную активность трудящихся и тем самым предотвратить социальный переворот, в качестве утвердившегося строя представляла здесь для буржуазии немалые трудности в том отношении, что требовала выхода ее партий из узких рамок верхушечной политической деятельности и установления основательных контактов с массами. «Если демократизирован строй государства, то капиталистам приходится, — подчеркивал В. И. Ленин, — искать опоры в массах, а для этого надо организовать их под лозунгами клерикализма (черносотенства и религии), национализма-шовинизма и т. д.» [10, с. 188].

Возможности же имущих классов стран Центральной и Юго-Восточной Европы наверстать то, что в области политической организации масс и в умении манипулировать ими было достигнуто в государствах с длительной парламентской традицией на другом, более раннем историческом этапе — в пору буржуазных революций, при слабой дифференцированности так называемого третьего сословия, — в рассматриваемый период представлялись сильно ограниченными.

Дело в том, что, несмотря на авторитарские порядки предвоенных монархий, тормозившие приобщение основных слоев населения к поли-

тике, последние к тому времени уже вышли из-под безраздельного влияния эксплуататорских классов. И хотя в связи с отсутствием элементарных прав и свобод, запретом или ограничениями открытой деятельности прогрессивных организаций массовая политическая активность на данных территориях была затруднена, направления политического самоопределения трудящихся в идейном и в организационном плане обозначались еще до первой мировой войны. К моменту восстановления или утверждения в новых границах независимой государственности и расширения парламентарно-демократических начал здесь существовало рабочее движение, как и на всем европейском континенте действовали социал-демократические рабочие партии, как правило, переживавшие тогда процесс размежевания революционных и реформистских сил.

Наряду с этим в политической структуре рассматриваемых стран наметилось весьма необычное разделение и проявил себя, заняв в последующем заметное место, компонент, не свойственный другим буржуазным системам, или не получивший в них широкого развития — партии, объединявшие значительные массы крестьян и выступавшие от их имени, подчеркивая свой сугубо крестьянский характер и специфику социальных, экономических и политических интересов этой самой многочисленной здесь группы населения.

Выраженное таким образом политическое самоопределение крестьянства было связано, как представляется, с неполнотой капиталистических преобразований в целом и аграрного строя в частности. Некоторые современные исследователи считают, что аграрная революция¹ в рассматриваемом регионе не была завершена вплоть до крушения здесь капитализма [11, с. 81]. Из-за этого превращение крестьянства из класса-сословия феодального общества в социальный слой капиталистического общества не получило своего завершения. Только в отдельных местах (Чехия, западная часть Польши, район Венгерской низменности) развитие шло более или менее естественными темпами и привело к четкой дифференциации сельского населения по классовому признаку. Большая же часть крестьянства рассматриваемого региона оставалась в мучительном для него переходном положении, при котором уже начавшееся расслоение не смогло завершиться полным «раскрестьяниванием». Недостаточное развитие промышленности тормозило отток разоренного сельского населения в города, а кабальные формы докапиталистической зависимости замыкали производственные возможности крестьян в изжившем себя, технически отсталом, малопроизводительном хозяйстве. Господство авторитарных монархических систем, сохранение элементов сословного строя, фактически, а иногда и официально ставившего крестьян на низшую ступень общественной иерархии, обуславливали их социальное неравенство и политическое бесправие.

На этой почве на рубеже XIX и XX столетий в Центральной и Юго-Восточной Европе разворачивалось стихийное крестьянское движение. Его объективным содержанием была борьба против феодальных пережитков, за экономический, социальный и политический прогресс, т. е. за условия свободного и полного развития капитализма. Тенденция же обособления крестьянства от традиционных политических организаций буржуазии (впоследствии она нашла специфическое выражение в антикапиталистических акцентах, так или иначе присутствовавших в теоретических построениях многих крестьянских партий) исторически была связана с той непоследовательностью буржуазии в борьбе за ликвидацию феодальных порядков, которую К. Маркс применительно к революции 1848 г. в Германии охарактеризовал как предательство буржуа-

¹ Под этим термином они понимают «такой процесс, который не просто относительно быстро развивается, но всесторонне преобразует сельское хозяйство и аграрное общество и переплетается с применением достижений промышленной революции» [11, с. 97, 98]. Есть и другая точка зрения, согласно которой понятие «аграрная революция» может быть ограничено политическими актами отмены феодальных повинностей крестьян и ликвидации помещичьего землевладения, как это имело место в Болгарии при освобождении от турецкого ига (см., например, [12, с. 263—276]).

зией «крестьян, своих *самых естественных союзников*, ... без которых она бессильна против дворянства» [1, т. 5, с. 299]. В неменьшей мере такое положение было типично для рассматриваемого региона, где политическая власть буржуазии нередко достигалась путем компромисса с докапиталистическим эксплуататорским классом [4, с. 179—180; 13, с. 4; 14, с. 190]. Там же, где феодальные владельцы турецкой национальности были изгнаны во время освобождения от власти Порты (Болгария, Сербия), буржуазное государство не только не расчистило путь для свободного развития капиталистических отношений в деревне (ликвидация чересполосицы, организация системы кредита и пр.), но, по-прежнему, считая эксплуатацию крестьянства одним из основных источников пополнения казны, возложило на него такие непосильные платежи за полученные земельные наделы, что в деревне стали воспроизводиться самые отсталые, по существу полуфеодальные формы экономической зависимости крестьян от крупных арендаторов, ростовщического и торгового капитала [15, с. 331—335].

Неспособность буржуазии города возглавить крестьянство, ее непоследовательность в борьбе за экономические и политические условия развития капитализма привели к морально-психологическому, а затем и организационно-политическому обособлению от нее крестьянских масс, представлявших обычно при утверждении политической власти буржуазии социальную опору буржуазной демократии. Это в свою очередь вызвало смещение политических акцентов в системе буржуазных партий рассматриваемой части Европы. Традиционные буржуазные партии из-за отсутствия или слабости соответствующего нажима снизу, а также из-за привычки к компромиссам с консервативными силами докапиталистического типа приобрели антидемократическую ориентацию.

Сильная же демократическая тенденция была представлена политически неформальным сначала крестьянским движением. Небесполезно вспомнить, что крестьянские выступления 90-х годов XIX в., непосредственно предшествовавшие образованию первых крестьянских партий, в ряде случаев (Венгрия, Хорватия) сначала разворачивались под знаменем социализма и тяготели к социал-демократическим партиям, нередко используя их организационные рамки [16, с. 48—57; 17, с. 334—338]. Однако социал-демократическое течение тогда, да и позже не задавалось целью организовать крестьянство как таковое. Местные социал-демократические партии не видели в нем союзника рабочего класса в борьбе за демократические преобразования. Они, как правило, не формулировали аграрных программ, в которых отразилось бы своеобразие социально-экономических условий региона. Вместе с другими партиями Второго Интернационала они абсолютизировали процесс дифференциации в деревне и считали, что крестьянство как класс обречено на быстрое исчезновение, включение его основной, разоренной массы в ряды городского пролетариата и таким путем приобщение к социалистическому движению [18, с. 268—270; 4, с. 428—429; 19, с. 73—74; 20, с. 174—176]. Как видим, подобная схема не отражала всей сложности и исторического своеобразия социальной структуры большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также реальных темпов их капиталистического преобразования. Это, по-видимому, было одной из причин, помешавших социал-демократии направить энергию крестьянского движения в русло намеченных ею целей.

Между тем, ярко выраженный социальный характер аграрного вопроса в этой части континента² и обстановка формирования здесь на рубеже XIX—XX вв. элементов политических систем буржуазного типа (образование при монархиях представительных органов, учреждение политических партий) определили пути организационного оформления крестьянского движения по партийному принципу.

² В Западной Европе в результате капиталистической перестройки сельского хозяйства он сузился до экономической проблемы рентабельности производства и стабильности положения на мировом рынке [11, с. 101].

Само крестьянское движение не было однородно по своей социально-классовой направленности, как не было к тому времени однородно представляемое им крестьянство. В нем соединялось сугубо буржуазное стремление крестьян-собственников обеспечить оптимальные условия продвижения сельского хозяйства по капиталистическому пути со стихийным протестом разорявшихся крестьянских «низов» против всяких форм эксплуатации, как полуфеодалных, так и новейших — капиталистических. Обе эти тенденции действовали в крестьянских партиях, но совершенно по-разному. Первая составляла основу конкретных политических программ и практических требований партий, определяя их специфический, преимущественно буржуазно-реформаторский характер. Ликвидация или ограничение крупного докапиталистического землевладения, отмена сохранившихся еще феодальных повинностей и других форм кабальной зависимости крестьян, учреждение способствовавшего развитию сельского хозяйства кредита, прогрессивное налогообложение и мероприятия по повышению культуры земледелия, уничтожение сословных привилегий, введение или расширение избирательного права в духе всеобщих равных выборов, демократизация государственного и судебного аппарата, создание выборного самоуправления на местах — таков был круг задач и требований, выдвигавшихся, с разной степенью полноты и последовательности, первыми партиями (Болгарским земледельческим народным союзом — БЗНС, Стронництвом людовым, первоначально возникшим на польских землях только в составе Австро-Венгрии, Хорватской крестьянской партией, венгерской Партией мелких сельских хозяев [21, с. 81—84; 22, с. 64—85; 23, с. 300—305; 4, с. 449]), взявшими на себя роль политических представителей крестьянства в период мучительного для него в этой части континента перехода к капитализму.

Немалое социальное значение в плане ликвидации фактического неравенства сельского населения имели демократические постулаты в области культуры, образования, здравоохранения, а также большая практическая деятельность в этой сфере крестьянских партий и связанных с ними просветительских, культурных и хозяйственных организаций. В многонациональных империях важной стороной деятельности крестьянских партий были программы национального освобождения.

Нет необходимости подробно доказывать, что в условиях общей экономической и политической отсталости, наблюдавшейся в то время в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, подобные программы, объективно нацеленные на расширение капиталистического базиса и модернизацию — в пределах буржуазного строя — политических систем имели положительное значение.

Все это лишь в незначительной степени относилось к аграрной партии в экономически развитых Чехии и Моравии, где, как и в Германии, она была образована собственниками крупных хозяйств для защиты капиталистического земледелия от официальной политики одностороннего покровительства промышленному, торговому и банковскому капиталу. В центре программы аграрной партии были требования таможенного протекционизма для местной сельскохозяйственной продукции, политической и материальной поддержки «сельского сословия» со стороны государства, что рассматривалось идеологами аграриев как составная часть борьбы за права и свободу Чешских земель в пределах Австро-Венгерской империи [24, с. 9—21].

Из упомянутых выше тенденций крестьянского движения, питаемого противоречиями, вытекавшими из незавершенности капиталистических преобразований, радикально-демократическая, вносимая разорявшейся деревенской беднотой, была представлена в практических программах крестьянских партий опосредствованно и в неполном виде. Она проявлялась, в частности, в том, что ориентация на форсирование капиталистических преобразований и неизбежное при этом вытеснение полуфеодалной эксплуатации в политическом плане расчистила бы арену для открытой классово-борьбы. Стихийное же стремление обездоленных крестьянских «низов» к социальной справедливости выливалось в утопи-

ческие концепции крестьянских партий относительно будущего общественного порядка. Далекие от марксистского толкования классовой борьбы, опиравшиеся на мистически понимаемую идею социального и национального равенства, нередко обращенные в докапиталистическое прошлое деревни, эти концепции почти полностью были лишены практической перспективы и следовательно их радикализм не угрожал умеренным буржуазным элементам крестьянского движения. Вместе с тем они выглядели идеалом, привлекательным для политически неискушенных масс, в чьей поддержке крестьянские партии черпали свою силу и политический авторитет.

Этот фактор широко эксплуатировался и чешскими аграриями в их конкурентной борьбе за политическую гегемонию против других группировок крупного капитала. В начале XX в. они с помощью пропаганды солидаристского лозунга «деревня — одна семья», включения в политическую программу демократического требования всеобщего избирательного права, а также расширения сети экономических и профсоюзных организаций, материально подчинивших сельское население, обеспечили своей партии обширную массовую базу [25, с. 10—11], что позволило ей занять одно из ведущих мест на политической арене после образования Чехословацкой республики.

Назревание в годы первой мировой войны революционного кризиса, переплетение в нем для многих народов социальных проблем с задачей национального освобождения, революционный подъем послевоенных лет способствовали политической активизации крестьянства, пополнению рядов, превращению в массовые ранее действовавших и образованию новых (в 1915 г., например, оформилось польское Стронництво людове на территории Польши в составе царской России) крестьянских партий. Они выдвигали требование независимой национальной государственности народам Центральной и Юго-Восточной Европы и после краха реакционных империй способствовали ее утверждению. По вопросам характера власти и политического строя крестьянские партии выступали, как правило, с позиций буржуазной демократии. Бесспорно, введение и расширение представительного правления, провозглашение гражданского равенства и политических свобод обогащали перспективы социального и политического прогресса крестьянства, многочисленного и вместе с тем долго остававшегося самым бесправным слоем населения.

В силу своей буржуазно-реформаторской направленности крестьянские партии, как правило, принимали деятельное участие в становлении и функционировании парламентских систем, в рамках которых намеревались добиться осуществления своих ближайших практических программ³. Но не только целями текущей политики определялась их заинтересованность в парламентарной демократии. Всеобщее, равное избирательное право открывало, как представлялось крестьянским деятелям, возможность не просто приобщиться к государственному управлению, но со временем получить в нем в соответствии с численным преобладанием крестьянства в общей массе населения решающие позиции. А это в свою очередь позволяло, как им казалось, вплотную подойти к практическому разрешению ранее не конкретизировавшейся проблемы «крестьянской» власти — к построению особого «крестьянского», «кооперативного» государства. Такая, пусть утопическая перспектива реорганизации социально-политических структур капитализма (крестьянские партии намеревались реализовать ее, достигнув гегемонии в парламентской системе) существенно отличала их от традиционных буржуазных партий данных стран, которые после первой мировой войны обратились к расширению

³ Хорватская крестьянская партия, по-видимому, не представляла в этом плане исключения, несмотря на применявшуюся ею одно время тактику непризнания государственно-правовых актов образования централистского Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии), ибо ее деятельность все-таки не выходила за пределы парламентских правил и соответствующих им форм политической борьбы [26, с. 33, 98, 278].

парламентарно-демократических начал как раз с целью предотвратить угрозу сколько-нибудь основательных социальных сдвигов.

Буржуазно-демократическая тенденция, первоначально одержав верх в рассматриваемой части континента благодаря послевоенному подъему рабочего, крестьянского и национально-освободительного движений, почти повсеместно способствовала превращению крестьянских партий в крупную политическую силу⁴, занимавшую на парламентской арене место на левом фланге или в центре. Для них в этом выражалось объективное, мотивированное особенностями общественного развития содержание их политической деятельности.

Непоследовательность же демократизма политических организаций крестьянства, связанная с двойственным положением крестьянства в общественной структуре рассматриваемых стран, обнаружилась в антагонизме с рабочим движением, в антикоммунизме и непонимании значения союза рабочего класса и крестьянства, в стремлении помешать распространению революционного влияния в деревне. И все-таки вряд ли правильно было бы сводить историческое назначение этих организаций, смысл их практической деятельности и реальную роль в политическом процессе межвоенного периода к функции охраны эксплуататорского строя, а также считать крестьянские партии полярной противоположностью революционных сил.

В первые годы становления парламентских систем утопическое представление о том, будто проблема «крестьянской власти» поддается разрешению с помощью аргумента о численном преобладании крестьянства, способствовало неоправданному сосредоточению крестьянских партий на парламентской деятельности нередко в ущерб другим формам крестьянского движения. Преувеличение положительных возможностей парламентаризма, а также крупные успехи тех партий (например, БЗНС), которые опирались в борьбе за парламентское большинство на радикализованные революционным подъемом крестьянские массы, стимулировали появление новых, выступавших от имени крестьян партий: в 1918 г. оформила себя царанистская партия в Румынии, в 1919 — сербский Союз земледельцев. Представляется, что факт сравнительно позднего их образования — именно как партий сугубо парламентской деятельности, в связи с конституированием представительного правления и усилением иллюзий относительно возможности все содержание массового крестьянского движения выразить, а точнее ограничить парламентской борьбой — наложил негативный, хотя и не одинаковый в обоих случаях отпечаток на дальнейшую историю этих партий.

Сербский Союз земледельцев, несмотря на то, что характером своих программных постулатов был очень близок к БЗНС [28, с. 46—47], никогда не смог популярностью и политическим влиянием сравниться с последним. Одностороннее увлечение парламентской деятельностью в начальный период обернулось для него в дальнейшем узостью массовой базы и слабостью связей с крестьянством [29, с. 147—154, 168—172, 331].

В царанистской же партии, обязанной своим немалым политическим влиянием массовому движению румынских крестьян, перспектива доступа к власти с помощью верхушечных межпартийных комбинаций очень скоро заслонила собой иные формы активности и побудила отступить от тех идейно-политических принципов, которые выражали интересы крестьянства [30, с. 187—188] и создавали особый социально-политический облик крестьянских партий.

Политическая реорганизация государственных форм после первой мировой войны, как правило, не исчерпывала тех важных общенацио-

⁴ В те годы только в Венгрии из-за предельной классовой поляризации, наступившей при Советской республике, после ее подавления произошло свертывание политических позиций Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ). Хортистскому режиму, утвердившемуся в результате контрреволюции, удалось прибрать к рукам эту влиятельную среди крестьян партию, объединив ее сначала с помещичьей Христианской земледельческой партией и насытив кадрами из собственных рядов, а затем включить в правительственную партию [27, с. 92—96, 475].

нальные задач, которые стояли перед молодыми государствами. Их решение было немислимо без форсированного прогресса экономики — по-прежнему отсталой в сравнении со странами Западной Европы и к тому же сильно пострадавшей от войны — и соответствующих изменений в общественной структуре. Крестьянство было заинтересовано в таких преобразованиях. Борьба за их проведение составляла положительное начало в деятельности крестьянских партий, выражая историческую обусловленность их присутствия в политической структуре рассматриваемых стран. Социально-экономические и другие меры однопартийных правительств Земледельческого союза в Болгарии, вышедшие далеко за пределы буржуазного реформаторства в традиционном понимании [31, с. 5—71; 32], при всей необычности этого исторического явления, очевидно, следует считать реальным и наиболее полно выраженным примером практической политики такого рода.

В других странах крестьянские партии (будь то в составе правительственных коалиций или в парламентской оппозиции) также поставили в центре своих социально-экономических программ требование преобразования аграрного строя: ликвидации докапиталистических форм зависимости крестьян, перераспределения земельной собственности, улучшения условий мелкотоварного земледелия. Об актуальности и остроте этих проблем свидетельствует тот факт, что законы об аграрной реформе были приняты во всех рассматриваемых странах⁵.

Перераспределение земельной собственности хотя и не обеспечивало исчерпывающего решения основных экономических проблем, но при благоприятных обстоятельствах способно было дать некоторый импульс всему вяло действовавшему хозяйственному механизму рассматриваемых стран: через расширение внутреннего рынка стимулировать промышленное развитие, что в свою очередь позволило бы уменьшить аграрное перенаселение и организовать сельскохозяйственное производство на более современной основе.

Уместно сразу сказать, что реальные результаты проведенных аграрных реформ были относительно невелики и там, где она предлагалась сверху (в Югославии, например, Хорватская крестьянская партия — ХКП, бойкотируя централистскую власть, не участвовала в принятии конституции, гарантировавшей основные принципы аграрной реформы [33, с. 66—67]), и в тех странах, где крестьянские партии, участвуя в правительственных коалициях, соглашались на компромиссные варианты реформы [34, с. 338—348; 35, с. 789]. В большинстве случаев крупная земельная собственность докапиталистического типа была только частично урезана, но не ликвидирована. Кроме того, высокие выкупные платежи, возложенные на само крестьянство, неразвитость сельскохозяйственного кредита ограничили инвестиционные возможности и тем самым свели на нет перспективу организации производства на более высоком агротехническом уровне [36, с. 68—69].

Малый в конечном итоге экономический и социальный эффект аграрных реформ не выделялся из общей картины непреодоленного после первой мировой войны экономического отставания рассматриваемых стран.

Перспектива приобщения основных слоев трудящихся к политике через рабочие и крестьянские партии даже в рамках буржуазного парламентаризма потенциально и практически суживала массовую опору традиционных политических организаций буржуазии, тем более, что относительная бедность последней и отсутствие соответствующего опыта мешали ей широко прибегать к социальным маневрам. Здесь с самого начала делались попытки ликвидировать влияние революционных партий путем насильственного исключения их из политической структуры, что было важным признаком ущербности демократических начал. Подобным же образом проявляла себя политика национального неравенства

⁵ Представляется, в частности, что упомянутый успех хортистов при поглощении ПМСХ был обеспечен наряду с террористическими мерами в отношении крестьянских лидеров, именно тем, что правительство сумело взять в свои руки инициативу аграрной реформы.

в многонациональных государствах. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы имущие классы обеспечили надежность своей власти в рамках представительного правления. Парламентарно-демократическая альтернатива, которой в большинстве рассматриваемых стран разрешился послевоенный революционный кризис, создала парадоксальное положение: при реакционной ориентации основных сил буржуазии и отсутствии или слабости у них партий прогрессивного направления, в качестве основной опоры буржуазной демократии выдвинулись социал-реформистские и крестьянские партии, т. е. как раз те, опиравшиеся на рабочее и крестьянское движения, политические организации, чьи программные цели имели в виду либо отрицание капитализма, либо существенное его видоизменение.

Только в Чехословацкой республике, не уступавшей по социально-экономическому уровню развитым капиталистическим странам, общая расстановка политических сил более соответствовала традиционным условиям функциональности парламентской системы. Иными, в частности, были место и роль аграрной партии. Если большинство крестьянских партий объективно выражало стремление крестьянства покончить с независимостью капиталистического преобразования аграрного строя, то на Чешских землях этот процесс зашел далеко и не представлял такой остроты, как в других странах региона. Поэтому чешские аграрии, хотя и опирались в своей политической деятельности на массы сельского населения, но представляли не его чаяния, а интересы крупной сельскохозяйственной буржуазии, добивавшейся для себя политической гегемонии и экономических преимуществ.

О том, сколь необычными в большинстве рассматриваемых стран были условия становления и функционирования парламентских систем и как воздействовало на эти процессы наличие крестьянских партий, свидетельствуют такие факты как оформление демократической конституцией в первые годы независимости государственно-политической системы Польши при реакционном облике и антидемократических устремлениях основных группировок польских имущих классов [37, с. 95—116] или своеобразии исхода революционного кризиса в Болгарии, вследствие чего главные политические силы буржуазии конституционным путем оказались оттесненными пришедшим к власти правительством крестьянской партии БЗНС [38, с. 48—96]. А с другой стороны — пример Югославии, где неспособность централистской монархии удовлетворить требования Хорватской крестьянской партии по национальному вопросу стала стержнем кризиса парламентского строя [26, с. 230—333].

Снижению престижа парламентарной государственности способствовала малая эффективность экономической политики в сравнении с масштабами стоявших в этой области задач. На почве экономических трудностей не ослабевала социальная напряженность, что актуализировало в ряде стран региона проблему изменения государственного строя и форм политической организации общества. Частичная стабилизация капитализма протекала здесь уже под знаком подавления либеральных и демократических начал, что выражалось не только в терроре против революционных сил, но и в принципиальном ограничении — сразу или постепенно — реальной власти высших представительных органов. При этом разнообразие конкретных обстоятельств смены власти мало влияло на существо происходившего процесса. Установление в январе 1929 г. монархической диктатуры в Югославии сопровождалось открытой отменой конституции, роспуском Народной скупщины, переходом к королю всей полноты власти и запретом политических партий, «имевших религиозные или племенные особенности» [39, с. 163]. Наоборот, свержение в 1923 г. однопартийного правительства БЗНС осуществлялось болгарской реакцией под лозунгом восстановления парламентского плюрализма [40, с. 243—291], служившим буржуазной политической элите демагогическим оправданием расправы над плебейской крестьянской демократией. Неконституционная смена исполнительной власти в Польше, произведенная майским переворотом 1926 г., была задним числом формально признана

пана сеймом. Но «это не означало, — как подчеркивал один из ранних исследователей истории межвоенной Польши, — что конституционные органы власти, вновь получив после переворота право голоса, могли пользоваться полной свободой решений» [41, с. 239].

Действительно, нажим на законодательный аппарат и конституционную систему, пусть на первый взгляд даже ограниченный сравнительно короткими сроками переворотов, повсеместно привел к необратимым изменениям в содержании и структуре власти. Названные перевороты были одними из первых актов трансформации неокрепших конституционных парламентских систем стран Центральной и Юго-Восточной Европы в своеобразные личные или монархические диктатуры. Этот процесс развернулся одновременно с обращением имущих классов некоторых западноевропейских государств к фашизму, который породил особый тип авторитарной диктатуры (см. [42; 43, 271—278]), возникший на социальной основе развитого монополистического капитализма. Этим он существенно отличался от ранее известных вариантов авторитарного строя, связанных происхождением с докапиталистическими государственными формами.

Поскольку, с одной стороны, в политической истории Центральной и Юго-Восточной Европы до рассматриваемого времени преобладала традиция старой авторитарной власти, питаемая остатками феодализма в экономическом и социальном строе, а, с другой — в самом этом строе появились признаки, характерные для монополистического капитализма, вопрос о характере утверждавшихся здесь антидемократических режимов не представляется простым и однозначным.

Многообразные сдвиги, которыми были отмечены послевоенные годы в регионе в целом и в каждой из расположенных здесь стран, оказались не столь глубокими, особенно в сфере базиса (проблема преодоления экономической отсталости и модернизации социальной структуры оставалась открытой), чтобы вытеснить авторитарную тенденцию традиционного типа. Капитализм же, вступив в монополистическую стадию, по-прежнему в большинстве случаев нес на себе печать слабости и неполного развития, усугублявшую деформацию экономики, социального строения и других сторон, что уменьшало вероятность сколько-нибудь последовательного и точного повторения в рассматриваемых странах этапов, пройденных ведущими капиталистическими государствами, и, наоборот, способствовало смещению и совмещению отдельных процессов. В связи с этим представляется, что факт примерно одновременного становления авторитарных систем в Центральной и Юго-Восточной Европе и фашистской диктатуры в Италии, а затем в Германии, и даже совпадение некоторых черт тех и других, не дает достаточно оснований для отождествления рассматриваемых режимов с фашистскими диктатурами⁶.

По своей политической философии (выраженной, в частности, в анахронической идее о надклассовости, надпартийности или беспартийности государственной власти), по способам овладения ключевыми позициями (через государственные перевороты, совершаемые узкими заговорщическими группами при поддержке армейских верхов), по бюрократическим методам управления с преобладанием прямого насилия и противопоставления государственного аппарата обществу, по той заметной тенденции к реставрации поколебленной парламентаризмом традиционной расстановки социально-политических сил (что отразилось в социальном облике присвоивших полноту власти группировок⁷) диктаторские режимы в Бол-

⁶ В подтверждение уместно еще раз напомнить, что если, например, очевидная при всех формах авторитарной власти тенденция к усилению роли государства представляла в фашистском варианте прежде всего экономическую потребность монополистического капитализма перейти к более высокому в пределах данной формации типу хозяйствования, то в режимах Центральной и Юго-Восточной Европы она выражала не только и не столько эту цель, сколько необходимость наверстать упущенное в социальном и экономическом развитии еще на домонополистической стадии.

⁷ В Югославии эта тенденция со всей определенностью выразилась в абсолютистском, по определению современной югославской историографии, характере монархической диктатуры (см. [39, с. 163; 29, с. 56]). Болгарский переворот 1923 г., обращен-

гари, Польше, Югославии, как и хортизм в Венгрии, первоначально в известной мере наследовали распространенную в данном регионе модель консервативной автократической системы. Разумеется, это не означало полного и буквального воспроизведения довоенных государственных и политических структур. Подобие выражалось прежде всего в преемственности принципа неконтролируемой власти узкого правительственного слоя прямых представителей имущих классов, расстановкой, как и прежде, на пассивное одобрение или непротивление со стороны неорганизованного и политически инертного большинства населения.

Вместе с тем происхождение реакционных режимов Центральной и Юго-Восточной Европы и собственно фашистских диктатур из одного источника — из общего кризиса капитализма, а также эффективность примененного фашистами метода классового господства питали тенденцию преобразования центральноевропейских и балканских диктатур в фашистском стиле, что стало особенно заметно в 30-е годы. Однако перспектива сколько-нибудь полного превращения данных режимов в диктатуры фашистского типа зависела в конечном счете от того, насколько правящие группировки рассматриваемых стран окажутся способными отрешиться от традиционных верхушечных методов управления и смогут, охватив своим влиянием широкие общественные слои, в том числе и так называемые низы буржуазного общества, мобилизовать их на активную поддержку режимов.

Известно, что именно такой подход к проблеме организации общества, вооружив буржуазию новыми средствами классовой и политической борьбы, составлял одну из важнейших черт фашизма, выделявших его из других форм буржуазной реакции [47, с. 11—12]. Фашизм опирался на массовые и дисциплинированные партии и целую систему других организаций, проникавших во все сферы жизненной активности населения. Массовость и организованность, придавая фашизму характер движения, позволили ему сравнительно легко овладеть властью и в дальнейшем создать качественно новый по сравнению с другими буржуазными государственными системами аппарат принуждения, что обеспечило определенную устойчивость строя и динамичное продвижение к намеченным целям.

Возможности реакционных режимов Центральной и Юго-Восточной Европы в этом направлении с самого начала были ограничены. Установление диктатур здесь не было связано с массовыми движениями. Пример переворота Ю. Пилсудского в Польше, несмотря на умелое использование заговорщиками настроений в их пользу массовых организаций трудящихся, не составлял в этом смысле исключения. Предпринимавшиеся же повсеместно в дальнейшем попытки расширить общественную опору диктатур путем создания правительственных партий и профессиональных организаций под эгидой государства не дали таких результатов, которые позволили бы радикально изменить действующий механизм управления. Равным образом почти нигде не увенчалось успехом стремление недопущенных к власти или отстраненных от нее фашиствующих политиков организовать сильные движения, идейно и политически обращенные про-

---

ный против крестьянской «диктатуры», как с ненавистью называли буржуазные политики правление БЗНС, опирался на поддержку большинства буржуазных партий, отнесенных от руля управления, и на воспитанное в духе преданности монархии офицерство. При этом сам царь, хотя и не принимал открытого участия в борьбе, оставался как бы негласным дирижером событий, укрепляя тем самым свое в конечном счете рещающее влияние на их ход [44, с. 89—113, 324—326].

Характерно, что в Польше вопреки первоначально широко распространенному представлению о демократических целях переворота, что обеспечило заговорщикам поддержку социалистической и левых крестьянских партий, Ю. Пилсудский сразу же после захвата власти проявил намерение опереться на группировки консерваторов, чью социальную базу составляло земельное магнатство — эксплуататорский слой докапиталистического происхождения (см. [45, с. 610—631]). Известно, что еще в разгар переворота будущий диктатор в ответ на требование парламентариев из подержавшей его крестьянской партии ПСЛ-«Вызволене» огласил декрет о радикальной аграрной реформе категорически отрезал: «Отчуждения (земли. — *И. М.*) без выкупа не будет, можете идти» [46, с. 84].

тив рабочего и крестьянского движений. Исследователи не без оснований видят в этом признак отсутствия соответствующей социально-политической основы, необходимой для организации общества по фашистскому образцу, и отмечают, что неуспех таких начинаний в данном регионе был связан в немалой степени с тем, что прежние политические направления не утратили своей популярности [48, с. 218]. Добавим, что среди последних были те партии, которые здесь составляли опору буржуазной демократии, не потеряв веру в ее ценности и в неисчерпанные для своих стран возможности парламентаризма.

Иными словами, как не проявил устойчивости в странах Центральной и Юго-Восточной Европы парламентский строй, лишенный поддержки основных буржуазных кругов, так сменившие его реакционные диктатуры не приобрели всей полноты черт законченных фашистских режимов из-за отсутствия достаточной опоры в массах, в том числе среди рабочих и крестьян, сохранивших приверженность к собственным политическим организациям революционного и парламентарно-демократического направлений.

Следует сразу сказать, что концентрация государственной власти осуществленная реакционными диктатурами, не сопровождалась сколько-нибудь широким решением тех важных экономических проблем, от которых зависело политическое положение и социальная стабильность в рассматриваемых странах. С этой точки зрения социально-экономические итоги парламентского правления не представляли негативного контраста с обрисовавшейся далее картиной экономического застоя, характерного для Центральной и Юго-Восточной Европы в двадцатилетие между двумя мировыми войнами. Специалисты, опираясь на обобщенные экономические показатели, в частности, на данные об уровне ежегодного прироста национального дохода (до первой мировой войны он на территориях рассматриваемых стран составлял в среднем 3—4%, в то время как в межвоенный период не превышал 1—2%), констатируют ослабление динамики хозяйства, торможение индустриализации, начатой в XIX в., и приходят к выводу, что «в сравнении с предвоенным уровнем развитие замедлилось так сильно, что могло вызвать только минимальные модификации, но не радикальные структурные изменения» [7, с. 285—286].

Сельское хозяйство по-прежнему занимало ведущее место в экономической структуре рассматриваемых стран и в то же время с экономической и социальной точек зрения было их «ахиллесовой пятой». Экономический застой, отодвинув перспективу аграрной революции, консервировал отсталое общественное строение, увеличивая диспропорции между отдельными группами и слоями населения. Небывалые размеры приобрело так называемое аграрное перенаселение (по некоторым данным среди 60 млн сельских жителей Чехословакии, Венгрии, Польши, Югославии, Румынии и Болгарии безработные в среднем составляли около 25% [7, с. 295—296]), являвшееся наряду с демографическими причинами прямым следствием незавершенности капиталистической дифференциации крестьянства.

Расслоение в деревне, хотя и не прекратилось, но было заторможено особенно в связи с разрушительными для сельского хозяйства региона последствиями экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов, сильно ограничившего возможности накопления средств и инвестирования [49, т. 12—17].

По мнению некоторых авторов, есть основания говорить даже о проявившей себя в межвоенное двадцатилетие тенденции обратного развития. В Польше, как отмечается, «в сельском хозяйстве преобладала тенденция деконцентрации и вытеснения капиталистического хозяйства мелкокрестьянским». С 1921 по 1938 г. было образовано свыше 1 млн новых крестьянских хозяйств, что составляло 30% от общего их числа. Количество же земли на душу занятого в сельском хозяйстве населения сократилось за это время с 1,105 до 1,067 га. Уменьшение земельных наделов, по имеющимся данным, наблюдалось в каждой группе хозяйств, что при отсутствии интенсификации производства следует считать признаком

обнищания всех категорий крестьян [50, с. 85—86]. Аналогичные явления, по наблюдениям специалистов, были характерны и для состояния сельского хозяйства в других странах региона [15, с. 553; 19, с. 339; 51, с. 11—12; 52, с. 60—61; 53, с. 357].

Таким образом, социально-экономические условия, из которых в период относительно бурного на данных территориях развития капитализма на рубеже XIX—XX вв. исходило демократическое крестьянское движение, не были изжиты и в рассматриваемый период. При этом источником социальной напряженности служила, по-видимому, не только и не столько проблема крупной земельной собственности феодального происхождения (она сохранилась не во всех странах и там, где имела место, была отчасти поколеблена аграрными реформами), сколько повсеместно, за небольшими исключениями, примитивный, несвободный от черт и признаков докапиталистической стадии, уровень сельскохозяйственного производства. С одной стороны, капиталистический характер рыночных, кредитных, сбытовых и др. отношений, в которые вступали мелкие аграрные производители, а с другой — отсутствие у большинства крестьян возможности вести собственное хозяйство по-капиталистически делали их объектом грабительской эксплуатации. И хотя субъектами такой эксплуатации выступали лица и институты, олицетворявшие имущий класс сугубо капиталистического типа (ипотечные и кредитные банки, оптовые скупщики сельскохозяйственной продукции, собственники предприятий по ее переработке — со временем ведущую роль в этих сферах стали играть частные и государственные монополистические объединения), она все же несла в себе докапиталистические элементы, ибо поглощала гораздо более, чем прибавочную стоимость низкопродуктивного сельскохозяйственного производства, лишая его перспективы усовершенствования, и тем самым с каждым новым циклом как бы воспроизводила и консервировала условия отсталости.

Поскольку негативная роль крупного капитала в подобном порочном круге становилась все более очевидной, фронт крестьянского движения в межвоенное двадцатилетие обращался против всевластия монополий и представлявшей их интересы государственной власти. Это обновляло демократическое содержание крестьянского движения и вместе с тем означало, что не иссякло и прогрессивное назначение связанных с ним политических организаций.

В дальнейшем вера в неисчерпанные возможности буржуазной демократии и парламентаризма и органическая связь многих крестьянских партий с деревней определили их роль как крупной силы, способной мобилизовать массы на платформе отрицания реакционных диктатур и тем самым тормозить эволюцию государственно-политических систем вправо.

Конечно, значение политических организаций крестьянства в сопротивлении диктаторским режимам, в демократическом и антифашистском движении Центральной и Юго-Восточной Европы было далеко не одинаковым и зависело от многих конкретных обстоятельств, в том числе от степени демократизма и глубины традиций борьбы за специфические социальные интересы крестьянства, от массовости партий и уровня активности крестьянских «низов», от характера тактических установок, от особенностей положения каждой крестьянской партии в системе политических отношений внутри страны.

В Болгарии, где переворот 1923 г. был обращен непосредственно против «земледельческого» правительства, линия раздела обозначилась резко и сразу. Преследования со стороны установленного террористического режима первоначально ослабили партию; от руки заговорщиков погиб глава свергнутого правительства и признанный лидер «земледельцев» А. Стамболийский. Только в момент переворота было убито 6 министров его кабинета, десятки депутатов парламента от БЗНС, активисты и сторонники партии, всего более 3,5 тыс. человек [54, с. 16].

Поражение привело к ряду расколов в БЗНС на почве политических разногласий, а порой и персональных амбиций, к стремлению правых

деятелей найти общий язык с режимом, со всеми буржуазными партиями и не восстанавливать союз в прежнем виде и составе. Однако сторонники такой ориентации не приобрели заметного влияния в крестьянских «низах» и на политической арене [52, с. 11]. Дробление союза и разногласия в верхах партии лишь в малой степени затронули его массовую базу. Рядовые «земледельцы» по-прежнему ощущали себя единым движением, наследовавшим прогрессивные и демократические традиции БЗНС, и выступали за преодоление раскола [52, с. 21, 27, 228]. Очевидно, декларации о преемственности линии БЗНС и его принципа борьбы за «самостоятельную крестьянскую власть» помогли БЗНС-«Врабча 1», отделившейся в 1926 г. от правых групп, превратиться в самую крупную организацию союза. Представляется, что именно приверженность масс «земледельческому» движению обусловила тот факт, что несмотря на поражение и обрушившиеся вслед за ним репрессии, организации БЗНС уже в конце 20-х годов вновь выдвинулись на первую линию политической борьбы. В 1930 г. «Врабча 1» насчитывала в своих рядах 60 тыс. членов и располагала по итогам выборов 1927 г. немалым представительством в Народном собрании (47 депутатов) [51, с. 14—15]. Однако и сама эта организация не представляла политического единства. На протяжении последующих лет она выступала против развития политической системы в сторону реакционных диктаторских форм, за конституционное парламентское правление. Но при этом правые в ее рядах открыто тяготели к союзу со всеми оппозиционными силами, включая реакционные буржуазные партии, перенимали их стиль и методы борьбы. Другое течение, именуемое в современной литературе центристским, первоначально придерживалось традиционной для БЗНС тактики обособленности от буржуазных кругов, как правящих, так и оппозиционных. Теоретически сотрудничество с последними сначала допускалось в качестве крайней меры. Но на деле тактика центристских лидеров эволюционировала именно в таком направлении, исключая, однако, из числа возможных партнеров революционные партии и организации. К тому же центристы не признавали иных форм борьбы, кроме парламентской деятельности, что в условиях авторитарной власти было недостаточно для прочной победы над реакцией. Сугубо парламентская ориентация БЗНС-«Врабча 1» привела его к участию в отнюдь не демократической коалиции буржуазных партий — Народном блоке (1931—1934), нанесшем поражение детищу переворота 1923 г. — Демократическому сговору. Подобная эволюция руководства вправо резко обозначила неоднородность «Врабча 1», в котором с самого начала действовали и левые силы, выступавшие за сотрудничество «земледельческого» движения с коммунистическим.

Недовольство характером участия «Врабча 1» в Народном блоке послужило поводом для оформления в 1932 г. новой организации БЗНС-«Александр Стамболийский», занявшей в течение последующих лет заметное место в оппозиционном установленном после переворота 1934 г. режиму «земледельческом» движении. Левое крыло этой организации разделяло выдвинутую коммунистическим движением в середине 30-х годов идею народного фронта. Именно с левыми группами из БЗНС-«Александр Стамболийский» и «Врабча 1», хотя и не без колебаний с их стороны, болгарские коммунисты с 1935 г. поддерживали контакт и в дальнейшем имели соглашения о сотрудничестве в духе народного фронта [55].

Наличие в политической структуре болгарского общества такой массовой организации, как БЗНС даже при его раздробленности и умеренной оппозиционности обусловило верхушечный характер военно-монархической диктатуры, а питаемое настроениями масс стремление сохранить себя как сугубо крестьянскую партию расстроило намерения фашиствующих политиков путем соединения БЗНС с немногочисленными рядами своих последователей создать действительно массовое фашистское движение [56, с. 257—259].

В Польше антагонизм между крестьянством, выступавшими от его имени партиями, с одной стороны, и «санационной» диктатурой — с дру-

гой, обнаружился не сразу. Наоборот, из трех основных в то время крестьянских партий Польское стронництво людове-«Вызволене» и Стронництво хлопске вместе с социалистической партией в момент переворота поддержали Ю. Пилсудского против конституционного правительства⁸, ошибочно видя в смене власти акт демократизации.

В целом же крестьянские массы, независимо от партийной ориентации, из-за верхушечного характера и кратковременности борьбы не проявили активности в момент переворота. Не отличались высокой политической активностью крестьянства и первые годы диктатуры, совпавшие с относительно благоприятной экономической обстановкой, что официальная пропаганда не пренебрегла поставить в заслугу «санации». Открывшаяся тогда для некоторых крестьян возможность расширить хозяйство, сделать новые капиталовложения на время создала иллюзию способности диктатуры обеспечить прогресс сельского хозяйства в духе социально-экономических требований крестьянских партий. Но одновременно новый режим, утверждая себя под знаком наступления на партийную систему, стал вытеснять с политической арены партии, опиравшиеся на крестьянство. Были не только терроризированы и запрещены быстро набравшая в те годы силы Независимая крестьянская партия и Левое крестьянское объединение «Самопомощь» — революционные, связанные с коммунистическим движением сельские организации (см. [57, 58]), но подверглись дискриминации и реформистские крестьянские партии. Уже на парламентских выборах 1928 г. администрации с помощью незаконного аннулирования избирательных списков и других манипуляций удалось сократить их представительство в сейме со 125 депутатских мандатов, полученных на выборах 1922 г., до 87, что разительно не соответствовало количеству поданных за эти партии голосов [59, s. 224]. К тому же правительственная группировка намеревалась с помощью новой конституции (первый проект ее был составлен в 1929 г.) произвести принципиальные изменения в системе власти путем свертывания роли парламента, а следовательно и связывавших с ним свою деятельность роли политических партий. Все это дало толчок для перехода в оппозицию тех левых легальных партий, которые сначала выступили на стороне Ю. Пилсудского, и для образования в конце 20-х годов левоцентристского антиправительственного блока с участием всех крупных крестьянских партий.

Оппозиционный блок, опиравшийся преимущественно на традиционные парламентские методы борьбы, в отрыве от революционных сил и массового движения, не достигшего еще тогда необходимого размаха, был разгромлен правительством. Антипарламентарный курс и террористические методы «санации» в борьбе против массовых демократических организаций усилили внутри крестьянских партий стремление к единству, что привело в 1931 г. к слиянию ПСЛ-«Пяст», ПСЛ-«Вызволене» и партии Стронництво хлопске в единое Стронництво людове (СЛ), насчитывавшее в своих рядах от 120 тыс. человек в 1933 г. до более чем 150 тыс. — в 1937—1938 гг. [50, s. 102, 108].

Вместе с тем поражение оппозиционного демократического блока с его парламентскими методами политической борьбы, ужесточение диктатуры и устранение в конечном счете — после принятия в 1935 г. новой конституции и изменения избирательного закона — оппозиционных партий из парламента в полный рост поставили вопрос о новых формах деятельности и борьбы политических организаций крестьянства. Радикализация же разоренной экономическим кризисом деревни, вылившаяся в новый подъем крестьянского движения, способствовала полевению в 30-е годы идейно-политических позиций СЛ (в партийной программе 1935 г., например, было сформулировано требование отчуждения крупной земельной собственности без выкупа [60, s. 251]) и обращению партии к массовым внепарламентским антиправительственным действиям, в том числе к таким типично пролетарским формам борьбы, как стачка. Серия организо-

⁸ Это коалиционное правительство было сформировано с участием самой крупной в те годы крестьянской партии ПСЛ-«Пяст» и возглавлено ее лидером В. Витосом.

ванных СЛ в 30-е годы многочисленных политических манифестаций против «санационной» диктатуры увенчалась мощной крестьянской стачкой 1937 г., охватившей юго-восточную, значительную часть центральной Польши и другие сельскохозяйственные районы (см. [61]). Целью стачки, подчеркивалось в обращении СЛ к крестьянам, было «продемонстрировать необходимость ликвидации санационной системы в Польше и восстановления насущных гражданских прав» [60, с. 343].

Таким образом, по своим целям и формам борьбы политические организации польского крестьянского движения в 30-е годы приближались к концепции пропагандируемого коммунистическим движением широкого фронта демократических сил. Но антикоммунизм лидеров СЛ и их стремление к «самостоятельным» действиям помешали тогда соглашению о сотрудничестве с Коммунистической партией Польши, хотя коммунисты энергично включились в массовые крестьянские выступления и стали инициаторами солидарной поддержки их пролетариатом [62, с. 151—154].

Позже болгарские и польские коммунисты как раз через сотрудничество с левыми силами крестьянских партий осуществили союз рабочего класса и крестьянства в борьбе за революционные преобразования.

Важная роль в межвоенной Югославии принадлежала Хорватской крестьянской партии, которая в начале рассматриваемого периода превратилась в самую крупную массовую партию в стране. В обстановке революционного подъема и под влиянием опыта социалистической революции в России тогда наметились знаменательные перемены в ее идейном и политическом облике: наряду с борьбой против унитаристских принципов построения государства она выдвинула программу социальных преобразований, включая более глубокую, чем проводимая правительством, аграрную реформу, а также провозгласила своей целью республиканский строй, что нашло отражение в названии партии: с 1920 по 1925 г. она именовалась Хорватской республиканской крестьянской партией (ХРКП). Полевание было столь существенным, что в 1924 г. стало возможным вступление ХРКП в международную революционную организацию — Крестьянский интернационал, хотя, как в дальнейшем выяснилось, это был только тактический шаг со стороны хорватских крестьянских лидеров. Вскоре под давлением правительственных кругов, угрожавших ХРКП лишением парламентской трибуны, руководство партии согласилось на продолжавшееся, правда, недолго сотрудничество с монархией, отказавшись от республиканизма и порвав с Крестьянским интернационалом [33, с. 62, 87—93].

Тем не менее энергичная борьба за автономию Хорватии и почти непрерывная оппозиция репрессивному режиму обеспечили ХКП обширное влияние не только среди крестьян, но и в широких городских слоях, недовольных антидемократическим развитием буржуазной Югославии. Однако смена руководства после убийства великосербским террористом в 1928 г. на заседании скупщины основателя и лидера ХКП С. Радича привела к забвению многих прогрессивных традиций партии. Сосредоточение на национальной проблематике ослабило социальные и гражданские аспекты деятельности и способствовало превращению ее в партию преимущественно буржуазно-националистического профиля, что стало особенно заметно в конце 30-х годов. К тому же антикоммунизм хорватских крестьянских лидеров мешал партии избрать наиболее эффективный путь борьбы за удовлетворение широких демократических и национальных требований в союзе с рабочим классом и его революционной партией. Накануне второй мировой войны стремление ХКП добиться решения «хорватского вопроса» любыми средствами привело ее к бесплодному компромиссу с реакционной государственной властью [63].

Выше уже упоминалось, что в экстремальных условиях контрреволюции, последовавшей за поражением Венгерской советской республики, Партии мелких сельских хозяев не удалось сохранить ни присущего крестьянским партиям своеобразного буржуазно-демократического содержания, ни особой политической роли, питаемой массовостью этих организаций. Враждебность к революционным силам и стремление лидеров

ПМСХ любой ценой приобрести пусть даже к самой реакционной власти, находившейся в руках крупной буржуазии и земельной аристократии, привели к организационному и политическому растворению партии в правительственном лагере и к значительному фактическому и формальному ущемлению политических позиций тех социальных сил, которые партия ранее представляла. Так, если в результате парламентских выборов 1920 г. ПМСХ располагала 91 мандатом из 164 [27, с. 201—202], то на выборах 1922 г. число крестьянских депутатов в составе правительственной Партии единства не достигло и 20 человек [64, с. 43]. Это было, с одной стороны, следствием избирательного произвола хортистов, обеспечившего преобладание в парламенте «верхним» слоям буржуазного общества, а с другой — отражало падение авторитета бывших крестьянских лидеров в массах из-за их подчинения террористическому режиму.

Однако вскоре обнаружилось, что социально-экономические причины, вызвавшие в Венгрии, как и в других странах рассматриваемого региона, политическое обособление крестьянства в буржуазном обществе, не были исчерпаны. В годы мирового экономического кризиса, затронувшего, как отмечает венгерский исследователь, все слои сельского населения, в венгерской деревне усилилось стремление освободиться от политической гегемонии крупной буржуазии и земельной аристократии. Политическое движение крестьян, охватившее в начале 30-х годов многие провинции страны, способствовало образованию вновь Независимой партии мелких сельских хозяев (НПМСХ), отразившей в своей программе буржуазно-демократические принципы и экономические потребности мелкоотварного крестьянского хозяйства. Правда, и на этот раз деятелям из хортистской среды удалось войти в руководство партии, чем объясняется молчаливая поддержка, которую НПМСХ оказала профашистски ориентированному правительству Д. Гёмбёша. Но во второй половине 30-х годов, разочаровавшись в перспективе расширения своего политического влияния под эгидой хортизма, а также убедившись в непопулярности его прогерманской ориентации, НПМСХ выступила против дальнейшей фашизации Венгрии и гибельной для независимости страны внешней политики режима, выдвинула широкую по форме, хотя и умеренную по содержанию программу земельных реформ, а также оказала противодействие влиянию в массах фрондировавших с правительством правых экстремистов. Все это выдвинуло НПМСХ на заметное место среди оппозиционных режиму нефашистских сил [65, с. 151—152]. Но эта партия по традиции была популярна преимущественно среди зажиточной части крестьянства. Для сплочения более широких слоев сельского населения левое крыло группы демократической интеллигенции — так называемых исследователей деревни — в 1939 г. по совету коммунистов создали Национальную крестьянскую партию, которая пропагандировала программу в духе народного фронта [64, с. 231—232; 66, с. 39].

Целый ряд причин: и образование царанистской партии в Румынии в период революционного подъема (1918), когда это не только служило организации стихийного крестьянского движения, но должно было помешать распространению марксизма и революционного влияния в крестьянских массах, и объединение ее в дальнейшем с буржуазно-помещичьей Национальной партией, и вытеснение из ее руководства крестьянских деятелей буржуазными политиками традиционного типа, и, наконец, особенности расстановки политических сил в Румынии, благодаря чему Национал-царанистская партия выдвинулась на роль одного из партнеров в двухпартийной системе — все это обусловило преимущественно буржуазный характер Национал-царанистской партии и отречение партийных верхов от тех принципиальных целей и лозунгов, которые в свое время привлекли на ее сторону крестьянство. Разочарование масс в политике национал-царанистов вылилось, с одной стороны, в расколы внутри партии, отражавшие несоответствие между ее практической деятельностью и идейными основами крестьянского движения, а с другой, по-видимому, стало причиной того, что известная часть румынского крестьянства, не обнаружив в деятельности царанистов должной заботы о своих

насущенных чаяниях⁹, в 30-е годы стала добычей фашистской организации Железная гвардия, которая как раз крестьянству адресовала свою на первый взгляд многообещающую и динамичную, но насквозь пропитанную демагогией социальную программу [68, с. 69—76].

Логическим следствием эволюции вправо Национал-царанистской партии был ее предвыборный компромисс 1937 г. — так называемый пакт о ненападении — с Железной гвардией, стимулировавший установление открытой диктатуры короля, и в дальнейшем полная пассивность и повиновение запрету легальной политической деятельности [69, с. 304]. Руководителем сопротивления румынского крестьянства антидемократическому режиму выступала в тот период организация деревенской бедноты — Фронт земледельцев, сотрудничавшая с Коммунистической партией Румынии [70, с. 133—134].

Таким образом, в деятельности массовых крестьянских партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на протяжении периода между двумя мировыми войнами нашла выражение такая специфическая черта социально-экономического развития региона — за исключением Чехословакии, — как незавершенность капиталистического преобразования аграрного строя. Политическим содержанием деятельности крестьянских партий, если они действительно представляли интересы крестьянства в такой переходной стадии, являлась борьба за утверждение буржуазной демократии. В этом качестве они наряду с революционными партиями и организациями выступали антиподом авторитарных и фашистских сил крупной буржуазии и ее союзников. Непоследовательность же демократической линии, колебания, а иногда и полное отступление от нее, по-видимому, были своеобразным проявлением двойственного положения крестьянства в буржуазном обществе, на которое не раз обращал внимание В. И. Ленин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
2. Натан Ж. История экономического развития Болгарии. М., 1961.
3. Гринберг С. Ш. Развитие капитализма в болгарской промышленности в конце XIX — начале XX вв. (1878—1912): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1976.
4. История Венгрии. Т. II. М., 1972.
5. Polska XIX wieku. Państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa, 1977.
6. История Румынии 1848—1917. М., 1971.
7. Berend I. T., Ranki G. Economic Development in East-Central Europe in the 19-th and 20-th Centuries. New York and London, 1974.
8. Uprzemysłowanie ziem polskich w XIX i XX wieku. Wrocław, 1970.
9. Ранки Д. Капиталистическое государство и экономика в период между двумя мировыми войнами. — В кн.: Кризис политической системы капитализма и его проявления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23.
11. Гунст П. Влияние индустриализации на сельское хозяйство Западной и Восточной Европы в XIX—XX веках. — Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1980, № 1—2.
12. Христов Х. Аграрният въпрос в българската национална революция. София, 1976.
13. Мадиевский С. А. Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. М., 1980.
14. Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego, 1960, № 2.
15. Икономика на България. Т. I. София, 1969.
16. Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959.
17. Фрейдзон В. И. Социал-демократия и классовая борьба в хорватской деревне в конце XIX — начале XX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1961.
18. История Второго Интернационала. Т. I. М., 1965.
19. История Болгарской коммунистической партии. М., 1971.
20. Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964. Т. I. Warszawa, 1967.

⁹ Национал-царанистской партии выпало формировать правительства в период мирового экономического кризиса. Царанистские кабинеты оказались бессильны оградить румынское сельское хозяйство и трудящиеся массы от его разрушительных последствий. Принимавшиеся ими антикризисные меры учитывали прежде всего интересы имущих слоев (подробнее см. [67, с. 130—144]).

21. *Рацев Димов Д.* Началото на историческия път. Селското движение и селската партия в България до войните. София, 1976.
22. Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. T. I. Warszawa, 1966.
23. *Фрейдзон В. И.* Социально-политические взгляды Антуна и Степана Радичей в 1900-х годах и возникновение Хорватской крестьянской партии (1904—1905).— УЗИС, 1930, т. XX.
24. *Kučera E., Kučerová Z.* O agrárnícký stát. Praha, 1955.
25. *Uhlir D.* Republikánská strana venkovského a maloroľnického ľudu 1918—1938. Praha, 1972.
26. *Glignorić V.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919—1929. Beograd, 1979.
27. *Немеш Д.* Венгрия в годы контрреволюции 1919—1921. М., 1964.
28. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. T. IV. Zagreb, 1929.
29. *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature 1929—1935. Beograd, 1969.
30. *Scurtu J.* Din viața politică a României. Intemeierea și activitatea partidului țărănesc (1918—1926). București, 1975.
31. *Киршевская А. Н.* Реформы правительства Земледельческого союза в Болгарии и их крах.— УЗИС, 1954, т. X.
32. *Велев А.* Главни реформи на земеделското правителство. София, 1977.
33. История Югославии. Т. II. М., 1963.
34. Historia państwa i prawa Polski 1918—1939, cz. 1. Warszawa, 1962.
35. *Scurtu J.* Intemeierea și activitatea partidului țărănesc (1918—1926).— Studii. Revăstă de istorie, 1973, t. 26, N 4.
36. Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Wrocław etc., 1975, t. XI.
37. Droga przez półwiecze. O Polsce lat 1918—1968. Warszawa, 1969.
38. История на България. Т. III. София, 1964.
39. Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд, 1963.
40. *Георгиев В.* Буржоазният политически фронт в България в навечерието на Септемврийското въстание 1923 г.— Годишник на Софийския университет, т. XVI. София, 1975.
41. *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1957.
42. *Яжборовская И. С.* Особенности социально-политической структуры и борьба рабочего класса против реакции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период стабилизации капитализма (1924—1928).— В кн.: Фашизм и антидемократические режимы в Европе (начало 20-х — 1945 гг.). М., 1981.
43. Faszyzm — teoria i praktyka w Europie (1922—1945). Wrocław, 1977.
44. *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии 1919—1925. София, 1976.
45. Przegląd Historyczny, 1966, № 4.
46. Nowe Drogi, 1978, № 9.
47. Тольятти П. Лекция о фашизме. М., 1974.
48. Faszyzm — teoria i praktyka w Europie (1922—1945). Wrocław, 1977.
49. Sprawozdanie stenograficzne z posiedzenia Sejmu z 5, 6 XII 1935 г.
50. Najnowsze Dzieje Polski, 1968, t. XIII.
51. *Петрова Д.* БЗНС през периода на икономическата криза 1929—1934. София, 1979.
52. *Наумов Г.* Селското движение в България 1929—1934. София, 1975.
53. *Mirković M.* Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958.
54. *Зарчев Й.* Септемврийското въстание и Земеделският съюз.— Векове, 1973, № 5.
55. *Петрова Д.* БЗНС и народният фронт (1934—1939 гг.). София, 1967.
56. *Димитров И.* Българската демократична общественост, фашизмът и войната. София, 1976.
57. 70 lat ruchu ludowego. Materiały z sesji naukowej. Warszawa, 1967, s. 88—124.
58. Drogi rozwoju ruchu ludowego. Warszawa, 1964, s. 217—229.
59. Historia chłopów polskich. T. III. Warszawa, 1980.
60. Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. T. III. Warszawa, 1966.
61. Zarys historii polskiego ruchu ludowego 1918—1939, t. II. Warszawa, 1970.
62. Strajk chłopski w 1937 roku. T. I. Warszawa, 1960.
63. *Voban L.* Masék i politika HSS 1928—1941. Zagreb, 1974.
64. История венгерского революционного рабочего движения. Т. 2. М., 1973.
65. *Вида И.* Политика Независимой партии мелких сельских хозяев в 1944—1948 гг.— Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1973, t. XIX, № 1—2.
66. *Erenyi T., Szabo V.* Histiryzna droga węgierskiego ruchu robotniczego (1919—1944).— Z pola walki, 1980, № 2.
67. История Румынии, 1918—1970. М., 1971.
68. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976.
69. VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
70. *Ерещенко М. Д.* Королевская диктатура в Румынии 1938—1940 гг. М., 1979.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТРОИЦКОЙ ЛЕТОПИСИ И ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 1409 ГОДА

Осуществленная М. Д. Приселковым реконструкция погибшей в 1812 г. Троицкой летописи явилась значительным вкладом в изучение литературных памятников отечественной истории эпохи средневековья [1]. Она действительно восполнила потерю оригинала, но, естественно, лишь в той мере, в какой позволяли это сделать записи Н. М. Карамзина, а также некоторые оказавшиеся близкими ей другие летописи [2].

Однако сама по себе реконструкция не дала, да и не могла дать ответов на ряд важных вопросов, связанных с общей трактовкой данной летописи, в частности, таких вопросов, как определение ее реального места в общем развитии русского летописания, как фиксация ее историко-политической платформы, установление редактора-составителя. Разумеется, все эти важные для науки проблемы должны были рассматриваться с учетом идейно-политической жизни тогдашней Руси в целом, с широким использованием сравнительно-исторического метода. Это тем более необходимо, что в работах ряда современных историков названный памятник оказался едва ли не решающим звеном в цепи доказательств, выдвигавшихся ими гипотез и предположений большого масштаба.

Теперь стало очевидным, что от той или иной трактовки историко-политической платформы этого памятника, от атрибуции его тому или иному редактору-составителю зависят решения таких важных вопросов, как датировка и «иерархия» памятников Куликовского цикла, как выявление главных тенденций русского летописания XIV в., все еще окончательно не определенных исторической наукой¹, наконец фиксация или игнорирование сосуществования двух параллельных процессов — только еще начинавшегося обособления политически разобщенных частей восточного славянства и продолжавшегося развития «Русской земли» как целого.

Следует, однако, признать, что использование данного памятника для аргументации тех или иных построений далеко не всегда сопровождалось всесторонним его изучением, выявлением подлинной роли этого летописного свода в идейно-политической жизни Руси 1408—1409 гг., установле-

¹ Одни исследователи считают, что в это время существовала только одна «локальная» тенденция, представленная промосковским, якобы уже «великорусским» Троицким сводом 1409 г., другие исследователи склонны говорить о сосуществовании двух тенденций — локальной и общерусской (последняя, по их мнению, была представлена «Летописцем великим русским» или каким-то другим близким ему сводом). На необходимость преодоления обедненного, «локального» подхода к общерусскому летописанию XIV — начала XV вв. указывал В. А. Плугин [3, с. 73—93] в своей рецензии на работу Я. С. Лурье [4].

нием его реального места в сложном развитии русского летописания конца XIV — первой половины XV в.

Так, вопрос об авторе летописи 1409 г. и ее концепции часто решался на уровне мало обоснованных презумпций; в лучшем случае — на основе тенденциозного анализа выборочно взятых одной или двух статей данной летописи. А выводы из этих презумпций и частных наблюдений оказывались непропорционально «масштабными» и к тому же крайне претенциозными: они подавались в качестве «аксиом» исторического знания, не допускавших каких-либо сомнений и тем более возражений.

Так, в ряде своих работ М. А. Салмина [5, 6] (а вместе с ней и Я. С. Лурье [4]) отстаивают тезис о том, что летописный свод 1409 г. представлял собой труд самого митрополита Киприана, причем такой всеобъемлющий труд, который исключал существование каких-либо иных более ранних летописных «сочинений» этого же автора, тем более сочинений с более широким охватом событий и процессов.

Разумеется, Киприан был не только видным церковно-политическим деятелем своего времени, но и выдающимся идеологом-публицистом эпохи. Это было очевидно и его коллегам-современникам (например, Стефану Пермскому, Епифанию Премудрому²), и его литературным преемникам более поздней поры. Так, составитель Никоновской летописи считал, что Киприан был «вельми книжен и духовен зело», что он сам «книги своею рукою писаше» [8, т. XI, с. 194—195; 9, т. VIII, с. 78; 10, с. 234]. А Татищев, располагая какими-то своими особыми данными, дал еще более развернутую, более систематизированную характеристику литературной работы митрополита [11, т. V, с. 204—205].

В настоящее время можно утверждать, что Киприан имел непосредственное отношение к созданию «Жития митрополита Петра» (это выявил Л. А. Дмитриев [12]), а также к возникновению, как доказал Б. А. Рыбаков, «Списка русских городов дальних и ближних» [13, с. 200—205]. Очевидным представляется составление Киприаном его прощальной грамоты 1406 г. [14, с. 399—404], под его влиянием было написано, видимо, «Слово о житии и учении Стефана Пермского» [7, с. 157, 159], возможно, «Повесть о Темир-Аксаке и Владимирской иконе» [15, с. 185—200]. Мы считаем вслед за А. А. Шахматовым [16, с. 119], С. К. Шамбинаго [17, с. 208], А. В. Соловьевым [18, с. 85—106] и Л. В. Черепниным [19, с. 659], что в 90-е годы XIV в. при участии Киприана было создано и такое емкое произведение, как «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» [14, с. 351—366], а также первые варианты памятников Куликовского цикла.

Но одно дело — признавать Киприана крупным литератором своей эпохи или, может быть, вдохновителем многих литературных начинаний того времени, другое дело — видеть в нем автора и последнего редактора Троицкой летописи, которая была создана через три года после смерти этого митрополита и во многом противоречила его концепционным установкам, известным как по его политической деятельности 80—90-х годов XIV в., так и по ряду его «сочинений» этого времени («Жития митрополита Петра», «Списка русских городов», Прощальной грамоты 1406 г., а весьма вероятно, и самого «Летописца великого русского»; в причастности Киприана к его созданию не сомневались ни М. Д. Приселков [20, с. 128—140], ни К. Н. Сербина [1, с. 3]).

Между тем в настоящее время дело дошло до того, что упоминаемый Троицкой летописью под 1392 г. «Летописец великий русский», представленный ею в качестве обширного летописного свода по истории всей «русской земли», за период «от великого князя Ярослава и до сего князя нынешнего» (т. е. Василия I) [1, с. 439], был объявлен без всяких доказательств скромным «справочником» по новгородской истории XII—XIII вв., не имевшим якобы никакого отношения ни к общерусскому летописанию

² Епифаний Премудрый писал о ведущей роли Киприана в идейно-политической жизни страны того времени, о его тесном сотрудничестве в данной области с другими церковно-политическими деятелями эпохи, например, со Стефаном Пермским [7, с. 157].

XIV—XV вв., ни к общерусскому историческому процессу всего этого периода [4, с. 62, прим. 131].

Выдвигая такие идеи, все эти историки игнорируют, с одной стороны, сложившуюся в Восточной Европе в 1408—1409 гг. политическую конъюнктуру, в частности, возникшее в это время новое соотношение сил между несколько окрепшей под эгидой Едигея Орды и «расщепленным» фронтом восточноевропейских государств³, а с другой стороны, очевидное несоответствие «промосковской» в основном концепции Троицкой летописи с «общерусской программой» митрополита Киприана.

На чем же, в таком случае, основывался вывод о том, что свод 1409 г. был трудом самого Киприана? Мысль о том, что митрополит Киприан участвовал в создании Троицкой летописи, высказал еще М. Д. Приселков, правда, при этом он утверждал, что прямым предшественником свода 1409 г. был упоминаемый в этом же своде под 1392 г. «Летописец великий русский», составлявшийся, по его мнению, при участии того же Киприана [20, с. 128—140].

Провозгласив исторической «аксиомой» предположение М. Д. Приселкова об участии Киприана в создании Троицкой летописи и объявив этого митрополита последним редактором свода 1409 г. (хотя, как известно, он умер еще в сентябре 1406 г.), совершенно игнорируя при этом мысль Приселкова о том, что Троицкая летопись была преемственно связана с «Летописцем великим русским» и даже тождественна с ним [20, с. 128—140], М. А. Салмина попыталась оправдать такой подход к своду 1409 г., во-первых, полным отрицанием самой возможности использования Троицкой летописью «Летописца великого русского» — как якобы только «справочника» по новгородской истории, а, во-вторых, тенденциозным анализом статьи из этой летописи о Куликовской битве 1380 г.

При этом задачи М. А. Салминой состояли в том, чтобы, во-первых, доказать первичность данного рассказа о Куликовской битве и вторичность всех остальных сочинений на эту тему (включая пространные редакции Летописной повести, Задонщины, Сказания о Мамаевом побоище), а, во-вторых, на основании этого вывода сделать «очевидным» также и первичность всех остальных данных Троицкой летописи (включая и статьи за 1380—1408 гг.) по отношению ко всем их «аналогам», сохранившимся в позднее сформировавшихся летописных сводах.

Гипотезы Салминой о первичности краткой статьи 1380 г. Троицкой летописи, о ее якобы максимальном соответствии реальному ходу событий этого года, а также о вторичности всех остальных летописных и внелетописных рассказов о Куликовской битве, о вымышленности этих пространных рассказов мотивировались главным образом одним аргументом: отсутствием сведений об участии в Куликовской битве Тарусских князей (в частности Тарусского князя Федора) в первом случае и наличии этих сведений в некоторых других случаях.

Это разночтение М. А. Салмина объясняла вымышленностью самого факта участия Тарусских князей в Куликовской битве, поздним внесением информации о Федоре Тарусском в пространные редакции летописных рассказов о Куликовской битве, внесении, осуществленном после 1437 г. в связи с тем, что под этим годом в Симеоновской летописи [22, с. 190] была запись о гибели еще одного князя Федора Тарусского, которого, однако, Салмина считает единственно реальным Тарусским князем с подобным именем [5, с. 344—384].

Данная аргументация все же не представляется в полной мере убедительной; и не только потому, что она оказалась несовместимой с некоторыми общими тенденциями восточноевропейского исторического процесса того времени, но также и потому, что она не получила в конечном счете подтверждения в наших источниках.

³ «Расщепление» произошло в результате наступившего после Ворсклы отдаления Московской Руси от «Великого княжества Литовского», еще больше подчинившегося тогда феодальной Польше, резкого обострения московско-литовских отношений 1404—1408 гг., и, наконец, самого нашествия Едигея на Владимирское княжение в декабре 1408 г. [21, с. 245—266].

Говоря о причастности или непричастности Федора Тарусского к Куликовской битве, мы должны иметь в виду, что тогдашняя военно-политическая активность Тарусских князей — обладателей территорий, расположенных на стыке владений Литвы, Москвы и Орды, была вполне естественной и закономерной; Тарусское княжество, также как и Новосильское княжество, находилось в фокусе напряженной политической борьбы того времени. Неслучайно еще Ольгерд в 1371 г. требовал (правда, тщетно) церковно-политического подчинения Новосиля, другого важного центра этого края [21, с. 110]; неслучайно и Москва постоянно настаивала в тот период на сохранении Тарусскими и Новосильскими князьями верности ей, в чем, как мы знаем, она и преуспела.

Таким образом, если исходить из политической конъюнктуры того времени, следует признать, что сотрудничество Тарусских князей с Москвой, их участие в Куликовской битве было не только возможно, но и вполне реально. Правда, до сих пор мы имели лишь косвенные документальные подтверждения этого в отношении Тарусского княжеского дома в целом [10, с. 190; 23, № 19, с. 53]. Теперь, после открытия А. П. Кирпичникова [24, с. 7—9], мы получили свидетельства об участии в сражении на Дону 1380 г. самого Федора Тарусского (т. е. подтверждение той информации, которая имелась по данному поводу в летописной повести о Куликовской битве пространной редакции) [14, с. 321]. Счастливая архивная находка, таким образом, доказала, как подчеркивает сам А. Н. Кирпичников, «документальность летописной повести (пространной редакции. — *И. Г.*) и ее приближенность к описываемому в ней событию» [24, с. 9]. После выхода в свет работы А. Н. Кирпичникова текстологические изыскания М. А. Салминой потеряли свою «абсолютную» доказательную силу: теперь стало еще более очевидным, что упоминание или неупоминание памятниками Куликовского цикла отдельных князей (в частности и князя Федора Тарусского) определялось не 1437 годом (временем гибели под Белёвым кн. Федора Тарусского «Второго»), а совершенно другими обстоятельствами. Видимо, прежде всего «ритмом» внутриполитической и международной жизни ведущих государственных образований Восточной Европы, часто менявшимися под влиянием данного «ритма» идеологическими установками.

При этом все более важное значение приобретал не сам факт текстологического, стилистического и проблемного взаимодействия памятников Куликовского цикла (а также близких к ним «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», «Слова о житии и учении Стефана Пермского», «Повести о Темир-Аксаке и Владимирской иконе»), а исторически достоверная «увязка» факта их взаимодействия с тем или иным этапом политического развития государств рассматриваемого региона.

Если говорить о подобной «увязке» всех названных выше произведений с тем или иным этапом восточноевропейского исторического процесса, то таким наиболее вероятным этапом могла быть эпоха активной церковно-политической деятельности митрополита Киприана, период конца XIV — начала XV в. Связанные единством конечных целей — воссоединением древнерусских земель и ослаблением ордынской власти в Восточной Европе, раскрывающие различные попытки реализации этих целей, а также активное участие в них самого Киприана и его ближайшего окружения — все названные памятники скорее всего были порождены той эпохой, когда указанные процессы достигли действительно большого размаха и сам Киприан имел возможность, во-первых, зафиксировать их в соответствующих литературных произведениях и, во-вторых, показать здесь же свою собственную роль в этих процессах. Этой эпохой, вероятнее всего, был период конца XIV — самого начала XV вв. — период заметной активизации указанных процессов и время бурной деятельности самого митрополита Киприана (1380—1406). Таким образом, почти все сочинения данного комплекса следует считать закономерным порождением определенного этапа идейно-политической жизни феодальной Руси — этапа наиболее интенсивной борьбы за восстановление це-

лостности всей «русской земли», за ослабление ордынской власти в Восточной Европе.

Только сделав такое допущение, мы можем объяснить, почему все упомянутые памятники, выдвигая идею восстановления целостности «русской земли» (в масштабах созданного в середине 90-х годов XIV в. «Списка русских городов»), связывали возможность реализации этой идеи не с одним центром, а с различными центрами феодальной Руси, с различными ее княжескими группировками.

Что касается Троицкой летописи 1409 г. — главного предмета нашего внимания, — то ее концепция, возникшая вскоре после нашествия Едигея на Северо-Восточную Русь, отличалась особыми чертами: здесь, как мы увидим, вместо идеи восстановления целостности всей «русской земли» под эгидой «великого князя всея Руси» Василия I выдвигалась программа самоизоляции Северо-Восточной Руси, сущность которой, возможно, отражалась и в тогдашнем развитии монетного дела в Москве⁴. Теперь становится понятным, почему в статье 1380 г. Троицкой летописи не упомянуто о существовании широкого фронта русских князей как во времена Куликовской битвы, так и в 90-е годы XIV в., не названы самые видные участники Куликовской битвы (Владимир Серпуховский, Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский), не зафиксированы и такие более скромные участники этого сражения, как князь Федор Тарусский.

Становится также понятным и то обстоятельство, что статья 1380 г. Новгородской 1 летописи (возникшей, как известно, до 1437 г.) была гораздо ближе по своему реальному содержанию и идейной направленности к летописной повести о Куликовской битве пространной редакции, чем к статье 1380 г. Троицкой летописи.

Не приходится удивляться тому, что отнесение Салминой всех памятников Куликовского цикла (в том числе и «Задонщины») к середине или второй половине XV в. оказалось отнюдь не общепринятым среди исследователей. Так, предложенная ею датировка названных памятников подверглась в последнее время «частичной» корректировке⁵.

Не оказались общепризнанными и результаты предпринятого ею сравнительного анализа летописных статей 1382 г., ее попытки представить краткий рассказ Троицкой летописи о нашествии Тохтамыша на Москву в качестве первичного, а рассказы же других летописей по данному поводу — вторичными, а, следовательно, в известной мере и вымышленными⁶.

Таким образом, трактовка Троицкой летописи, как якобы целиком Киприановской, не может быть убедительной хотя бы потому, что

⁴ Хорошо изучивший состояние монетного дела в Московской Руси на рубеже XIV—XV вв. Г. А. Федоров-Давыдов в своей последней книге выделил три этапа в чеканке монет при Василии I, каждый из которых имел свои определенные черты [25, с. 54, 115, 134]. Так, на протяжении первого этапа (1390—1399) изготовлялись «двуязычные», двуименные монеты с титулом «великого князя» (иногда «великого князя всея Руси») на лицевой стороне и с упоминанием тогдашнего верховного сюзерена Руси — хана Тохтамыша — на оборотной стороне. На втором этапе (1400—1409) исчезло имя Тохтамыша и на двух сторонах монет появились русские тексты (чаще всего с титулом «великий князь всея Руси»). Третий этап (1410—1425) был ознаменован восстановлением чеканки «двуязычных» монет (на лицевой стороне скромный титул «великого князя» без слов «всея Руси», на другой — та или иная ордынская символика [25, с. 54, 133—134]). Переход от второго этапа к третьему хронологически совпал с составлением Троицкой летописи и, по-видимому, отражал общие сдвиги в идейно-политической жизни Московской Руси того времени.

⁵ После работы Г. Н. Моисеевой [26, с. 224—227] прежняя датировка «Задонщины», выдвигавшаяся М. Н. Тихомировым [27, с. 203], А. В. Соловьевым [28, с. 188] и В. Ф. Ржигой [29], вновь стала актуальной. Это вынужден признать и В. А. Кучкин, хотя остальные памятники Куликовского цикла он датирует как М. А. Салмина, Я. С. Лурье [30, с. 6—7]. А. Л. Хорошкевич, игнорируя работу Г. Н. Моисеевой, целиком разделяет датировки, предложенные М. А. Салминой и Я. С. Лурье [31, с. 92—106].

⁶ Этот анализ не убедил, видимо, Л. А. Дмитриева, который писал, что после появления данной статьи М. А. Салминой у исследователей этого памятника «отнюдь не меньше оснований видеть в Краткой повести (о нашествии Тохтамыша на Москву. — И. Г.) сокращение пространной» [32, с. 241]. Не согласен с датировками пространной редакции Повести и В. А. Плугин [3, с. 73—93].

М. А. Салмина ведет сравнительное изучение лишь двух статей 1380 г. (да и то главным образом одного ее сюжета, связанного с князем Федором Тарусским) и 1382 г., но отнюдь не всех статей завершающей части Троицкой летописи с аналогичными статьями других летописей.

Между тем для раскрытия идейно-политической платформы Троицкой летописи, для выявления ее наиболее вероятных редакторов-составителей, а также и ее реального места в общерусском летописании XIV—XV вв. представляется необходимым внимательное сопоставление всех статей завершающей части этого свода с их «аналогами» в других летописях. Источниковедческая задача такого масштаба, разумеется, не может быть решена в рамках одной небольшой статьи. Этому следует посвятить ряд исследований. Автор рассчитывает участвовать в разработке указанной проблематики.

В данной работе автор видит свою задачу лишь в сопоставлении ряда заключительных статей Троицкой летописи с их «аналогами» в других летописных сводах, сформировавшихся позднее, но включивших в свой состав те или иные материалы, уже существовавшие в конце XIV — начале XV в.

Вставая на путь сравнительного изучения этих «параллельных» летописных статей, автор имел в виду зафиксировать не только разный объем содержащейся в них информации, но и разную их идейно-концепционную направленность, различное их отношение к локальным, «промосковским», и общерусским тенденциям идеологической жизни феодальной Руси того времени. Так, автор стремился показать «закономерное» наличие в рассматриваемых статьях Троицкой летописи той же локальной, «промосковской», ориентации, которая была характерна для ее статей 1380 и 1382 гг., и вместе с тем подчеркнуть столь же «закономерное» отсутствие в этом своде материалов общерусского плана, хотя и несомненно существовавших на рубеже XIV—XV вв.

Весьма показательно в этом смысле различное освещение в летописях комплекса событий 1389—1391 гг., связанных с кончиной Дмитрия Донского и вступлением на великокняжеский престол Василия I, со смертью в Константинополе митрополита Пимена, приездом из Царьграда на Русь Киприана и его участием в оформлении брака Василия I с Софьей Витовтовой.

Троицкая летопись освещает эти события довольно скупо, об одних важных фактах того времени говорит кратко, о других умалчивает вообще. Так, статья 1389 г. Троицкой летописи дает весьма сжатую информацию о смерти «Дмитрия Ивановича Московского» [1, с. 434].

Весьма показательным также является отношение данных летописных статей к Киприану, отношение, надо сказать, двойственное. С одной стороны, составитель свода 1409 г., ожидая приезда в Москву из Царьграда нового митрополита-грека, проявлял внимание к церковной деятельности Киприана, терпимость к его контактам с греческой церковью (отсюда информация не только о приезде Киприана из Константинополя сначала в Киев, потом в Москву, но и о сопровождении Киприана греческими митрополитами Адрианопольским и Гаанским), с другой стороны, в данном комплексе статей (как впрочем и в других статьях Троицкой летописи) не было признания общерусской основы идейно-политической деятельности Киприана, не было одобрения его далеко идущей политической программы — программы максимально широкой консолидации русских земель во имя ослабления власти Орды в Восточной Европе (отсюда не только игнорирование созданных при Киприане в 90-е годы «Списка русских городов», «Повести о Темир-Аксаке» или Прощальной грамоты 1406 г., но и замалчивание московско-литовских контактов или даже их осуждение).

Двойственное отношение Троицкой летописи к Киприану проявилось в различной по своему характеру информации о его тогдашней деятельности в Твери и в Великом Новгороде. Если этот летописный свод одобрил осуждение Киприаном «мятежной» деятельности тверского епископа Евфимия начала 90-х годов (такое осуждение, видимо, не только соот-

ветствовало антитверским настроениям Москвы 1409 г., но и не представляло никакой для нее опасности в смысле возможного выхода Твери из-под контроля Владимирского княжения), то новгородская политика Киприана в тот же период освещалась несколько иначе. Имеется лишь глухое упоминание о конфликте Киприана и его политических партнеров с Великим Новгородом в начале 90-х годов XIV в., высказанное весьма своеобразно — в форме пересказа информации по данному поводу другой летописи (именно «Летописца великого русского»).

Составитель Троицкой летописи встал на этот путь, разумеется, не случайно. Дело в том, что политические судьбы Новгорода на двух разных этапах тогдашней политической жизни Восточной Европы, в частности, в начале 90-х годов XIV в. и в конце первого десятилетия XV в., отнюдь не были одинаковыми [33, с. 215, 216, 225; 34, с. 225, 235].

Так, в начале 90-х годов XIV в., в обстановке формировавшегося при участии Киприана, Василия I и Витовта московско-литовского союза положение боярской республики было, в сущности, критическим: лишившись возможности лавировать между Москвой и Вильно, Великий Новгород оказался перед перспективой полного подчинения создавшейся «коалиции», а следовательно и потери своей традиционной самостоятельности.

Что же касалось первого десятилетия XV в., то в этот период восстановленного «противостояния» двух «великих княжений», возобновившегося их соперничества за влияние на берегах Волхова, ситуация Великого Новгорода изменилась к «лучшему»: город вновь получил возможность «выбирать» себе покровителей как в Москве, так и в Вильне (разумеется, не без ведома Орды), вновь обрел «внешнеполитическую» основу поддержания и сохранения своей давно утвердившейся обособленности.

Ничего не было удивительного в том, что в этих условиях составитель летописи 1409 г. решил не воскрешать в полном объеме самого конфликта между «триумвирами» и Великим Новгородом, а предпочел лишь напомнить о существовании особой традиции взаимоотношений боярской республики с великими князьями, традиции, которая, по мнению создателя этой летописи, сложилась давно, представлялась теперь московскому правящему дому устаревшей, тем не менее традиции, с которой нельзя было не считаться.

Весьма характерно, что автор Троицкой летописи, признавая факт существования указанной традиции и отказываясь от подробного рассказа о планах ее преодоления, выдвигавшихся Киприаном в начале 90-х годов XIV в., все же счел нужным отослать читателя (прояви он особую любознательность) к другой летописи («Летописцу великому русскому»), в которой, видимо, не только более подробно излагалась вся история «русской земли» (от князя Ярослава, новгородского и киевского, до московского князя Василия I), не только более детально раскрывался сложный «механизм» взаимоотношений Новгорода с великими князьями, но и фиксировалось еще одно весьма любопытное обстоятельство: жалобы «Летописца великого русского» на трудности взаимоотношений «великих князей» да и «митрополита всея Руси» с Великим Новгородом; отмечались и попытки летописца обвинить в этом самих новгородцев, их постоянное упрямство, несговорчивость, «норовистость» и т. д. «Таков бо есть обычай Новгородцев,— утверждала Троицкая летопись под 1392 г.,— часто правають ко князю великому и паки рагозятся... кто от князь не прогневиша или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич (Невский.— И. Г.) не уноровил им?» [1, с. 439].

Эта тенденция обвинять самих новгородцев в создании конфликтов с великими князьями и общерусской митрополией была присуща, вероятно, обеим летописям (как Троицкой, так и «Летописцу великому русскому»), только, видимо, с той разницей, что «Летописец» одобрял жесткую антиновгородскую политику как московского великого князя, так и митрополита Киприана, а Троицкая летопись говорила о «заслугах» в этой области лишь одного Василия I, но отнюдь не Киприана [1, с. 439]. Такая тенденция московских идеологов 1409 г. имела, естественно, свои причины,

которые, видимо, были связаны с особым их отношением к недавно умершему митрополиту Киприану, а вместе с тем и ко всему тому периоду политической жизни Восточной Европы, который условно можно было бы назвать «эпохой Киприана» (главным образом 90-е годы XIV в.).

С одной стороны, мы ощущаем стремление составителя Троицкой летописи отделить себя от широкомасштабной идеологической и политической деятельности Киприана, во всяком случае не допустить отождествления промосковской концепции Троицкой летописи с общерусской платформой «сочинений» Киприана (платформой «Жития митрополита Петра», «Списка русских городов», Прощальной грамоты 1406 г., а может быть, и самого «Летописца великого русского»). Вероятно, не случайно мы видим в соответствующих статьях Троицкой летописи осуждение или игнорирование общерусской программы Киприана, порицание тесных контактов Москвы и Вильны, замалчивание конфликта Киприана с Великим Новгородом в начале 90-х годов XIV в. С другой стороны, мы замечаем явное стремление автора Троицкой летописи не задеть личный престиж недавно умершего митрополита, не допускать прямой критики церковной деятельности Киприана, его контактов с греческим патриархатом. Более того, замалчивая конфликт Киприана с Новгородом, составитель Троицкой летописи как мы отмечали, все же отсылает читателя к другой летописи — «Летописцу великому русскому», в которой, судя по всему, содержались более подробные сведения как об отношениях Киприана к Великому Новгороду, так и о всей его идейно-политической деятельности.

Такое двойственное отношение к митрополиту Киприану было, видимо, естественным для московских идеологов 1409 г.: они должны были, во-первых, исключать апологетику негодной Орде его широкой общерусской политики 90-х годов XIV в., а, во-вторых, не допускать критики взаимоотношений Киприана с Константинополем, хотя бы потому, что вынуждены были готовиться к встрече в Москве нового митрополита — Фотия, который вряд ли отнесся бы безразлично к сильно искаженной интерпретации церковной деятельности своего предшественника на русской почве.

Если сопоставить все высказывания Троицкой летописи о событиях 1389—1392 гг. с аналогичными статьями других, позднее оформившихся летописей (Новгородская IV, Софийская I, Московский свод конца XV в., Ермолинская летопись), станет очевидным, что последние значительно шире и подробнее освещают события указанных лет, рассматривают их как органическую часть общерусского исторического процесса. Здесь мы находим и «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», весьма пространную информацию о широкой «общерусской» деятельности митрополита Киприана в эти годы, сталкиваемся с фактом активного участия Киприана в торжественном оформлении брака Василия I и Софьи Витовтовны [14, с. 351—374 и др.].

Разумеется, в данной работе мы не имеем возможности подробно рассматривать вопрос об источниках этой дополнительной по сравнению с Троицкой летописью информации летописей середины XV в. Мы можем лишь признать, что подобная информация могла появиться в результате либо вымысла их создателей (на этой позиции стоит М. А. Салмина, во всяком случае в отношении статей 1380 и 1382 г.), либо привлечения каких-то летописных или внелетописных материалов, возникших до составления Троицкой летописи, т. е. таких материалов, которые были созданы в конце XIV — начале XV вв. под наблюдением или при участии самого митрополита Киприана, но в 1409 г. сознательно «отброшены» составителями Троицкой летописи, как «неактуальные», и только потом воскрешены в летописании митрополитов Фотия, Герасима, Феодосия и т. д.

К их числу может быть отнесен прежде всего «Летописец великий русский», в котором должны были присутствовать подробные рассказы о кончине Дмитрия Донского, о вступлении на Московский престол князя Василия и его женитьбе на Софье Витовтовне, о деятельности вдовы Дмитрия — Евдокии и, наконец, о политике самого Киприана за эти годы.

То, что Троицкой летописи предшествовал более пространный и вместе с тем более «прокиприановский» летописный памятник подтверждается, по нашему мнению, некоторыми его «отголосками» в русском летописании первой половины XV в. Им могла быть, как нам представляется, Суздальская летопись по академическому списку.

Как мы знаем, Суздальская летопись, в частности, ее третья часть была создана в канцелярии ростовского епископа Григория, известного сподвижника и единомышленника Киприана [35, с. 222—230].

Не было, видимо, ничего удивительного в том, что статьи этой летописи Григория, несмотря на свою отрывочность и лаконичность, все же отражали широкие общерусские масштабы деятельности Киприана и, в частности, за 1389—1392 гг. Суздальская летопись неоднократно подчеркивала свои симпатии к Киприану и к той общерусской программе, которую он выдвигал и которую пытался осуществить на протяжении 80—90-х годов XIV в. (и разумеется, 1389—1392 гг. в этом смысле не были исключением).

Видимо, не случайно Суздальская летопись неоднократно называет Киприана «преосвященным» в отличие от всех других упомянутых митрополитов [36, с. 536, 538]. Его появление в 1381 г. в Северо-Восточной Руси трактуется как самостоятельный приход «в свою Митрополию на Москву», где «князь великий Дмитрий приял его с великой честью». Его бегство из осажденной Тохтамышем Москвы в 1382 г. рассматривается как незаконное изгнание, как причина мятежа в митрополии («князь Дмитрий выгна Киприана митрополита и бысть мятеж в митрополии»). Возвращение Киприана в Москву в 1389 г. отмечено как важнейшее событие в жизни всей русской церкви, не только положившее конец «мятежу» в ней, но и якобы способствовавшее созданию расширенной русской митрополии, в состав которой будто бы была включена и митрополия Галицкой Руси⁷.

Весьма показательной представляется и содержащаяся в этой летописи информация о смерти в 1389 г. Дмитрия Донского. Сообщалось, что умер «христоробивый князь великий Дмитрий Иванович всея Руси». Если мы вспомним, что в Троицкой летописи говорилось о смерти «великого князя Дмитрия Ивановича Московского» [1, с. 434], а в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» фигурировали термины «царь русский», «царь русской земли» [14, с. 351—366], то предложенную Суздальской летописью титулатуру вряд ли можно считать случайной. Называя Дмитрия Донского «великим князем всея Руси», автор Суздальской летописи не только воспроизводил терминологию «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», но фиксировал параллелизм княжеского титула с титулом «митрополита всея Руси»⁸. Такой параллелизм терминов особенно для нас важен, поскольку может быть еще одним показателем близости ростовского епископа Григория, создателя Суздальской летописи, к митрополиту Киприану, а это обстоятельство означало, что Суздальская летопись по академическому списку вообще и в частности за 1389—1392 гг. являлась еще одним подтверждением существования какой-то действительно киприановской летописной работы, предшествовавшей своду 1409 г.

Двойственное отношение Троицкой летописи к митрополиту Киприану проявилось и в других ее статьях конца XIV — начала XV в. (точнее во фрагментах этих статей, сохранившихся у Карамзина). Так, летопись подробно информировала о церковной деятельности митрополита, неоднократно сообщала о поставлении им епископов в различные города русской земли [1, с. 440, 441], фиксировала его заинтересованность в развитии

⁷ Под 1389 г. в Суздальской летописи мы читаем «Выйде из Царьграда преосвященный Киприан митрополит всея Руси и преста мятеж в митрополии и есть едина митрополия Киев и Галичь и всея Руси» [36, с. 537].

⁸ О связи этих двух титулов писали в свое время А. И. Насонов [37, с. 100—101], А. Е. Пресняков [38, с. 352]. Важные наблюдения по данному поводу сделаны в работах Г. А. Федорова-Давыдова [25, с. 54, 115, 134] и В. Л. Янина [39, с. 38].

событий на Балканах, в судьбе Болгарии и болгарской патриархии [1, с. 442]. Однако в ней почти ничего не сообщалось о «мирской» деятельности Киприана на Руси, о его широких политических планах консолидации русских земель и активизации борьбы с Ордынской державой, о намерениях установить более жесткий и более действенный контроль над Великим Новгородом, о его литературно-публицистических начинаниях.

Но это не значит, что констатации такого рода не присутствовали здесь в завуалированном виде, не обнаружили себя в качестве «огрехов» недостаточно строгого редактирования каких-то ранее существовавших летописных текстов.

В этом отношении большой интерес, с нашей точки зрения, представляет статья 1393 г. Формально она также была посвящена церковной деятельности Киприана. (Здесь не было, как мы уже отмечали, информации о капитуляции Великого Новгорода перед Киприаном, хотя она присутствовала в статьях 1393 г. других летописей⁹ и, разумеется, позднейшим вымыслом быть не могла).

В указанной статье Троицкой летописи речь шла о предпринятом по инициативе княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского, строительстве нового каменного храма в Московском кремле, о «наречении» его после постройки храмом «честного рождения святой Богородицы», об освящении этой церкви митрополитом Киприаном, наконец, об их отношении к самому факту свершения двух событий (рождества Богородицы и Куликовской победы) в один день — 8 сентября [1, с. 444].

Все эти данные свидетельствуют о том, что сооружение данного храма было важным не только церковным, но и политическим мероприятием [41, с. 253—263]. В сущности, об этом говорила еще одна важная «позиция» указанной статьи Троицкой летописи. Утверждая, что созданная в 1393 г. церковь была лучшей из всех, построенных когда-либо великими княгинями, летописец тут же заметил, что исключением, возможно, была лишь одна церковь, воздвигнутая в 1205 г. в г. Владимире великой княгиней Марией Шварновной и великим князем Всеволодом Большое Гнездо [1, с. 444]¹⁰. Хотя формально сопоставлялись только архитектурно-декоративные достоинства этих храмов, в действительности речь шла о сопоставлении олицетворяемых ими определенных исторических эпох, как-то связанных друг с другом и, видимо, объединенных общностью политических традиций, устремлений и установок. На самом деле, обращение статьи 1393 г. Троицкой летописи к эпохе Всеволода Большое Гнездо — внука Владимира Мономаха, вряд ли было случайным. Воскрешение этой летописью факта создания Успенского собора в 1205 г. на территории Княгинина монастыря в г. Владимире [41, с. 260] оказалось связанным с очень важным этапом в развитии владимирско-новгородских отношений на рубеже XII—XIII вв., в частности, с командированием на берега Волхова в 1205 г. князя Константина, старшего сына великого князя Владимирского Всеволода.

Заметную роль этого события в политической жизни русской земли того времени раскрывает Лаврентьевская летопись [36, с. 287—288]. Она подчеркивает, что сооружение Успенского собора в Княгинином монастыре не просто совпало по времени с отправкой Константина на берега

⁹ М. Д. Приселков, правда, с помощью соответствующего текста Воскресенской летописи, дополняет Троицкую летопись [1, с. 443], тем не менее без достаточных, как нам кажется, оснований. Дело в том, что сам Н. М. Карамзин, излагающий историю Руси данного периода главным образом по Троицкой летописи, использует в рассказе об этом событии Новгородскую I летопись, а также Никоновскую [40, с. 465, прим. 149]. Следовательно, Троицкая летопись информацией по данному поводу не располагала.

¹⁰ «Того же лета княгини великая Овдотья Дмитриевна, — читаем мы в Троицкой летописи под 1393 г., — постави на Москве церковь камону zelo чудну и украси ю съсуды златыми и серебзными... и створила паче всех княгинь великих разве точю Марья княгини Всеволода, внука Мономаха, иже во Владимире...» [1, с. 444]. Видимо, не случайно этот храм сразу же приобрел особое значение. Его украшали видные иконописцы [1, с. 445]. Он стал местом захоронения близких родственников московских князей (например, княгини Марии, жены литовского князя Семеча Лугвневича, дочери Дмитрия Донского и княгини Евдокии [1, с. 450]).

Волхова, а было связано с попытками Всеволода и его жены Марии Шварновны придать этой поездке особое значение в тогдашней политической жизни всей Руси: отсюда особое идеологическое оформление отправки Константина в Новгород, специальные родительские наставления отъезжающему сыну, отсюда и выработка четкой формулы, согласно которой приобретение Константином «старейшинства» во всей «русской земле» зависело от стабильного его пребывания в Великом Новгороде [36, с. 287—288]. Все это свидетельствует о том, что в данном случае обращение Троицкой летописи к эпохе начала XIII в. при всей сосредоточенности ее на церковных сюжетах все же имело определенный политический смысл, связанный, видимо, с существованием в Москве традиционной политической программы в отношении Новгорода.

Возникает естественный вопрос об авторстве присутствующего в статье 1393 г. сопоставления (двух храмов — двух эпох). С одной стороны, следует допустить, что подобная идея могла прийти в голову самому митрополиту Киприану: ему была близка идея подчинения Новгорода, и он активно добивался ее реализации в 90-е годы XIV в., ему же была присуща и манера обосновывать свою общерусскую политическую программу обращением к историческому прошлому целостной «Русской земли», к политической карьере выдающихся русских князей Владимира Мономаха, Всеволода Большое Гнездо, Александра Невского, установлением тех или иных аналогий и параллелей. Однако этому допущению противоречит полное игнорирование Троицкой летописи большого успеха Киприана, достигнутого им в 1393 г. в борьбе с Новгородом. Именно данное обстоятельство свидетельствует о том, что Киприан не мог быть редактором этой статьи Троицкой летописи (сознательное «смазывание» своих заслуг было бы для Киприана-редактора противостоестественным). С другой стороны, следует предположить, что составитель Троицкой летописи 1409 г. при всем отрицательном отношении к политической деятельности Киприана, все же мог испытать на себе воздействие его творческих приемов, мог в завуалированной форме зафиксировать интерес митрополита к Новгородской проблематике, хотя бы с помощью «воскрешения» владимирско-новгородского сюжета начала XIII в. Тем самым составитель свода 1409 г. избегал апологетики митрополита, а вместе с тем невольно подтверждал, что в его распоряжении как редактора были какие-то более обширные тексты собственно Киприановского летописания.

К таким выводам неизбежно должен прийти историк в результате сопоставлений содержания статей 1393 г. в различных летописях: широкое оповещение поздних летописей о большом политическом успехе Киприана в борьбе с Новгородом в 1393 г. и полное забвение этого успеха Троицкой летописью (нарушенное, возможно, лишь глухой отсылкой к важному этапу новгородской политики Всеволода Большое Гнездо).

Однако всем этим не исчерпывалась идейно-информационная «нагрузка» статьи 1393 г. Троицкой летописи. Она (вместе со статьями 1394 и 1395 гг.) подтверждала факт тесного сотрудничества княгини Евдокии с митрополитом Киприаном, проявившегося, как мы видели, сначала в совместном санкционировании строительства храма Рождества Богородицы в Кремле, потом в его освящении, в провозглашении празднования Рождества Богородицы и Куликовской победы в один день и, наконец, в приглашении видных художников того времени для росписи стен этого храма [41, с. 253—263].

Факт сотрудничества, а может быть, даже и тесной дружбы княгини Евдокии с митрополитом Киприаном представлялся современникам настолько заметным, а их противникам даже и одиозным явлением, настолько тревожил феодальные верхи Московской Руси, в том числе и самих детей княгини Евдокии, что она вынуждена была, как утверждает летописная традиция, опровергать различные подозрения по этому поводу [42, с. 408—409].

По всей видимости, дружба вдовы Дмитрия Донского с митрополитом Киприаном в 90-е годы XIV в. имела свою «предысторию», восходившую

еще к 1381—1382 г. Естественно, что, представляя сразу два ведущих княжеских дома Северо-Восточной Руси — Суздальский и Московский, княгиня Евдокия не могла не привлечь к себе внимания такого видного политика, каким был митрополит Киприан, особенно тогда, когда он стал в 1381 г. общерусским митрополитом и должен был активно участвовать в политической жизни всей Русской земли, между прочим и в организации обороны Москвы от полчищ Тохтамыша. И хотя характер сотрудничества Киприана с княгиней Евдокией летом 1382 г. остается до конца не выясненным (по одним данным она находилась тогда в Костроме [43, с. 102; 9, с. 47], по другим — в осажденной Москве вместе с митрополитом [8, т. XI, с. 73; 42, с. 397]), крайнее раздражение Дмитрия Донского тогдашним поведением Киприана представляется фактом совершенно несомненным.

Видимо, прямым результатом этого раздражения на первых порах явилось восстановление князем Дмитрием Ивановичем деловых контактов с «опальным» митрополитом Пименом, а потом и попытки политического сближения с суздальским епископом Дионисием — отправка его к константинопольскому патриарху (летом 1383 г.) с просьбой решить вопрос об «управлении митрополией русской» в пользу Москвы [44, с. 148]¹¹.

Как известно, данная просьба Дмитрия Донского была удовлетворена в Царьграде [44, с. 148, 149].

Однако такое решение проблемы натолкнулось на «естественное» противодействие Киприана, а также его тогдашнего политического партнера — киевского князя Владимира Ольгердовича. Во время своего следования из Царьграда в Москву, Дионисий, как известно, был арестован в Киеве, а вскоре здесь же погиб при загадочных обстоятельствах [44, с. 149, 150—151].

Расправа Киприана с Дионисием, а кроме того, и недостаточно активное противодействие польско-литовской унии 1385 г. настолько разгневали Константинополь, что все это чуть было не стоило Киприану полной потери доверия Царьграда [21, с. 187—189].

Только, видимо, предложенный Киприаном смелый план контрнаступления на унию, план полной церковно-политической реорганизации Восточной Европы, основанный на формировании контактов Москвы и Вильно как в церковной, так и в политических сферах, примирил на какое-то время Константинополь с этим митрополитом, что открыло перед ним новые политические возможности.

После смерти Пимена в Царьграде весной 1389 г. и наступившей тогда же кончины Дмитрия Донского в Москве он вернулся в качестве общерусского митрополита в Северо-Восточную Русь, санкционировал здесь брак нового великого князя Василия I и дочери Витовта — Софьи [21, с. 193—195].

В этих условиях дружба с вдовой Дмитрия Донского становилась для Киприана особенно важной: эта дружба должна была не только гарантировать в какой-то мере нужное Киприану поведение Василия I и его братьев, но и обеспечить ему какую-то связь с Суздальским княжеским домом. Поэтому ничего не было удивительного в том, что именно в данной обстановке Киприан и кн. Евдокия не только принимают совместное решение о строительстве храма в честь «рождества девы Марии», но и заботятся о том, чтобы это строительство воспринималось правящей элитой Московской Руси, с одной стороны, как мероприятие политически необходимое и вполне оправданное, хотя бы с точки зрения урегулиро-

¹¹ Возможно, что именно эта резкая перемена политической ориентации суздальского епископа и определила судьбу одного памятника русского прикладного искусства — знаменитого ковчега-мощевика, который был привезен, как известно, суздальскому князю из Царьграда в самом начале 1383 г. и который накануне нового отъезда Дионисия в Константинополь оказался замурованным в стены Рождественского монастыря [45, с. 35]. В этих новых политических условиях ковчег-мощевик с хорошо известной надписью суздальского князя Дмитрия Константиновича [46, с. 47] мог стать для Дионисия не только бесполезным, но даже и небезопасным.

вания отношений с Великим Новгородом (отсюда параллель между храмами Евдокии 1393 г. и Марии Шварновны 1205 г. во Владимире), а с другой стороны, как шаг, «освящающий» их дружбу и сотрудничество. Судя по ряду данных, предпринятое кн. Евдокией и Киприаном строительство указанного храма оправдало себя, оно выполнило в какой-то мере обе эти задачи.

Следует, однако, признать, что деятельность Киприана и кн. Евдокии по защите их общих политических позиций не ограничивалась лишь строительством «нужных» церковных сооружений. В сущности, они преследовали те же цели и в области создания соответствующих литературно-публицистических произведений, в которых отнюдь не случайно присутствовали наряду с большими темами защиты страны от ордынского натиска и такие, как прославление защитницы Руси «пречистой девы Марии — матери Божьей», как подчеркивание заслуг митрополита Киприана и его предшественника митрополита Петра, как фиксирование «целомудрия» и «богоугодного жития» княгини Евдокии.

Хотя историки чаще всего не замечают «параллелизма» и синхронности отстаивания вышеуказанных идей как в архитектурных, так и в литературных памятниках (а некоторые даже исключают саму возможность их одновременного появления в строительстве и литературе), тем не менее такой «параллелизм» представляется нам реально существующим. Его можно проследить прежде всего в тех литературно-публицистических произведениях, которые бесспорно сложились в конце XIV — начале XV вв. — в Житии митрополита Петра, в Повести о Темир-Аксаке и Владимирской иконе, в Прощальной грамоте митрополита Киприана. Но он обнаруживает себя и в других памятниках, в отношении датировки которых продолжают споры в науке; а если это так, то сам факт присутствия всех указанных сюжетов в таких произведениях, как «Слово о житии» Дмитрия Донского, памятниках Куликовского цикла оказывается, дополнительным аргументом в пользу датирования их оригиналов концом XIV в.

Таким образом, наблюдаемый «параллелизм» идей в строительстве и литературе выглядит как еще одно доказательство появления ряда памятников публицистической литературы именно в конце XIV в., в ходе острой идеологической полемики того времени.

Вполне закономерно, например, то обстоятельство, что в Летописной повести о Куликовской битве (пространной редакции) можно наблюдать не только тенденцию прославления Дмитрия Донского, Владимира Андреевича, княгини Евдокии, ее детей Василия и Юрия [14, с. 313, 315]¹², но и настойчивые попытки приписать само совпадение дня победы на Куликовом поле с днем «честного рожества святой Богородицы» вмешательству высших сил — воли Божьей, а в связи с этим и стремление выразить особую благодарность «матери божьей Богородице» за содействие победе, одержанной над полчищами Мамаю в 1380 г. [14, с. 311, 313, 316, 323].

Правомерно, на наш взгляд, и присутствие в таком памятнике, как «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» не только призывов к сыновьям Дмитрия Донского находиться в «послушании» княгини Евдокии, в постоянном страхе перед ней, но и просьб той же княгини «к пречистой госпоже Богородице» не забывать ее в горе, помнить, что она прожила двадцать два года с князем Дмитрием в целомудрии [14, с. 356, 360, 352].

Интерес к Богоматери сопровождался вниманием и к митрополиту Петру [14, с. 352], которого Киприан, как известно, считал своим предшественником [12, с. 215—254]. Не вызывает удивления и тот факт, что, например, в «Сказании о Мамаевом побоище» едва ли не второй темой после самой Куликовской битвы оказалась тема княгини Евдокии, подчеркивание ее роли в подготовке Куликовской битвы, в достижении победы, в по-

¹² В сущности, автор «Повести» устами Дмитрия Донского прямо называет день «брани» днем «праздника царицы Марии» [14, с. 317].

литической жизни тогдашней Руси в целом [17, тексты, с. 49, 50, 56].

Характерным, видимо, было и выявление заслуг княгини Евдокии параллельно с прославлением ее небесной покровительницы — самой «матери Божьей» — девы Марии¹³.

Таким образом, присутствие в указанных памятниках сюжетов, связанных с особым вниманием к «честному рождению приснодевы Марии», представляется не случайным: оно явно перекликается с предпринятым Киприаном и Евдокией в 1393 г. строительством большого храма в честь Богородицы, перекликается и с их совместной заботой о художественном оформлении этого храма (в 1395 г. он был расписан видными художниками того времени — Феофаном Греком и Семеном Черным). Оно объясняет, видимо, также и тот повышенный интерес Киприана и Евдокии к Владимирской иконе Богоматери, который был ими проявлен в ходе бурных событий 1395 г.

Но если интерес упомянутых памятников к указанным сюжетам выглядит естественным аккомпанементом строительства Киприаном и Евдокией храма Рождества Богородицы в Кремле, то краткая информация Троицкой летописи об одном лишь строительстве храма с игнорированием литературного фона этого события — представляется еще одним свидетельством определенной тенденциозности свода 1409 г., показателем стремления его составителей к сокращению или замалчиванию киприановских дел, идей и литературных начинаний.

Сколь ни значительны были события 1395 г. в политической жизни Восточной Европы, в развитии ордыно-русских и русско-константинопольских отношений (здесь следует иметь в виду как военно-политическую активность Тамерлана на Волге и в Московско-литовском пограничье [48, с. 170; 21, с. 213—220], так и церковно-политическую деятельность Киприана на русских землях [13, с. 201—205; 21, с. 372 и след.]). Троицкая летопись, как мы видим, весьма скромно и односторонне освещала эти события. Судя по предложенной М. Д. Приселковым реконструкции статьи 1395 г. Троицкой летописи [1, с. 446], а также учитывая некоторые соображения В. П. Гребенюка по данному поводу [15, с. 185—200], можно говорить о том, что здесь излагался только московский аспект политической жизни региона, совершенно игнорировались как широкая церковно-политическая деятельность митрополита Киприана этого периода, так и тогдашняя «антитимуровская» активность Витовта (в частности, в Смоленске и Рязани), хотя и то и другое фиксировалось многими летописями, шире отражавшими общерусский исторический процесс.

Так, при сопоставлении статьи 1395 г. Троицкой летописи с ее «параллелями» в других летописях, обнаруживается та же тенденция замалчивания важных событий общерусского масштаба, с которой мы сталкивались, анализируя другие статьи свода 1409 г.

Разумеется, составители Троицкой летописи не могли не знать ни о бурных событиях, связанных с появлением Тимура в Восточной Европе, ни о существовании того или иного варианта «Повести о Темир-Аксаке». Изучавший данный памятник В. П. Гребенюк показал, что автору Троицкой летописи было известно как о событиях 1395 г., так и самой «Повести», однако, она излагала эти сведения весьма кратко. Так, опираясь на данные Н. М. Карамзина [40, V, прим. 157] и соображения М. Д. Приселкова [1, с. 446, прим. 3], В. П. Гребенюк пришел к выводу, что в своде 1409 г. была фраза, которая подтверждала осведомленность его создателя о главных событиях 1395 г., которая давала «объяснение ухода Тимура

¹³ Разумеется, интерес к культу Богоматери, к «рождению приснодевы Марии», к ее «успению» был постоянным во всем христианском мире вообще и на Руси, в частности. Как показали исследования Б. А. Рыбакова, культ Богородицы был связан не только с раннехристианскими, но и с языческими традициями [47, с. 468—470]. Тем не менее, такого рода интерес усиливался в отдельные периоды, оказываясь в фокусе публицистики. Нам представляется, что культ Богородицы приобрел особую актуальность в конце XIV в. в связи с тем, что по замыслам Киприана она становилась покровительницей не только Руси, но и «радевшей» ей кн. Евдокии.

прежде всего заступничество Богоматери и тем самым раскрывала основную идею уже существовавшей „Повести“ [15, с. 189].

Соглашаясь с предложенной В. П. Гребенюком общей трактовкой проблемы возникновения «Повести о Темир-Аксаке», в частности, с его тезисом о создании данного памятника до 1408 г., мы все же расходимся с ним в раскрытии некоторых частных сюжетов этой темы. Так, нам представляется более правильным считать первичным вариантом данной «Повести» тот, который в конце концов оказался в основе статьи 1395 г. Типографской летописи [49, с. 160—165] и Московского свода конца XV в. [10, с. 222—225] (по Гребенюку — вариант Б), а вторичным — вариант, ставший основой летописной статьи того же года в Софийской II летописи [43, с. 171] (вариант А, по Гребенюку).

Первый вариант характеризовался подчеркиванием ведущей роли митрополита Киприана как в церковно-политической жизни Руси в целом, так и в развитии идеологических событий того времени (в частности, в обращении к авторитету Богородицы как «помощницы в бранех христианскому роду», в рекомендации перенесения иконы Богородицы из Владимира в Москву). Здесь же подчеркивалась инициатива Киприана в создании Сретенского монастыря, участие митрополита в его строительстве [49, с. 161—165; 10, с. 222—225]. В данной редакции «Повести» есть признание того обстоятельства, что у Темир-Аксака были основания ожидать мощного наступления в недалеком будущем со стороны русских князей, основания «мнети ему, яко некоему многу вѣинству грядущу на нь от Русскыя земли» [10, с. 224]. Такое признание было естественными в период подготовки к новой схватке с Ордой, в годы, предшествовавшие поражению армии Литовской Руси на берегах Ворсклы в 1399 г., но после этого события подобные декларации и предсказания вряд ли были бы правомерны.

Важной особенностью этого варианта «Повести» было более терпимое отношение к «царю Тохтамышу» [10, с. 222—225], чем к узурпатору Темир-Аксаку (например, текст «Повести» Типографской летописи излагал весь ход борьбы с Темир-Аксаком в рамках истории «царствования Тохтамыша» [49, с. 161—165]. Показательным для текстов раннего варианта «Повести» было также отсутствие в них информации о пленении Тимуром турецкого султана Баязида, что произошло, как известно, в 1402 г. Все эти обстоятельства свидетельствовали, по нашему мнению, о том, что первоначальный вариант Повести возник вскоре после событий 1395 г., возможно, в 1396—1398 гг., когда до плена Баязида было еще далеко, а «царь» Тохтамыш, хотя и переместился тогда под натиском Тимура из Сарая, сначала в Крым, а потом в Вильно, тем не менее сохранял еще свою политическую котировку в качестве союзника Киприана и Витовта (может быть и самого Василия I, поскольку имя этого хана фигурировало на двузачных московских монетах вплоть до 1399 г. [48, с. 54, 134]), когда «высокий» авторитет Богородицы, «честной приснодевы Марии» особенно интересовал митрополита Киприана и его тогдашнюю единомышленицу княгиню Евдокию.

Это интерес был, как известно, подкреплен не только переносом по их инициативе иконы Богородицы из Владимира в Москву, но и закладкой в 1396 г. Сретенского монастыря при их же участии¹⁴.

Более поздним вариантом «Повести», по нашему мнению, оказался тот, который лег в основу статьи 1395 г. Софийской II летописи (и который по классификации В. П. Гребенюка обозначался буквой «А»). Здесь главным лицом был уже не митрополит Киприан, а великий князь Василий, здесь была четкая информация о пленении турецкого султана Баязида войсками Тимура в 1402 г., здесь более спокойно излагался ход борьбы

¹⁴ «...Митрополит (Киприан) с великим князем (Василием I) совет сътвориша... И поставиша церковь на тем месте, и ... сретоша икону святна Богородица, принесеную отъ Владимира... Бе же место то тогда на Кучковѣ поле, близъ града Москвы, на самой на велице дорозе Владимирской» [49, с. 164]. Последняя фраза, как подчеркнул В. П. Гребенюк, присутствовала и в Троицкой летописи под 1395 г. [15, с. 189]

«законного» царя Тохтамыша с узурпатором Ордынского престола Тимуром [15, с. 189]¹⁵.

Таким образом, у нас есть основания считать, что данный вариант «Повести» оказался вторичным и сложился он, видимо, между 1402 и 1408 гг. [43, VI, с. 124 и след.]. Сам факт появления подробного рассказа о Темир-Аксаке и Владимирской иконе до создания Троицкой летописи, а также присутствия в своде 1409 г. небольших фрагментов этого рассказа представляется весьма важным: он свидетельствует о том, что составители Троицкой летописи имели в своем распоряжении уже готовые литературные памятники широкого общерусского масштаба, но их либо не использовали вообще, либо использовали лишь частично, как это очевидно в данном случае. А прибегнув к этому приему применительно к событиям 1395 г., составители Троицкой летописи тем самым еще раз продемонстрировали свою обычную тенденциозность, свое традиционное стремление не выходить в создаваемых ими историко-политических построениях за пределы Северо-Восточной Руси.

Другое дело, памятники действительно Киприановского круга, а среди них и такой, как «Сказание о Мамаевом побоище», созданных, по нашему мнению, где-то в конце 90-х годов XIV в. с учетом идей и концепций этого митрополита, его личной роли в ходе событий, положительного вклада в историю русской земли таких важных и дорогих ему исторических деятелей как Владимир Киевский и Ярослав, Борис и Глеб, Александр Невский и митрополит Петр [17, тексты, с. 45, 48, 57, 59, 61, 67, 69], а также с подчеркиванием больших заслуг тех политических его партнеров, которые были ему особенно близки. Разумеется, что среди них были прежде всего князья — Владимир Серпуховской, Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский, князь Белозерские, воевода Дмитрий Волинский, игумен Сергей и др. [17, тексты, с. 46, 48, 63, 65]. Однако «Сказание» подчеркивает, что в кругу близких Киприану исторических деятелей этого времени были и княгини, и прежде всего вдова Дмитрия Донского — княгиня Евдокия. Можно сказать, что «Сказание о Мамаевом побоище» особенно подробно останавливается на выявлении ее роли в предкуликовских и послекуликовских событиях. Она вместе с другими княгинями участвует в проходах войск, направлявшихся на Дон [17, тексты, с. 49], молится за победу «у стекольчатого окна своего златоверхого терема», расположенного на берегу Москвы-реки [17, с. 50]¹⁶, после одержанной победы «княгиня великая Евдокия... нача сугубы милостыни творити и непрестанно нача ходити в святую церковь молиться день и ночь» [17, тексты, с. 56].

Если учесть, что выявление заслуг княгини Евдокии в «Сказании о Мамаевом побоище» постоянно перекликалось с фиксацией важного вклада самого митрополита Киприана, а также с приращением роли Дмитрия Донского [17, тексты, с. 43, 44, 48, 49], то заинтересованность автора этого произведения в подчеркивании политической значимости их дружбы и сотрудничества представляется совершенно очевидной. Если же иметь в виду, что информация об этой дружбе постоянно сопровождалась в данном памятнике обращением к царице небесной — Богородице, к Владимирской иконе [17, с. 48], то намерение создателя этого памятника придать особо важное значение взаимоотношениям митрополита и кн. Евдокии станет еще более явным¹⁷. Разумеется, что все эти факты о дружбе и сотрудничестве Киприана и княгини Евдокии, присутствующие в «Сказании о Мамаевом побоище», могли первый раз лечь на бумагу лишь при жизни двух упомянутых политических деятелей: именно в конце XIV в. рассказы об этих фактах могли быть актуальными как для самих Киприана и Евдо-

¹⁵ Текст «Повести о Владимирской иконе», читаемой в Никоновской летописи, видимо, является синтезом двух этих вариантов [8, т. XI, с. 158—160].

¹⁶ Эта деталь могла быть важной лишь для автора-современника, но для предполагаемого автора второй половины XV в. она была бы явным «излишеством» [17, с. 56].

¹⁷ То, что княгиня Евдокия была связана политическим партнерством не только с митрополитом Киприаном, но и со всем кругом его коллег и единомышленников фиксируется фактом захоронения вместе с кн. Евдокией ее невестки — Софьи Витовтовны [8, т. XII, с. 109; 10, с. 273].

кии, так и для окружения. Показательно, однако, что Троицкая летопись сообщает о совместной деятельности Киприана и кн. Евдокии лишь в строительном деле, забывая об их сотрудничестве в сфере идеологии, об отражении этого сотрудничества в литературе того времени.

Для раскрытия идейно-политической платформы Троицкой летописи, а вместе с тем и для выявления ее составителя важное значение может иметь сравнительный анализ ряда других статей заключительной части этого памятника, в частности, статьи 1399 г. (подготовка и результаты битвы на Ворскле), 1406 г. (смерть Киприана и отсутствие его прощальной грамоты в своде 1409 г.), 1408 г. (переход на сторону Москвы большой группы литовско-русских феодалов во главе с кн. Свидригайло и нашествие Едигея на Северо-Восточную Русь). Особый интерес представляет сравнительное изучение различных вариантов «Повести о нашествии Едигея», краткого рассказа Троицкой летописи об этом событии, а также более пространных рассказов на эту тему других летописей¹⁸.

Изучение различных вариантов «Повести о нашествии Едигея», простое сопоставление их с другими памятниками дают основание для утверждения, что краткие статьи Троицкой летописи были значительно дальше от историко-политической концепции митрополита Киприана, чем пространные повествования на эти же темы в других летописях, а, следовательно, и для вывода о том, что Киприан не был создателем и вдохновителем свода 1409 г.

Наше исследование, таким образом, не подкрепляет мысль о том, что Троицкая летопись была киприановским сочинением, к тому же «единственным» его сочинением, якобы фиксировавшим завершение процесса расщепления восточного славянства, формирования Великороссии, Украины-Руси и Белороссии в XIV столетии. Мы видим, что свод 1409 г. был лишь эпизодом в сложной идейно-политической жизни феодальной Руси, выражением только одной из тенденций в сложной идеологической борьбе того времени, тенденции «промосковской», противопоставленной, таким образом, другой тенденции — «общерусской» (олицетворяемой Киприаном и всей его идейно-политической деятельностью 80—90-х годов XIV в.), несколько ослабленной в 1408—1409 гг., но возродившейся позднее в общерусском летописании Твери, а потом и в летописании митрополитов Фотия, Герасима, Феодосия и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. Отв. редактор К. Н. Сербина. М.—Л., 1950.
2. *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979, с. 329—332.
3. *Плугин В. А.* Рец. на кн.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв.—История СССР, 1978, № 4.
4. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
5. *Салмина М. А.* Летописная повесть о Куликовской битве и Задонщина.— В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.
6. *Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша.— Труды отдела древнерусской литературы (далее ТОДРЛ), т. XXXIV. Л., 1979.
7. Памятники старинной русской литературы, вып. IV. Слово о житии и учении Стефана Пермского. СПб., 1862.
8. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ), т. IX—XIV, Никоновская летопись. СПб., 1897, 1901.
9. ПСРЛ, т. VIII. Воскресенская летопись. СПб., 1859.
10. ПСРЛ, т. XXV. Московский свод конца XV в. М., 1949.
11. *Татищев В. Н.* История Российская, т. V. М.—Л., 1965.
12. *Дмитриев Л. А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы.— ТОДРЛ, т. XIX, 1966.
13. *Рыбаков Б. А.* Просвещение на Руси в XIII—XIV вв.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XIV вв., ч. 2. М., 1970, с. 200—205.
14. ПСРЛ, т. IV. Новгородская IV летопись. Пг., 1915.
15. *Гребенюк В. П.* Повесть о Темир-Аксаке и ее литературная судьба.— В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох. М., 1971, с. 185—200.

¹⁸ Этот сюжет рассматривается нами в другой работе.

16. *Шахматов А. А.* Отзыв на сочинение С. Н. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — В кн.: Отчет о 12-ом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910.
17. *Шамбинаго С. К.* Повесть о Мамаевом побоище. СПб., 1906.
18. *Соловьев А. В.* Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». — ТОДРЛ, т. XVII, 1961.
19. *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства. М., 1960.
20. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XIV вв. Л., 1940.
21. *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
22. ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
23. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М., 1950.
24. *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980.
25. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.
26. *Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке «Задонщины». — ТОДРЛ, т. 34, 1979.
27. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII—XIV вв.). М., 1947.
28. *Соловьев А. В.* Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958.
29. *Ржига В. Ф.* Слово Сафония Рязанца о Куликовской битве (Задонщине) как литературном памятнике 80-х годов XIV в. — В кн.: Повесть о Куликовской битве. М., 1959.
30. *Кучкин В. А.* Победа на Куликовском поле. — Вопросы истории, 1980, № 8.
31. *Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы. — История СССР, 1980, № 4, с. 92—106.
32. *Дмитриев Л. А.* Литература конца XIV — первой половины XV в. — В кн.: История русской литературы X—XVII вв. М., 1980.
33. *Бернадский В. Н.* Новгород и новгородская земля в XV в. М. — Л., 1961.
34. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
35. *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. — Л., 1938.
36. ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись. Суздальская летопись по академическому списку. Л., 1925 (Переиздание М., 1962).
37. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М., 1940.
38. *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918.
39. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970.
40. *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. V. СПб., 1817.
41. *Ворошич Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1962, т. II.
42. ПСРЛ, т. XXI, ч. II. Степенная книга. СПб., 1908.
43. ПСРЛ, т. VI. Софийская первая летопись. Софийская вторая летопись. СПб., 1853.
44. ПСРЛ, т. XV. Рогожский летописец. М., 1965.
45. *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
46. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.
47. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981, с. 468—470.
48. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
49. ПСРЛ, т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ БОЛГАРИИ В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ (1944—1948)

При исследовании любого периода в истории художественной культуры европейских социалистических стран неизбежно встает вопрос о художественной интеллигенции как особой социально-профессиональной группе, призванной играть решающую роль в художественном развитии общества, эстетическом воспитании масс.

Болгарская художественная интеллигенция эпохи социализма как субъект и объект истории художественной культуры страны еще недостаточно изучена. Существующие по данной проблеме работы болгарских и советских авторов содержат в основном исследование отдельных аспектов развития художественной интеллигенции (место и роль в культурной революции [1], вопросы партийной и государственной политики [2, 3], идейно-художественное формирование отдельных деятелей художественной культуры)¹. Между тем, назрела необходимость представить, предварительного хотя бы в общей форме, развитие социалистической культуры и социалистической интеллигенции (в аспекте художественного творчества) не в виде изолированных друг от друга, а связанных исторически взаимообусловленных процессов.

Поскольку сделать такую попытку на материале всей истории художественной интеллигенции периода строительства социалистической культуры Болгарии здесь не представляется возможным, ограничимся сравнительно небольшим, но очень важным для дальнейшего развития начальным этапом культурного строительства (в Болгарии, в отличие от некоторых других европейских стран социализма, этот этап совпал с первым этапом культурной революции), датируемым годами 1944—1948².

Тщательное изучение вопросов развития художественной интеллигенции на данном этапе культурной революции продиктовано также и тем, что до сих пор недостаточно исследовались проблемы, связанные с формированием этой профессиональной группы, объективные общественные и идейно-политические предпосылки формирования новой интеллигенции, вызванные социалистической революцией, функционирование художест-

¹ См. работы К. Н. Державина, Д. Ф. Маркова, В. И. Злыднева, Н. Н. Пономаревой, Е. П. Львовой, И. Н. Войковой, связанные с конкретными вопросами различных сфер болгарской социалистической художественной культуры.

² В вопросе о периодизации социалистической культурной революции в Болгарии в болгарской науке нет единого мнения [4, 5]. Автор статьи разделяет точку зрения тех болгарских ученых, которые определяют первый этап культурной революции хронологическими рамками 1944—1948 гг., конкретно, с 9 сентября 1944 г. (момента свершения социалистической революции) до конца 1948 г. (времени проведения V съезда БКП), потому что на этом этапе в области культуры решались главным образом общедемократические задачи и, в этом смысле, он явился переходным к следующему — этапу построения основ социалистической культуры, когда появилась возможность практически решать социалистические по содержанию задачи культуры.

венной интеллигенции как общественно-политической группы в сфере художественной культуры новой исторической формации.

С победой восстания 9 сентября 1944 г. в Болгарии развернулась культурная революция, которая явилась составной частью социалистической революции. Первый этап культурной революции проходил в условиях сложного международного и внутреннего положения страны. Западные державы затягивали заключение мирного договора с Болгарией, оказывали давление на новое правительство. Экономика долгое время оставалась многоукладной (до конца 1947 г. в промышленности и сельском хозяйстве сохранялся еще частный сектор). Открыто действовало несколько оппозиционных правительству партий, выражавших интересы реакции, борющихся за сохранение капиталистических отношений и реставрацию диктатуры буржуазии.

На первом этапе культурной революции был поставлен ряд важнейших задач в области идеологии и культуры: демократизация культуры, искоренение влияния фашистских и крайне реакционных сил, перестройка существовавших культурных институтов и организаций на новой основе, воспитание различных слоев общества в духе марксистско-ленинской идеологии.

Г. Димитров в своих работах, относящихся к начальному этапу строительства новой жизни, заострял внимание на двух основных предпосылках нового периода культурно-исторического развития: роли субъективного фактора, т. е. Отечественного фронта и его руководящей силы — БРП(к), и усилении значения революционной интеллигенции как носителя идеологии, знаний и теории социалистического общества и, в частности, субъективной ответственности творческой личности в жизни нации [6].

Культурная революция привела к изменению соотношения понятий «художественная культура» и «художественная интеллигенция». В результате устранения антагонистических противоречий, связанных с ликвидацией господства в духовной культуре буржуазной элиты, художественная культура, наполняясь новым содержанием, становилась достоянием широких народных масс. Это выдвигало перед интеллигенцией ряд вопросов как общественно-политического, так и идейно-эстетического характера: отношение к новой власти, проблемы ориентации, отношение к демократизации культуры, к культурному наследию, воспитание нового читателя, зрителя, слушателя.

Как социально-профессиональная группа художественная интеллигенция Болгарии к началу революционных преобразований не была однородной в идейно-эстетическом отношении. В значительной своей части это была революционно настроенная прогрессивная интеллигенция, сумевшая в тяжелых условиях предреволюционного фашистского режима сохранить лучшие идейно-художественные традиции своей национальной культуры. Перед некоторыми деятелями художественной культуры, находившимися под влиянием различных буржуазных теорий искусства, с первых же дней революции вставала задача идейно-художественной переориентации. Незначительное меньшинство составляла художественная интеллигенция, открыто исповедующая реакционную фашистскую идеологию.

В своей культурной политике в отношении художественной интеллигенции компартия Болгарии не могла не учитывать этих факторов. На первом этапе культурной революции важнейшей необходимостью партия считала объединение всех прогрессивных, демократических сил художественной интеллигенции вокруг правительства Отечественного фронта, их борьбу с реакционным влиянием буржуазной оппозиции, перестройку существовавших ранее художественных институтов на новой демократической основе, реорганизацию художественного образования, создание новых кадров творческой интеллигенции.

Победа Советской армии в Великой Отечественной войне, крах фашизма, героическая освободительная борьба болгарского народа под руководством БКП создали политическую и духовную атмосферу, способствовавшую тому, что большинство представителей прогрессивной художествен-

ной интеллигенции активно выступили на стороне революции. Переход на эти позиции был подготовлен всей историей формирования художественной интеллигенции, в которой определяющими факторами были ее социальное происхождение (преимущественно из мелкобуржуазной и крестьянской среды), влияние революционных традиций болгарского возрождения, идей Октябрьской революции, влияние русской и советской культуры.

С первых же дней победы революции в Болгарии основная масса художественной интеллигенции страны активно выступила в поддержку правительства Отечественного фронта. Так, уже 13 сентября 1944 г. 52 писателя подписали воззвание, в котором они призывали поддержать народное правительство [7]. С таким же воззванием несколько дней спустя выступило руководство Союза художников и Союза артистов. В 1945 г. болгарская интеллигенция обратилась к мировой прогрессивной общественности с Декларацией, в которой она заявляла о беззаветной преданности своему народному правительству. Среди подписавших Декларацию было 100 представителей художественной интеллигенции.

Деятельность партии и народного правительства по формированию художественной интеллигенции нашла выражение как в идеологической, так и в организационной перестройке основ ее творческой жизни.

Уже в первые месяцы после сентябрьской революции народная власть предприняла ряд мер по борьбе с фашистской идеологией. Было изменено содержание программ радиостанций в Софии и других городах, прекращено издание фашистских газет «Зора», «Утро», «Слово», были изъяты из издательств, библиотек и книжных магазинов книги фашистского содержания, а из репертуара театров — пьесы.

Большую роль в борьбе с фашистской идеологией сыграли речи Г. Димитрова, В. Коларова, Т. Костова, статьи, лекции, доклады Т. Павлова, вскрывавшие и разоблачавшие сущность фашизма.

В 1945 г. ЦК БКП обратился к Первой национальной конференции болгарских писателей с Декларацией, в которой отмечалось, что «партия считает интеллигенцию такой силой, без участия которой Отечественный фронт не может осуществлять свою возрожденческую миссию. Партия осуждает как неправильные всякие попытки называть фашистами и пособниками фашистов таких деятелей культуры, которые по тем или иным обстоятельствам были на службе фашистского режима, но не являлись активными фашистами. Этим представителям старой интеллигенции, как и всем, кто готов служить народу и находится на перепутье, партия готова протянуть руку помощи и предоставляет им полную возможность служить народной власти» [8].

Существовавшие еще до революции творческие союзы художественной интеллигенции (Союз писателей, Союз художников, Союз артистов) не были распущены. Ставилась задача их идейной перестройки и превращения в очаги перевоспитания старой художественной интеллигенции. При центральном руководстве этих организаций в первое время создавались комитеты Отечественного фронта, которые играли роль органов новой власти. По их инициативе проводились собрания, на которых из состава союзов и из их руководства исключались фашистские элементы.

Одновременно творческие союзы пополнялись новыми членами, ранее не состоявшими в них ввиду своих прогрессивных убеждений. Так, членами Союза писателей стали Т. Павлов, Н. Хрелков, Ламар, К. Кюлявков, Б. Делчев, К. Белев и другие писатели.

Из замкнутых организаций, творческие союзы, реорганизовываясь на демократической основе, превращались в организации, способные развернуть широкую общественно-культурную деятельность.

Важную роль в демократизации творческих союзов играла образованная при Министерстве пропаганды Палата народной культуры. Помимо своих основных функций — организации культурной жизни в центре и на местах и распространения культуры среди широкого населения — она занималась организацией творческой жизни интеллигенции. На состоявшейся в ноябре 1945 г. пресс-конференции председатель Палаты А. Обретенев представил широкую программу деятельности этой организации. Она пре-

дусматривала проведение различных мероприятий, посвященных различным вопросам литературы, музыкальных концертов, художественных выставок, создание концертной дирекции, составление специальной картотеки полотен болгарских художников, организацию подвижных театральных кафедр с целью проведения подготовительных курсов артистов, издание журналов «Театр» и «Архитектура», нотной литературы [9]. Палата регулировала оплату труда творческих работников, решала вопросы авторских гонораров, занималась обеспечением условий творческой деятельности. Художественная интеллигенция впервые стала заключать творческие договора, получать авансы за свои будущие произведения. Так, в 1946 г. через Палату народной культуры такие договора заключили 12 писателей, 33 художника, 8 композиторов.

Жизнь болгарского театра после революции характеризовалась напряженной борьбой за воспитание нового, прогрессивного актера, за обновление репертуара с целью воспитания нового демократического зрителя.

В резолюции состоявшегося в июне 1945 г. съезда Союза артистов отмечалось, что болгарский театр приступает к осуществлению новой театральной политики [10]. Ее основные направления будут состоять в усилении идейного, общественно-политического и творческого развития всех театральных работников, в приобщении «старых» театральных кадров к творческой деятельности в новых условиях, в усвоении молодыми мастерами сцены прогрессивных творческих традиций национального театра, в усвоении богатого опыта советской театральной культуры. В резолюции подчеркивалась также необходимость реорганизации системы театрального образования и с этой целью предусматривалась как активизация деятельности Государственного театрального училища, училищ и студий при театрах, так и создание самостоятельных театральных коллективов по всей стране. Новая театральная политика предусматривала проведение конкретных мероприятий по усилению и расширению связи театра со зрителем. С этой целью вводились доступные для трудящихся цены на входные билеты, организовывались представления для широких народных масс (на предприятиях и учреждениях, в воинских частях, школах).

Съездом было принято решение об уничтожении частной антрепризы и национализации театрального дела, руководство которым должно было быть доверено государственным и муниципальным органам при соответствующем финансовом обеспечении творческой и производственной жизни театральных коллективов.

В результате работы съезда Союз артистов был реорганизован в Союз театральных работников, что явилось решительным шагом к полной ликвидации остатков цехового устройства в профсоюзной организации и к созданию подлинно демократического профессионально-производственного объединения работников сцены.

С установлением народно-демократического строя в театральную сеть страны были включены государственные, так называемые «народные» театры, находившиеся на государственном бюджете, театры городские («коммунальные»), деятельность которых субсидировалась государством и муниципалитетами, и театры «кооперативные», основанные на началах товарищества.

Несмотря на условия военного времени и трудности послевоенного экономического и государственного строительства задача организации и определения основных линий новой театральной политики была в целом разрешена в период 1945—1948 гг.

Культурная революция поставила как один из важнейших вопросов в кадрах художественной интеллигенции. Характерно, что в первые годы культурного строительства партия стремилась привлечь к руководству культурой и представителей старой интеллигенции, не коммунистов, деятелей, стоявших в стороне от революционного движения (писатели К. Петканов, К. Константинов, А. Далчев, Д. Габе и др.). Наряду с этим в художественной культуре шел процесс формирования нового поколения художников. Этот процесс был в первую очередь связан с созданием базы и реорганизацией системы художественного образования.

Существовавшие еще до революции Государственное театральное училище при Народном театре, а также Академия художеств и Музыкальная академия по своему статусу давали профессиональное образование только весьма незначительному кругу болгарской интеллигенции; дети состоятельных родителей часто получали художественное образование за границей; остальная масса пополняла отряды художественной интеллигенции за счет самообразования. Известный болгарский режиссер Б. Дановский в своей книге «По обе стороны занавеса» пишет: «Где же изучалось раньше театральное искусство, до того, как началось систематическое, регулярное театральное образование?... Большая группа артистов Народного театра получила театральное образование в России у известных мастеров. Но народный театр был привилегированным. О провинциальных театрах государство никак не заботилось... Где же учились провинциальные актеры? Посылали ли их родители учиться ремеслу? Едва ли... Юноши и девушки сами принимали решение отдать жизнь театру, сами искали себе учителей, приставали к какой-нибудь бродячей труппе, и, в конце концов, жизнь становилась их учителем. Талантливые и трудолюбивые пробивали себе дорогу, выделялись из массы своими интересными актерскими индивидуальностями, имена их становились известными, иногда их даже приглашали в столичный театр» [11].

Сеть художественных учреждений значительно расширилась: были открыты новые школы профессионально-художественного мастерства не только в столице, но и на периферии. В них получили возможность обучаться широкие слои талантливой молодежи.

О росте числа студентов в Академии художеств и Музыкальной академии свидетельствуют следующие цифры (см. таблицу)³.

Таблица

Годы	Академия художеств	Музыкальная академия
1939/1940	152	228
1944/1945	266	328
1945/1946	330	377
1946/1947	393	433
1947/1948	426	522

Как видно из таблицы, число студентов этих учреждений в первые годы культурной революции возросло почти вдвое.

Для подготовки студентов художественных вузов важное значение имела проведенная в них реорганизация. Так, при Академии художеств был создан комитет Отечественного фронта, в который вошли прогрессивные художники Н. Райнов, И. Петров, К. Цонев, Д. Узунов. Комитет ставил своей задачей освобождение от преподавательской деятельности художников, скомпрометировавших себя при буржуазном фашистском режиме, а также организацию обучения на демократических началах. В 1944 г. в Академию было принято 87 студентов из семей рабочих и крестьян. Осенью 1944 г. в Академию влилась также группа художников-участников антифашистского сопротивления, партизаны А. Пацев, Б. Русев, Х. Бабеков, И. Илков, бывшие политзаключенные Н. Мирчев, Х. Симеонов, Н. Попов, С. Крумов, М. Недкова. 27 ноября 1944 г. директор Академии И. Лазаров сообщил министру народного просвещения о том, что Совет Академии принял решение предоставлять студентам право выбора преподавателя, у которого они хотели бы работать, равно как и преподавателю предоставлялось право набирать себе учеников. Этот принцип нашел широкое применение в практике Академии и проводился вплоть до 1950 г.

В Академию художеств были приглашены для преподавания видней-

³ Таблица составлена на основании сведений [12—15].

шие представители болгарского искусства: художники И. Бешков, И. Петров, К. Цонев, В. Стайков, скульпторы И. Фунев и др.; читался курс лекций о советском изобразительном искусстве, проводились беседы о принципах искусства социалистического реализма.

Художественная жизнь страны стала контролироваться государством [16]. В 1948 г. Совет Министров принял два специальных постановления, закрепляющих такой контроль в области изобразительного искусства. В одном из них указывалось, что «если государственные или общественные учреждения и институты нуждаются в художественном оформлении при проведении различных мероприятий политического, хозяйственного или культурного характера, они должны обращаться за художественными кадрами к Правлению Союза художников» [17]. В другом говорилось о том, что при покупке картин для украшения помещений министерства могут заключать контракты с художниками только через Комитет науки, искусства и культуры [17].

Для успешного развития искусства государство отпускало большие финансовые средства. Так, в 1946 г. в помощь артистам, музыкантам, художникам было аккредитовано 600 млн левов, на закупку ценных художественных произведений отводилось 3 млн лв., для организации концертов и представлений населению — 1 млн 200 тыс. лв., на поездки художественной интеллигенции за границу — 2 млн лв. [18].

Партия придавала большое значение идеологическому воспитанию художественной интеллигенции. Указания по теоретической и практической работе в этом вопросе содержались в докладах, речах, статьях, письмах, беседах Г. Димитрова, В. Коларова, Т. Костова и других руководящих работников БРП(к). В этом отношении особую ценность представляют работы Г. Димитрова «Многочисленная прогрессивная интеллигенция — жизненная необходимость для Болгарии» (1945), «О развитии подлинно художественной литературы в новой Болгарии» (1945), «Письмо Союзу болгарских писателей» (1945), «Беседа с писателями-коммунистами» (1946), «Беседа с делегатами XIV съезда Союза художников Болгарии» (1947), доклад на Пятом съезде БРП(к) (1948). В них Димитров отмечает потребность страны в многочисленной патриотической, глубоко связанной с народом интеллигенции, раскрывает значение правильного отношения к деятелям культуры, осознавшим свои политические заблуждения, уделяет внимание борьбе, которая велась за новый нравственный облик художника.

В идеологическом воспитании художественной интеллигенции большую роль сыграли газеты, журналы, возникшие после 9 сентября 1944 г. В газетах «Работническо дело», «Отечествен фронт» и «Литературен фронт», в журналах «Съвременник» (преобразованный впоследствии в журнал «Ново време»), «Философска мисъл» и «Изкуство» систематически велась пропаганда марксистско-ленинской идеологии, разоблачались всевозможные идеалистические теории, чуждые интересам народа. Марксистско-ленинская идеология стала в короткий срок господствующей в разных областях культурной жизни.

Осенью 1944 г. целые отряды писателей, художников, артистов ушли на фронт, чтобы в составе частей болгарской армии принять участие в борьбе против фашизма. Они сражались в боевых подразделениях, работали военными корреспондентами, выступали на подмостках прифронтовой сцены с чтением своих произведений, показом спектаклей. Культурной работой в армии руководили писатели. Одни из них работали инструкторами (Э. Манов, Т. Стоянов), другие (Ламар, И. Мартинов, П. Вежинов, Д. Чавдаров-Челкаш, С. Даскалов) — военными корреспондентами армейской печати (газеты «Фронтвак», «Часовой»). Вместе с писателями в военных газетах сотрудничали художники.

В ноябре 1944 г. художники организовали две большие выставки — в Софии («Фронт и тыл») и в Пловдиве, посвященные памяти жертв борьбы за свободу. Они прошли под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». В них приняли участие около 60 художников, многие из которых были непосредственными активными участниками борьбы с фашизмом (А. Жендов,

С. Ситоров, И. Петров, С. Венев, И. Бешков, Б. Ангелушев, Н. Балканский). Большинство представленных на выставках произведений — графические работы, носившие характер этюдов, зарисовок, набросков, обладавшие свежестью и живостью непосредственного рассказа о только что минувших событиях.

В 1944—1945 гг. на фронтах войны действовало четыре передвижных профессиональных театра: «Фронтак» (руководители Ф. Филипов и А. Христов), «Трибуна» (руководители И. Хершкович и А. Гиргинов), «Младостта» (руководитель Л. Огнянов) и «Народна естрада» (руководители Л. Стоянова и Х. Цонев). Труппы их были сформированы из артистической молодежи — актеров драмы, оперы, эстрады, цирка. Спектакли давались и в местах тыловых расположений частей, и в лазаретах, и на передовых позициях, и для населения освобожденных городов и сел. Репертуар фронтовых театров включал в себя программы, состоявшие из хоровой декламации, песен, музыкальных и хореографических номеров, сатирических сценок, злободневных сатирических скетчей. Значительная часть номеров создавалась самими участниками спектаклей по материалам фронтовых газет. Хроника работы этих театральных коллективов изобилует фактами героического участия в военных действиях, мужества и доблести в выполнении своего патриотического долга.

Важнейшие политические события страны — выборы в Народное собрание (1945), борьба с реакционной оппозицией (1944—1947), борьба за ликвидацию монархии и провозглашение Болгарии Народной республикой (1946), выборы в Великое Народное собрание (1946), принятие новой конституции (1947), Пятый съезд БКП (1948) — побудили болгарскую художественную интеллигенцию к активной общественной жизни.

В 1945 г. большая масса работников культуры приняла широкое участие в предвыборной кампании в связи с выборами в Народное собрание. Творческие бригады писателей, художников, музыкантов и иных представителей художественной интеллигенции сыграли важную роль в пропаганде программы и агитации за кандидатов Отечественного фронта: демонстрировали отношение народного искусства к программе Отечественного фронта в предстоящих законодательных выборах. Театральный критик Г. Гочев в статье «Театральные деятели в предвыборной борьбе» так писал об этой акции: «В процессе своей массовой просветительской работы в гуще народа болгарский актер видит и познает жизнь рабочего, крестьянина, солдата. Это тесное общение с народными массами позволяет ему обогащать свой жизненный опыт, расширять свой кругозор в новых, неизвестных ему до сих пор направлениях. Завтра, когда он будет претворять на сцене образы новой жизни, слова его станут еще убедительней и искусство его еще более высоким» [19].

В 1944—1947 гг. реакционные силы Болгарии выступали как оппозиционная группа Земледельческого союза. Это был центр, вокруг которого группировались фашистские и монархические элементы. Оппозиционеры выступали против внутренней и внешней политики Отечественного фронта, они возлагали большие надежды на вмешательство иностранных империалистов во внутренние дела Болгарии. Оппозиция стремилась к расколу интеллигенции, пыталась склонить ее на свою сторону. Эта политика осуществлялась через печать, главным образом через органы оппозиции — газеты «Свободен народ», «Народно земеделско знаме». В них оппозиционеры развернули кампанию против крупнейших болгарских писателей, обвиняя их в поддержке культурной политики Отечественного фронта, в активном участии в культурной жизни страны.

Против политики оппозиционеров на страницах газеты «Отечествен фронт» выступили видные прогрессивные писатели К. Зидаров [20], Л. Стоянов, П. Матеев, Г. Белев, Н. Хрелков, Ламар [21]. Они призывали всех честных писателей поставить вопрос о том, с кем они, «мастера культуры», должны ли они стоять в стороне от развития культурной жизни страны, от ее культурных преобразований, как настаивала оппозиция [22], или их священный долг — выступить в защиту завоеваний революции.

В 1947 г. художник С. Венев выступил с персональной выставкой, посвященной борьбе с оппозицией. Выставка была развернута не в специальном помещении, а в витрине книжного магазина на Русском бульваре в Софии. В карикатурах и сатирических плакатах художник критиковал высказывания оппозиционной прессы.

В период народного движения против монархии, за создание народной республики (1946) вся прогрессивная художественная интеллигенция выступила в поддержку справедливых требований трудящихся о демократизации государственной жизни. Газета «Отечествен фронт» создала специальную рубрику «За республику против монархии», в которой публиковались отрывки из антимонархических произведений болгарских писателей-классиков (Пенчо Славейкова, Тодора Влайкова, Михалаки Георгиева), печатались выступления не только писателей-коммунистов, но и писателей, не принимавших раньше активного участия в политической жизни страны (Э. Багряна, Д. Габе, Н. Фурнаджиев). Борьбе с монархией была посвящена специально организованная в Софии художественная выставка «Против монархии», на которой были представлены работы крупнейших прогрессивных мастеров болгарского изобразительного искусства. Художники А. Жендов, Б. Ангелушев, С. Сотиров, Б. Иванов, А. Поплилов представили графические плакаты, показывающие подлинное лицо реакционной монархии (плакаты Б. Ангелушева «Их завет — Народная Республика!», «Долой монархию!», плакат С. Сотирова и Б. Иванова «Смерть презренной монархии!»).

Участие передовой художественной интеллигенции в важнейших политических событиях страны писатель Л. Стоянов назвал «походом культурной общественности в защиту свободы народа, походом, который явился проверкой ее общественной зрелости, гражданской сознательности и патриотизма» [23].

В 1947 г., когда в стране развернулось так называемое «бригадирское движение» молодежи, добровольно ушедшей на социалистические стройки, туда же направились и группы писателей, художников, музыкантов, деятелей театра. В 1947—1948 гг. на крупнейших строительных объектах страны (Росица, Тополница, Камен проход, Хаин-Боаз, Валуяк-Перник) побывало более 150 писателей [24]. Они выступали с чтением своих поэм и рассказов, с лекциями и докладами о развитии болгарской литературы. Здесь рождались замыслы произведений, отразивших героический подвиг болгарской молодежи (Г. Караславов «Перевал молодежи», К. Калчев «Хаинбоазские мотивы», К. Белев «Мы строим будущее»). Знаменательно, что в этих поездках участвовали не только молодые писатели, но и литераторы старшего поколения — Д. Полянов, Е. Пелин, Э. Багряна. За участие в «бригадирском движении» многие деятели культуры были награждены почетными «бригадирскими» значками, среди них писатели Г. Караславов, О. Василев, М. Исаев, К. Калчев, художники Б. Ангелушев, С. Сотиров, С. Венев, И. Петров, З. Бояджиев. Участие деятелей культуры в жизни народа способствовало эволюции их мировоззрения, обогащало их новыми жизненными наблюдениями.

1944—1948 гг. в жизни болгарской художественной интеллигенции были периодом действенного отношения к современности, когда остро стоял вопрос «с кем вы, мастера культуры», когда процесс ориентации шел вместе с процессом переориентации, когда определялась идейно-эстетическая позиция художника. Это было время, когда шла острая борьба за новый нравственный облик художника, внутренне связанного с новыми жизненными явлениями, новым видением мира, за новый эстетический идеал. Перед каждым художником вставала тогда проблема соответствия его таланта новой социальной эпохе.

В идейно-эстетическом отношении творческая интеллигенция не была однородной. В ней выделялись революционно настроенные деятели художественной культуры, идейно-эстетические позиции которых определились еще до 1944 г.: писатели Л. Стоянов, К. Кюлявков, Г. Караславов, Х. Радевский, О. Василев, М. Исаев, художники А. Жендов, Б. Ангелушев, С. Венев, С. Сотиров, скульпторы И. Фунев, Н. Шмир-

гела, режиссеры Б. Дановский, С. Сырчаджиев и др.; художественная интеллигенция демократического направления, переоценивающая в новых условиях культурной революции свою творческую деятельность: писатели Е. Пелин, К. Константинов, К. Петканов, художники З. Бояджиев, И. Ненов и др.

С победой революции и утверждением народно-демократического строя перед деятелями художественной культуры открылись широкие горизонты творчества. Партизанская борьба, революционный переворот в сентябре 1944 г., победа народа в Отечественной войне, стремительность быстро сменяющихся событий новой жизни требовали их глубокого осмысления и осознания, рождения новых образов, новых форм воплощения. Поэзия, графика, монументальная скульптура стали теми наиболее оперативными жанрами, которые отражали героические события времени.

В 1945—1946 гг. появляются сборники антифашистской поэзии К. Кюлявкова («Разгар», 1945), М. Исаева («Огонь», 1946), К. Зидарова («Сентябрьские песни», 1946), Ламар создает поэму «Горан Горинов» (1946). Лирическим героем новой поэзии, тесно связанной с традициями революционно-публицистической лирики предшествующих лет, выступает болгарский народ, образ которого предстает как образ народа-борца, народа-героя. Для многих революционных поэтов сборники стихов, вышедшие после 1944 г., стали новым этапом в их идейно-художественном развитии по пути социалистического реализма.

Большую активизирующую роль в развитии искусства периода 1944—1948 гг. сыграло творчество художников А. Жендова, Б. Ангелушева, С. Сотирова, С. Венева. Их политическая карикатура и плакатная графика, откликавшиеся на все важнейшие политические события страны, стали настоящей летописью эпохальной борьбы за социализм. Опыт этих художников нес в себе традиции революционной плакатной живописи 20—30-х годов, их искусство обладало действенной разоблачающей и утверждающей силой.

Уже с первых дней революционных преобразований болгарские скульпторы обратились в своем творчестве к монументальным жанрам. Болгарская скульптура вышла из мастерских художников на улицы и площади городов. Это были скульптурные группы и символические фигуры, олицетворявшие победу народа над фашизмом, идеалы труда, свободы, братства с русским народом. Первые скульптуры такого рода, посвященные встрече Советской Армии, были созданы И. Фуневым и Н. Шмиргела (София, площадь Народного Собрания). Скульпторами И. Лазаровым, В. Радославовым, М. Марковым были созданы фигуры, изображавшие рабочих, крестьян, партизан, строителей, шахтеров. Это были работы агитационного, пропагандистского характера, обращенные к народу. Болгарские скульпторы во многом продолжали революционные традиции ленинского плана монументальной пропаганды на болгарской почве, стремясь языком искусства воспеть героические подвиги народа, приблизить искусство к широкому народным массам.

Одним из первых итогов идейно-художественной переориентации в области изобразительного искусства была открытая в 1947 г. в Софии XX Общеболгарская выставка. Она продемонстрировала не только богатство жанров, но и знаменовала поворот мастеров разных поколений и разной идейно-художественной направленности к темам современности. Тема трудовых героических будней превалировала на выставке. К ней обратились как художники старшего поколения — В. Димитров-Майстора «Земледельческое кооперативное хозяйство», З. Бояджиев «Композиция (Бригадиры)», так и молодые — П. Урумов «У экскаватора», С. Халачев «Бригадиры». Многие работы отличались глубиной и целостностью воссоздания новой действительности.

Болгарский театр сразу же после 9 сентября стал одной из наиболее революционных форм искусства. Проникавшие в Болгарию еще до революции реформаторские идеи Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Брехта получили широкое воплощение в режиссерских постановках Б. Дановского, С. Сырчаджиева и др. В своей работе эти режиссеры стре-

мились не только к созданию на сцене образа нового героя («Борьба продолжается» К. Кюлявкова в постановке Дановского, «Тревога» О. Василева в постановке Сырчаджиева). Они восставали против всякой рутины и косности в театре, стремились к утверждению нового репертуара. Принеся на сцену лучшие традиции болгарской дореволюционной режиссуры, они боролись за подлинно художественное мастерство актера, которое в спектаклях первых послереволюционных лет зачастую подменялось излишним пафосом и патетикой.

В консолидации прогрессивных сил театральной интеллигенции особенно положительную роль сыграл XIX съезд Союза артистов (1945). Он обсудил основные принципы работы и структуру Союза при новом общественно-политическом строе и рекомендовал меры, которые должны были быть приняты в целях подъема национальной театральной культуры и обеспечения максимального участия театра в строительстве народно-демократической Болгарии. Вместе с тем съезд указал на необходимость подъема политической сознательности театральных работников, их объединения и участия в деле переустройства организационной и творческой жизни национального театра. После съезда в широких кругах культурной общественности и в печати развернулся обмен мнениями по поводу состояния театральной жизни страны, отношения к актеру. В статье «Театр и театральная политика» К. Кюлявков, останавливаясь на вопросе о театральных кадрах, подчеркивал, что наряду со смелым выдвижением молодых актерских дарований необходимо бережное отношение к старым актерам как носителям лучших традиций театральной культуры прошлого [25].

Вместе с молодой плеядой артистов (А. Чапразов, Р. Ябанджиев, М. Дупаринова, А. Карамитев) на сцене болгарских театров с новой силой зазвучали голоса актеров старшего поколения (К. Сарафов, С. Бычваров, Н. Икономов, К. Кисимов, Г. Стаматов, В. Тенев, В. Трендафилов, З. Йорданова, О. Кирчева). С включением в репертуар произведений современной болгарской и советской драматургии перед ними открылись невиданные горизонты творчества. Болгарский зритель увидел своих любимых актеров в ином свете. Образы, созданные на сцене этими актерами, несли в себе новое содержание (Вершинин в исполнении Г. Стаматова — «Бронепоезд 14—69» Вс. Иванова, царь Фердинанд в исполнении Н. Икономова — «Царская милость» К. Зидарова).

Панорама болгарской художественной культуры первых послереволюционных лет значительно расширялась за счет творческой деятельности таких художников, которые ранее стояли в стороне от событий современности, а теперь в новых условиях по-новому осмысливали свое творчество. Это главным образом относилось к демократически настроенным писателям, которые в своем творчестве, относящемся к событиям недавнего прошлого, пытались осознать революционное настоящее. В рассказах Э. Пелина, в романах К. Петканова («Дамянова челядь», 1945, «Белые источники», 1946), в очерках К. Константинова («Птица над пожарищами», 1946) звучит голос протеста, осуждающий капиталистическое прошлое страны.

Было бы неверным, однако, идеализировать художественную жизнь страны этого периода. Отношение деятелей искусства к новой действительности проявлялось по-разному, но не с точки зрения притяжения ее или неприятия (здесь у художественной интеллигенции не было колебаний), а, прежде всего, с точки зрения воплощения в той или иной художественной форме. Какие образцы принять за ориентиры, от чего отталкиваться, что использовать в своем творческом активе — этими и другими вопросами эстетического характера задавались художники разных поколений и разной идейно-художественной направленности.

Нельзя сказать, чтобы в этом смысле болгарская художественная интеллигенция начисто избежала метаний между Востоком и Западом в первые послереволюционные годы. Может быть, они не были столь резко выраженными, как в других европейских странах социализма (в Чехословакии, например), но они имели место во всех видах искусства. Так,

в литературе, например, наряду со стремлением популяризовать лучшие образцы советской литературы, было и тяготение к эстетике французского экзистенциализма (газета «Литературен фронт», журнал «Балканский преглед» публиковали прозу Ж.-П.Сартра).

Не было ясности и в вопросе о том, на что опираться в национальном художественном наследии. В своей увлеченности новизной происходящих революционных событий и преобразований некоторые писатели-коммунисты выступали с отрицанием творческого наследия ряда писателей-классиков болгарской литературы (Ивана Вазова, Пенчо Славейкова, Йордана Йовкова), выискивая в их творчестве ошибки идейно-политического содержания, проявление консервативности мировоззрения. Даже писатели, далекие от коммунистических убеждений (А. Далчев), захваченные убедительной логикой объективной реальности, активно отрицали эстетику болгарского символизма, богатство наследия творчества Д. Дебелянова, П. Яворова. Многие писатели вообще не утруждали себя вопросами формы и стиля, «словно и не существовало глубокой связи художника с национальным бытием, своеобразием психологии, традициями, накопленными веками, словно настало время, когда каждый должен был начинать от нуля, создавать формы из хаоса» [26].

Важное значение в ориентации художественной интеллигенции, в ее идейно-эстетическом формировании играли съезды, конференции и творческие дискуссии деятелей художественной культуры.

В сентябре 1945 г. состоялась Первая национальная конференция болгарских писателей. И хотя в конференции приняли участие писатели различной идейно-эстетической направленности (Л. Стоянов, К. Кюлявков, К. Константинов, К. Пегканов и др.), все они были единодушны в главном — необходимости сплочения. Резолюция конференции гласила: «Необходимо сплотить вокруг Союза писателей всех писателей независимо от их политических убеждений, лишь бы они не были фашистами, и без различия литературных школ, но чтобы они способствовали созданию народной, демократической литературы» [27].

В 1946 г. среди писателей развернулась дискуссия по вопросу о свободе творчества. Газета «Изгрев» выступила со статьей реакционного писателя Д. Спространова «Свобода писателя» [28], в которой брались под защиту писатели, творчество которых было оторвано от действительности. Газета отстаивала тезис о свободе от прогрессивного мировоззрения, от коммунистической идеологии, призывала писателей уйти от жизни, замкнуться в своем внутреннем мире. С резкой критикой этой позиции на страницах газеты «Отечествен фронт» выступили прогрессивные писатели Г. Белев, Б. Делчев, А. Ничев, Н. Райнов. В статье «Писательская совесть», утверждая бесплодность аполитичности писателя, Н. Райнов писал: «Те, кто называет себя „нейтральными“, „независимыми интеллигентами“ или „аполитичными“ писателями, в сущности льют воду на старую мельницу. Мир резко разделен на два лагеря. Писатель поставлен перед необходимостью выбора и нет ему места посередине» [29]. Дискуссия внесла ясность в вопрос о назначении писателя, о его партийности и художественной активности.

Практика последующих лет развития болгарской литературы показала, что для многих беспартийных художников слова 1944—1948 гг. были временем сложного процесса освобождения от прежнего мировоззрения, процессом формирования новых взглядов и нового метода. Позднее многие из ошибавшихся и заблуждавшихся писателей не только перешли на сторону народа, но и сумели создать значительные художественные произведения в разных жанрах (Д. Талев, К. Константинов, П. Спасов).

К концу 1948 г. силы реакции в стране были уже основательно подорваны. Вопрос об отношении к новой действительности для абсолютного большинства деятелей художественной культуры был решен положительно. Состоявшийся в декабре 1948 г. Пятый съезд Болгарской коммунистической партии отметил значительные достижения мастеров культуры в период народно-демократических преобразований. Успешной его работе во многом способствовала особенно интенсивно развернувшаяся перед съез-

дом деятельность художественно-творческих союзов, сумевших мобилизовать художественную интеллигенцию страны на всенародное предсъездовское соревнование⁴. Подавляющее большинство писателей, художников, деятелей театра поставило свое творчество на службу интересам революционного народа.

Съезд поставил перед всей художественной интеллигенцией новые задачи: преодолеть в искусстве реакционные тенденции формализма и эстетства, «обеспечить развитие искусства во всех его областях как могучего средства воспитания трудящихся в социалистическом духе, обеспечить его подъем и расцвет на основе социалистического реализма — единственно верного метода художественного творчества, гарантии преемственности и дальнейшего развития классического наследия, появления высокохудожественных по содержанию и форме произведений искусства, мобилизующих и вдохновляющих народные массы в борьбе за построение социализма» [31].

Эти задачи художественной интеллигенции предстояло решить уже на новом этапе культурной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Обретенов А.* Културната революция в България. София, 1970.
2. *Филчев Н.* Интелигенция в Народна република България. София, 1964.
3. *Аврамов П.* БКП и формиране на социалистическата интелигенция. София, 1966.
4. *Аврамов П.* Проблеми на културната революция и нейната периодизация в България. — Исторически преглед, 1972, кн. 1, с. 3—31.
5. *Аврамов П.* Историографска концепция за културната революция. (Доклад на состоявшемся в ноябре 1979 г. в Софии советско-болгарском симпозиуме «Формирование и развитие социалистической культуры (историография)» (в печати).
6. *Димитров Г.* Съчинения. София, 1954, т. XI, с. 180—181.
7. Литературен фронт, 1944, 27 IX, № 1.
8. Работническо дело, 1945, 25 IX, № 345.
9. Съвременник, 1945, № 20, с. 891.
10. Работническо дело, 1945, 5 VI, № 245.
11. *Дановский Б.* По обе стороны занавеса. М.: 1976, с. 48.
12. Статистика на образованието, 1939/40. София, 1942, с. 73—74.
13. Статистика на образованието, 1940/41—1945/46. София, 1948, с. 116, 118.
14. Статистика на образованието, 1946/47. София, 1949, с. 99.
15. Статистика на образованието, 1947/48. София, 1949, с. 108, 110.
16. *Чичовска В.* Културната политика на народно-демократическа власт (1944—1948). — Исторически преглед, 1979, кн. 4—5.
17. Изкуство, 1948, № 1, с. 88.
18. Отечествен фронт, 1946, 2 II.
19. *Гочев Г.* Театралните служители в изборна борба. — Отечествен фронт, 1945, 24 VIII, № 299.
20. Отечествен фронт, 1945, 14 X, № 344.
21. Отечествен фронт, 1946, 25 I, № 428.
22. Народно земеделско знаме, 1946, № 15.
23. *Стоянов Л.* Новите задачи на българската литература. — Литературен фронт, 1947, 15 II, № 22.
24. Литературен фронт, 1948, 17 IV, № 31.
25. Изкуство и политика. София, 1947.
26. *Зарев П.* Панорама на българската литература. София, 1973, с. 106.
27. Първа национална конференция на писателите в България. Доклади и разисквания. София, 1946, с. 396—397.
28. Изгрев, 1946, 9 XI, № 512.
29. Отечествен фронт, 1946, 14 XI, № 569.
30. *Златева А.* Художествено-творческите съюзи и подготовката на Петия партиен конгрес. — Исторически преглед, 1979, кн. 4—5, с. 155—169.
31. БКП в резолюции и решения. София, 1955, т. 4, с. 135.

⁴ О роли творческих союзов в этот период см. [30].

К МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОИЗНОШЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Развитие общественных функций чешского и словацкого литературных языков, являющееся следствием глубоких социальных перемен, происшедших в ЧССР, сопровождается соответствующими изменениями в их устной и письменной формах. Одним из проявлений этого является ускорение процесса ассимиляции заимствованных ранее или вновь заимствуемых иноязычных слов — процесса, в разной степени коснувшегося различных слоев заимствований. Значительные колебания современной орфоэпической нормы в сочетании с ростом числа заимствованных слов и повышением частоты их употребления затрудняют, конечно, изучение этой нормы, ее общих закономерностей и связанных с ней факторов социальной детерминации. Стремление выявить и зафиксировать с максимальной объективностью существующую языковую норму со всей ее многослойностью и эволюционной динамикой обусловило тот факт, что в последние годы при оценке орфографической и орфоэпической нормы и получении исходных данных для ее кодификации находят все более широкое применение методы и приемы из области социолингвистики (см. например, [1, 2]).

Основной предпосылкой социолингвистически или социофонетически ориентированных исследований является признание взаимной связи структуры языка и структуры общества. Таким образом, исследования, целью которых является изучение орфоэпической нормы (независимо от того, идет ли речь о словах исконных или иноязычного происхождения), не могут удовлетворяться одним только выявлением и описанием современного состояния произношения, или же только фонетическим анализом установленных фактов. Задача состоит в том, чтобы объяснить установленные факты и выяснить, не являются ли они проявлением какой-либо тенденции, источником которой служит сам язык и его социальное функционирование [3].

Этот новый подход к определению современного состояния орфоэпической нормы обусловлен прежде всего быстрым ростом числа лиц, активно пользующихся литературным языком. Одной из основных причин широкого распространения литературного языка является процесс урбанизации и индустриализации. Интенсивное развитие городов за счет наплыва деревенского населения в крупные промышленные центры привело к значительным сдвигам в демографической структуре нашего общества, затронувшим прежде всего пропорции городского¹ и деревенского населения.

¹ В эту категорию надо включить также лиц, имеющих постоянное место жительства в деревне, но проводящих большую часть дня в городе, где они работают.

Приобщение самых широких масс населения к культурной жизни, развитие и повышение роли средств массовой информации также ведет к расширению общественной сферы литературного языка. Способность активно пользоваться им обнаруживает уже выпускник девятилетней школы. Эти общественные и экономические изменения оказали заметное влияние на стратификацию современного чешского языка, на его территориальную и социальную дифференциацию, обусловив также изменения и сдвиги в области произношения².

В рамках литературного произношения такие изменения проявляются, например, в стирании различий между устной и письменной формой языка, в вариативности произношения, которое определяется различиями в уровне образования говорящих или их принадлежностью к разным профессиональным группам. Результатом этих изменений является растущее число дублетных форм произношения. Для практики кодификации норм из этого вытекает необходимость проверки действительного состояния современного языкового узуса во всех сферах литературного произношения. Сопоставление результатов таких исследований с орфоэпическими рекомендациями, зафиксированными в новейших нормативных пособиях типа [5] позволяет выдвинуть ряд предложений, касающихся дальнейшей работы по кодификации. На некоторые методологические проблемы, связанные с нашими социолингвистическими (социофонетическими) исследованиями современного узуса в произношении заимствованных слов в чешском языке, мы и хотели бы обратить внимание ниже.

Несколько лет назад по предложению Орфоэпической комиссии Института чешского языка ЧСАН была составлена анкета, фиксирующая и резюмирующая основные явления в произношении заимствованных слов, отражающие неустойчивость, колебания или даже противоречия между современным литературным узусом и существующей кодификацией (т. е. действующими пособиями и руководствами по орфоэпии). Анкета заполнялась студентами педагогических и философских факультетов Чехии и Моравии. Им предложили выбрать по шкале в пять ступеней то произношение, которому они отдают предпочтение в своей речевой практике и которое они считают правильным («прокламируемое» произношение). Анкета устанавливала не степень знакомства опрашиваемых с орфоэпическими рекомендациями, а современные представления о литературном произношении, существующие в их сознании без обращения к действующим пособиям. Параллельно с заполнением анкеты было проведено исследование современного узуса (реального произношения) на материале речи студентов. Данное исследование исходило из предположения, что факты живого узуса и современной кодификации не всегда будут совпадать³.

Материал, полученный в результате исследования, подтвердил это предположение и показал некоторые конкретные расхождения между нормой и узусом в современной литературной речи. Как мы уже сказали, устанавливалось произношение студентов педагогических и философских факультетов (всего 143 говорящих), которые представляли собой группу лиц, пользующихся литературным языком и однородную с точки зрения возраста, профессии и образовательного уровня, но не вполне однородную с точки зрения языка, так как они происходили из разных языковых областей.

Наша ориентация на эту группу неслучайна. Мы исходили из социологически обоснованной предпосылки, что во всякой ограниченной группе лиц, пользующихся литературным языком, формируется собственная

² Аналогичные процессы имеют место, конечно, и в других социалистических странах. Ср., например, [4].

³ Методика нашего исследования включала также некоторые тесты, с помощью которых наряду с «прокламируемым» и реальным произношением выявлялось также произношение «в идее», т. е. представления о собственном произношении. Предварительный опрос показал, что эти представления сливаются у большинства говорящих с «прокламируемым» произношением; поэтому на этой стадии исследования представления о собственном произношении не уделялось специального внимания.

норма, которая отражает установки и возможности этой группы. Таким образом, мы в то же время могли предполагать, что отношение испытуемых к исследуемым явлениям произношения будет в своих основных чертах одинаковым. При такой предпосылке решающим критерием оценки полученного материала должен быть учет того, реализуется ли определенное явление во всей социальной группе или только у отдельных ее представителей. Кроме того, принимались во внимание и следующие соображения: 1) литературный язык используется студентами чрезвычайно интенсивно; 2) с профессиональной точки зрения речь идет о будущих учителях, т. е. о лицах, которым предстоит употреблять литературный язык профессионально; их узус может оказать значительное влияние на дальнейшее формирование литературной нормы; 3) по данным социологических исследований, группы молодежи в возрасте 21—29 лет принадлежат к наиболее активным носителям эволюционных тенденций; 4) возможно обеспечение преемственности в изучении изменений произношения в рамках долгосрочных исследований (на дальнейших этапах — уже в форме исследования произношения учителей и его влияния на произношение учащихся).

Итак, материалом, на котором основывается наше исследование, является реальное и «прокламируемое» произношение 143 говорящих. Полученный материал подвергался оценке с качественной и количественной точек зрения в несколько этапов. Оценка «прокламируемого» произношения в целях объективизации проводилась при помощи числового выражения ответов испытуемых по шкале с пятью градациями, например:

0	1	2	3	4
безусловно «s»	скорее «l»	не знаю	скорее «z»	безусловно «z»
или				
безусловно кратко	скорее кратко	не знаю	скорее долго	безусловно долго

Числовые показатели позволили нам разграничить устойчивые с точки зрения узуса и колеблющиеся явления в области произношения заимствованных слов.

При этом мы принимали во внимание то место, которое занимают усредненные оценки на следующей шкале:

- 0,00—0,50 или 3,51—4,00 — беспроблемные слова (устойчивый узус)
- 0,51—1,50 или 2,51—3,50 — проблематичные (неустойчивый узус)
- 1,51—2,50 — весьма проблематичные (значительные колебания).

Оказалось, что многие явления, которые еще лет десять тому назад воспринимались и оценивались как нелитературные, сегодня ощущаются как нормативные, и в коллективном узусе носителей литературного языка оцениваются как литературные и обязательные [6].

Результаты исследования вместе с социальной характеристикой опрошенных лиц были включены в таблицы, которые резюмируют и статистически распределяют все полученные основные данные по двум матрицам (матрица социальной характеристики и матрица произношения). Каждый из опрошенных характеризуется в матрице социальной характеристики по 10 показателям (профессия; место постоянного жительства; место рождения; пол; возраст; профессия и образование каждого из родителей; знание иностранных языков)⁴, т. е. всего мы получаем 1430 позиций. В матрице произношения отражены ответы 143 человек по поводу 110 слов со спорным произношением — т. е. всего мы получаем 15 730 позиций.

Внимание уделялось двум факторам, связанным с территориальной принадлежностью говорящих: месту, где они прожили свое детство,

⁴ Среди 143 испытуемых было: 48 мужчин, 95 женщин; от 14 до 29 уроженцев и от 13 до 28 постоянных жителей каждой из семи чешских и моравских областей; 44 человека владели одним, 86 — двумя или тремя иностранными языками. При анкетировании задавались также вопросы, касающиеся профессии и образования супруга (супруги), а также участия в культурной жизни (слушание радио- и телепередач, посещение театров, чтение и т. д.).

и месту, где они жили самое продолжительное время. Оказалось, что выбор произношения обуславливается этими факторами приблизительно в одинаковой степени. В процессе исследования принималась во внимание также территориальная характеристика родителей говорящего; здесь, однако, распределение вариантов произношения в зависимости от этого признака не исследуется.

Материалы, полученные при помощи анкеты, подтвердили исходную посылку, что распределение дублетов, допускающихся нормой, зависит от социальной характеристики испытуемых (территория, возраст, профессия, образование и т. д.). Все носители литературного языка находились во время заполнения анкеты и записи устных высказываний в одинаковых условиях. Таким образом, мы получили однородный материал, что в данном случае являлось преимуществом, так как мы могли оценивать все социально обусловленные явления в их «чистом виде».

Таблица 1

Дистрибуция прокламируемого произношения дублетных форм $s - z$ и длительности гласных o и e в зависимости от места учебы испытуемых

Область	K^{s-z}	$K^{e-\acute{e}}$	$K^{o-\acute{o}}$
Средне-Чешская	2,47	1,51	1,28
Северо-Чешская	2,48	2,05	1,63
Западно-Чешская	2,32	1,43	1,36
Южно-Чешская	2,40	1,32	1,08
Восточно-Чешская	2,29	1,65	1,42
Северо-Моравская	2,28	2,04	1,48
Южно-Моравская	2,42	1,52	1,26

Данная таблица является примером анализа влияния места учебы, т. е. области, где испытуемые проживают в настоящее время. Мнения испытуемых выражены через средние коэффициенты дублетности (K^{s-z} , $K^{e-\acute{e}}$, $K^{o-\acute{o}}$). Средний коэффициент дублетности представляет собой среднее арифметическое ответов испытуемых (в числовом выражении по шкале с пятью градациями) касательно всех слов, имеющих дублетные формы произношения определенного вида (с s или z , с краткими или долгими o , e). Приводимые данные свидетельствуют, в частности, о том, что одинаковые отклонения в произношении иногда встречаются в общенациональном масштабе, а не только как областные (региональные) или индивидуальные явления.

Относительно высокий коэффициент дублетности по долготе для заимствованных слов с гласными e и o , наблюдающийся в Северо-Чешской и Северо-Моравской областях, свидетельствует о том, что здесь происходит нивелирование региональных различий в произношении, являющееся результатом миграционных процессов большого масштаба (Северо-Чешская и Северо-Моравская области являются наиболее индустриализованными областями ЧССР).

С процессом индустриализации и урбанизации тесно связан также процесс вовлечения сельского населения в работу промышленных предприятий городов. Как свидетельствуют данные статистики, даже в самых маленьких деревнях крестьянское население не является преобладающим⁵, и в настоящее время почти половина экономически активных жителей деревень ездит на работу в города. Это обстоятельство надо принимать во внимание при любом социолингвистическом исследовании.

Собранные данные, подкрепляемые в большинстве случаев и аналогичными результатами предшествующего зондажа, продемонстрировали и

⁵ В 1970 г. доля работающих в сельском хозяйстве составляла всего 40,8% в населенных пунктах с числом жителей до 200 человек (в 1950 г. — 53,3%) и 33,0% в населенных пунктах с числом жителей от 200 до 500 человек (в 1950 г. — 42,5%) [7].

некоторые явные тенденции, возникающие или в большей или меньшей степени упрочившиеся в современном узусе произношения заимствованных слов. Кроме того, они выявили у части лиц, пользующихся литературным языком, специфические мотивированные взгляды на отдельные формы или даже целые типы произношения, особенно в тех случаях, когда современный узус не тождествен современной кодификации и при этом дублетные формы широко сосуществуют в литературной речи.

В таблице 2 дана классификация 23 заимствованных слов с дублетами *s — z* по типам прокламируемого произношения. Имеются три группы случаев: беспроблемные, проблематичные и весьма проблематичные с

Таблица 2

Классификация заимствованных слов с дублетами *s — z*

Беспроблемные	проблематичные	весьма проблематичные
а) безусловно <i>I</i> (0,00—0,50) б) безусловно <i>z</i> (3,51—4,00) <i>dezertovat</i> 3,640 <i>mezoderm</i> 3,503	а) скорее <i>I</i> (0,51—1,50) <i>dislokace</i> 1,322 <i>konsekventní</i> 1,175 <i>režisér</i> 0,930 б) скорее <i>z</i> (2,51—3,50) <i>disertace</i> 3,240 <i>resort</i> 2,920 <i>burison</i> 3,266 <i>arsenál</i> 3,461 <i>persekuce</i> 3,461 <i>disinfekce</i> 2,722 <i>dizentérie</i> 2,895 <i>garsoniéra</i> 2,503	(1,51—2,50) <i>renesance</i> 1,797 <i>konsolidace</i> 1,559 <i>konsonant</i> 1,972 <i>komparsista</i> 2,224 <i>konsilium</i> 2,014 <i>plasmodium</i> 1,874 <i>verzálka</i> 2,098 <i>personál</i> 1,818 <i>perseverace</i> 1,776

точки зрения произношения слова. Для каждого из 23 слов приводится среднее арифметическое оценок по шкале с пятью градациями, данных всеми 143 испытуемыми.

Из этого распределения на шкале видна возможность стилевой дифференциации дублетов в рамках литературного произношения. Большое распространение узуальных дублетов (как видно из таблицы 2) указывает на отсутствие полной согласованности между узусом и кодификацией в области явлений, связанных с произношением дублетов на *s — z* в заимствованных словах. По всей вероятности, некоторые случаи дублетности обусловлены действием аналогии, кроме того, определенную роль играют и внелингвистические аспекты (престижность определенных вариантов и т. д.).

В нашей работе мы уделили основное внимание методологической стороне проблемы. Охватить весь комплекс факторов, обуславливающих все варианты, и дать ему соответствующую оценку можно — ввиду его обширности — лишь частично и весьма приближительно. Тем не менее можно установить некоторые тенденции, проявляющиеся в нашем материале. Рисунки 1 и 2 показывают, каким образом реализуется прокламируемое произношение дублетов *s — z* в двух отдельных случаях (в словах *mezoderm* и *dizentérie*). На рисунке 3 показана дистрибуция прокламируемого произношения у группы студентов дублетов *s — z* в соотношении со знанием иностранных языков, а также с полом и областью жительства испытуемых. Полученные от этой группы материалы, как кажется, свидетельствуют о том, что знание иностранных языков не оказывает существенного влияния на произношение заимствованных слов.

Преимущественное внимание в нашей работе было уделено прокламируемому произношению. Реальное произношение опрошиваемых лиц не всегда совпадало с их прокламируемым произношением. Например, для слова *režisér* по шкале получалась усредненная оценка 0,930 (т. е. «скорее *s*»), тогда как в реальном произношении фиксировалось только *z*; прокламируемое произношение слова *arsenál* оказывалось в группе слу-

чаев «скорее z» (усредненная оценка — 3,461), но в реальном произношении имелась заметная тенденция к употреблению варианта с s и т. д.

Можно сказать, что при сравнении реального и прокламируемого произношения выявляется определенная тенденция — а именно, реальное произношение слов, в отличие от прокламируемого, не отражает отно-

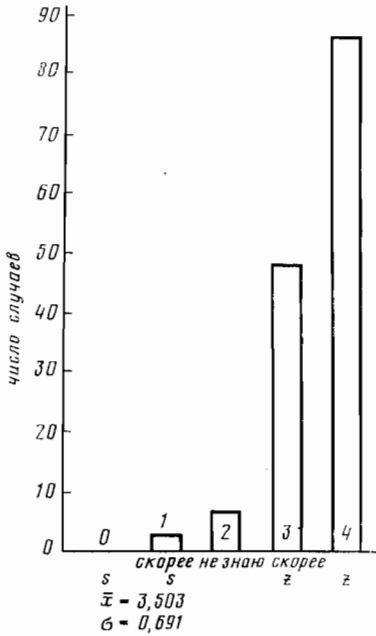

Рис. 1

Рис. 1. Диаграмма абсолютного числа оценок произношения слова *mezo-dêrm* по шкале с пятью градациями.

$\bar{x}$ — среднее арифметическое
 σ — стандартное отклонение

Прокламируемое произношение имеет отчетливую тенденцию к варианту, содержащему [z, что подтверждается и низким значением стандартного отклонения.

Рис. 2. Диаграмма абсолютного числа оценок произношения слова *dizen-térie* по шкале с пятью градациями.

$\bar{x}$ — среднее арифметическое
 σ — стандартное отклонение

Среднее арифметическое находится в диапазоне «проблематичных» случаев (2,51—3,50). Прокламируемое произношение имеет тенденцию к варианту «скорее z».

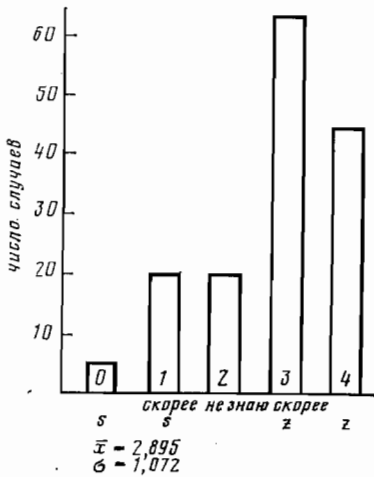

Рис. 2

шения обследованной социальной группы к данному явлению в области орфоэпии.

В заключение можно отметить, что стабилизация нормы произношения является с социолингвистической (точнее, с социофонетической) точки зрения очень тонкой проблемой. О том, что мы имеем дело с дублетностью как массовым явлением, свидетельствует тот факт, что ряд говорящих не усматривает в некоторых отклонениях от литературного произношения серьезного нарушения. Таким образом, происходит возникновение ряда дублетных форм произношения, причем некоторые из них имеют реальный шанс закрепиться в случае будущей реформы кодификации. Чтобы разумно определить базу для кодификации, следует в большей мере принимать во внимание разговорный литературный узус и результаты аналогических процессов в литературном произношении. В противном случае возникает опасность, что кодификация в своем стремлении к регламентации будет предлагать не существующие реально формы. (По всей вероятности, необходимой предосылкой является и отказ от чересчур упрощенного критерия однозначной, не допускающей отклонений «правильности» произношения).

Одним из возможных подходов к изучению проблемы произношения иностранных и заимствованных слов в чешском языке являются широкие исследования, направленные на обнаружение явлений с широкой дисперсией вариантов произношения и определяющие при помощи социофонетического анализа динамику развития звукового плана системы языка.

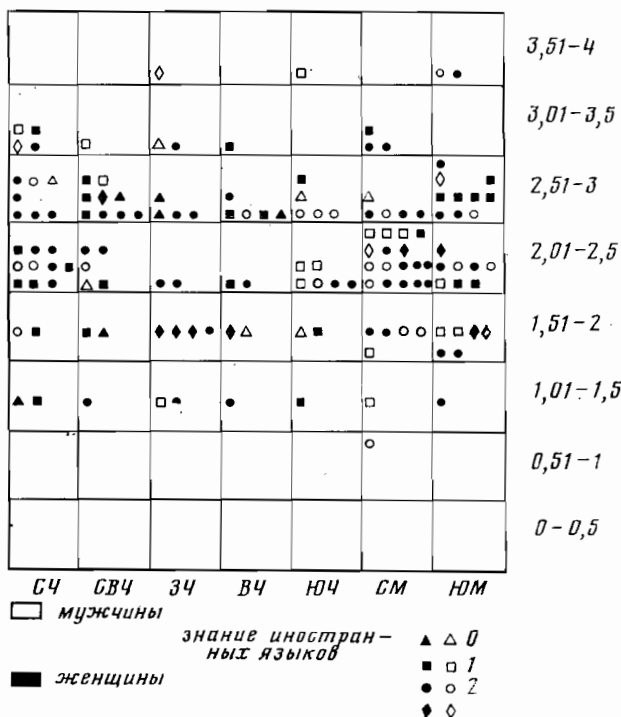

Рис. 3. Дистрибуция прокламируемого произношения у группы студентов дублетов с s — z в соотношении со знанием иностранных языков, полом и областью жительства.

Области:

СЧ — Средне-Чешская
 СВЧ — Северо-Чешская
 ЗЧ — Западно-Чешская
 ВЧ — Восточно-Чешская

ЮЧ — Южно-Чешская
 СМ — Северо-Моравская
 ЮМ — Южно-Моравская.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tejnor A.* Český pravopis a veřejného mínění.— *Naše řeč*, 1969, roč. 52, s. 265—285.
2. *Buchtelová R.* Příspěvek k aplikaci některých sociolingvistických metod na výzkum výslovnosti slov přejatých.— *Slovo a Slovesnost*, 1971, roč. 32.
3. *Hárková J., Buchtelová R.* Beitrag zur Problematik der Festlegung einer Aussprachennorm.— In: *Sprechwirkung*. Halle, 1976 (Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge 1976/24), S. 238—242.
4. *Buttlerová D.* Některé problémy polské normativní politiky.— In: *Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti*. Praha, 1979, s. 33—38.
5. *Výslovnost spisovné češtiny. II. Výslovnost slov přejatých*. Praha, 1978.
6. *Romportl M., Novotná J., Buchtelová R.* Tendence vývoje české výslovnostní normy.— In: *Ceskoslovensky přednášky pro VII. mezinár. sjezd slavistů*. Praha, 1973, s. 233—239.
7. *Statistická ročenka*. Praha, 1972.

АКАДЕМИК ЛАДИСЛАВ ШТОЛЛ (К 80-летию со дня рождения)

В 1982 г. видному чехословацкому общественному деятелю, известному публицисту и крупному ученому, академику ЧСАН Ладиславу Штоллу должно было исполниться 80 лет. Его кончина (6 1 1981) явилась большой утратой для чехословацкой науки и всего славянского литературоведения. Научный авторитет Л. Штоллы и его влияние на литературную и культурную жизнь Чехословакии были огромны. Довоенный член КПЧ, он был тем человеком, которому Ю. Фучик, С. К. Нейман и Э. Неедлы завещали распорядиться своим рукописным наследием и который с честью оправдал оказанное ему доверие. С именем Л. Штоллы связан большой и важный период развития общественных наук в ЧССР, становления и развития марксистских представлений о культуре и литературе.

Ладислав Штолл родился 26 июня 1902 г. в г. Яблонец над Нисой в трудовой семье пивовара. После окончания реального училища в Турнове он учился в торговой школе, слушал на философском факультете лекции профессоров Пражского университета, среди которых были Ф. К. Шальда и Э. Неедлы. Решающим событием в идейном развитии Л. Штоллы было знакомство с книгой В. И. Ленина «Государство и революция», которая в 1920 г. вышла в издательстве «Червен» при содействии одного из основателей КПЧ поэта С. К. Неймана. В 20-е годы некоторое время Л. Штолл работал банковским служащим, а затем полностью посвятил себя общественно-политической и литературной деятельности, сотрудничал в различных коммунистических и прогрессивных изданиях. В январе 1926 г. он становится членом КПЧ. С этого времени и до конца дней вся его жизнь и деятельность были неразрывно связаны с жизнью и революционной борьбой чехословацких трудящихся. С конца 20-х годов Л. Штолл работал в редакциях ряда коммунистических изданий, таких, как газета «Руде право», журналы «Лева фронта», «Творба» и др. Как прогрессивный журналист он подвергался притеснениям — в 1931 г. за статью о положении служащих в годы кризиса был уволен из Живнostenского банка; за ним следила полиция, о его публичных выступлениях шли донесения в полицейское управление.

С 1934 по 1936 г. Л. Штолл находился в Москве, где переводил на чешский язык сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Отдельные из этих переводов были опубликованы в Чехословакии до войны, а полностью двухтомное собрание «Избранных сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса вышло в Праге в 1950 г. Работа над переводами произведений Маркса и Энгельса идейно обогатила Л. Штоллу и плодотворно сказалась на его дальнейшей публицистической и критической деятельности. В годы пребывания в СССР Л. Штолл сотрудничал с К. Готвальдом и сблизился с Ю. Фучиком. Так же как и Фучик, он посылал в Чехословакию репортажи о жизни советских людей.

Обширна и необычайно многогранна общественно-литературная и публицистическая работа Л. Штоллы в 20-е и особенно в 30-е годы. Это прежде всего — множество печатавшихся в коммунистической прессе статей по вопросам марксистской политической экономии, философии, эстетики, культуры и литературы. Часть из них вошла позже в книги Л. Штоллы «Лицом к действительности» (1962) и «Из боев на левом фронте» (1964). Статьи, рецензии, репортажи и небольшие заметки Л. Штоллы 30-х годов являются живыми документами острой борьбы прогрессивных и реакционных сил в общественной жизни Чехословакии тех лет. Л. Штолл в послесловии к книге «Из боев на левом фронте» охарактеризовал свои публицистические и теоретические статьи межвоенного периода так: «Не все статьи того периода рождались в сосредоточенной тишине кабинета: многие из них метранпаж буквально по листу брал из рук пишущего в том виде и в той первичной формулировке, как возникли они на редакционном столе пролетарской газеты. Отсюда их достоинства и недостатки. В них следует видеть зафиксированное отражение бурных идеологических боев и дискуссий... В них шла речь о литературе как части жизни и ее оружии, о философии как средстве борьбы против иллюзорных представлений, о правдивом познании условий социального существования, а в конечном итоге об утверждении научной идеологии» [1]. Примечательно, что в межвоенные годы Л. Штолл был одним из наиболее активных и последовательных пропагандистов советской литературы в Чехословакии. Он писал о Горьком, Вс. Иванове, Ал. Толстом, Леонове, Луговском, В. Инбер и др. В демократическом наследии русских классиков и в творчестве советских писателей он находил примеры для духовной ориентации передовой чешской литературы.

Как литературный критик Л. Штолл развивался под влиянием З. Неедлы и С. К. Неймана. В 30-е годы вместе с Фучиком, Вацлавеком, К. Конрадом, Э. Урксом и другими передовыми чехословацкими журналистами, многие из которых позже погибли от рук нацистов, он боролся за объединение прогрессивных сил в чешской литературе и культуре на революционно-марксистских позициях. В многочисленных статьях того времени он подчеркивал социальный смысл произведений Неймана, Майеровой, Ванчуры, Незвала, Вчелички и других прогрессивных писателей, всемерно способствовал распространению марксистских представлений о литературе и искусстве среди чешской интеллигенции, освещал общие проблемы социологии искусства. В обстановке надвигавшейся угрозы фашизма в его статьях давалась позитивная оценка гуситской традиции в чешской истории, резко критиковались те, кто писал тогда о плодотворности побелогорского периода, звучало решительное отрицание расизма и национализма.

В годы оккупации Чехословакии Л. Штолл принимал участие в подпольной деятельности КПЧ, печатался в «Руде право». Им осуществлялись связи между находившимися на нелегальном положении партийными работниками. Он сотрудничал тогда с писателем Ярославом Кратохвилем, встречался с Ю. Фучиком, помогал прибывшему в 1943 г. из СССР Рудольфу Ветишке, члену третьего иллегального ЦК КПЧ. В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. Л. Штолл был среди тех, кто готовил первые легальные номера газеты «Руде право».

После освобождения Чехословакии Л. Штолл вместе со З. Неедлы и другими принимает активное участие в создании социалистической культуры новой Чехословакии. В 1946 г. он становится профессором, а затем ректором Высшей политической и социальной школы, в 1952 г. назначается председателем Государственной комиссии по организации Чехословацкой Академии наук. В 50-е годы Л. Штолл был министром просвещения, министром высшей школы и министром культуры, с 1957 г. по 1961 г. он являлся ректором Института общественных наук при ЦК КПЧ, а с 1962 г. директором Института чешской литературы ЧСАН. На состоявшемся в 1946 г. VIII съезде КПЧ и на всех последующих съездах Ладислав Штолл избирался членом ЦК КПЧ; 20 ноября 1956 г. Л. Штолл был избран чл.-корр. ЧСАН, а 16 апреля 1960 г. — академи-

ком ЧСАН. На протяжении ряда лет (1961—1968) он был вице-президентом Чехословацкой Академии наук. Последние годы Л. Штолл был председателем Научной коллегии наук об искусстве ЧСАН и директором Института чешской и мировой литературы ЧСАН.

Многие работы Л. Штолла, вышедшие в последние десятилетия, посвящены проблемам идеологического развития, роли творческой интеллигенции, культурной жизни, различным вопросам философии, истории, социологии литературы и искусства. К ним относятся: «Борьба за новое чешское мышление» (1947), «О социалистической интеллигенции» (1949), «Великий человек Максим Горький» (1951), «Наука идет вместе с народом» (1952, совместно со З. Неедлы), «Литература и культурная революция» (1959) и ряд других.

Работы Л. Штолла по литературоведению, написанные им в послевоенные годы, полемически направлены против недооценки социально-политического значения творчества Волькера и Неймана, посвящены критическому рассмотрению формализма и структурализма. Важное место среди литературоведческих трудов Л. Штолла занимают книги «Тридцать лет борьбы за чешскую социалистическую поэзию» (1950), и «О форме и структуре в словесном искусстве» (1966). Обе они были удостоены Государственных премий.

Напряженно, как и всю жизнь, работал Л. Штолл в 70-е годы. В это время вышли его получившие высокое признание книги: «Социализм и личность» (1974), «О модерности и модернизме в искусстве» (1974), «Поэт и надежда. Из истории борьбы за чешскую социалистическую поэзию» (1975), «Гражданин Ф. К. Шальда» (1977) и др.

Как директор Института чешской и мировой литературы ЧСАН и председатель Научной коллегии наук об искусстве ЧСАН Л. Штолл на протяжении многих лет стремился к деловому, дружескому сотрудничеству с советскими научными учреждениями, и в этом отношении внес значительный вклад в дело укрепления и развития чехословацко-советских научных и культурных связей. Советские слависты, среди которых у Ладислава Штолла было много друзей, хранят память о нем как о выдающемся общественном деятеле, замечательном организаторе науки, проникновенном исследователе и прекрасном, простом и сердечном человеке.

Правда, нравственность, свобода — эти слова-понятия никогда не были для чехословацкого ученого неопределенными, лишенными четкого содержания, расплывчатыми абстракциями. Они всегда были полны для него глубокого, вполне конкретного и ясного земного смысла, столь же порожденного пытливей научной мыслью, сколь и вековым народным опытом. «Ведь чем является нравственность по отношению к правде? Мысли и действуй правдиво и будешь поступать нравственно. Чем является свобода по отношению к правде? Мысли и действуй правдиво и будешь поступать свободно. Правда решает все...» [2]. Эти простые и мудрые суждения Л. Штолла, которыми он руководствовался во всей своей деятельности, вспоминаются теперь, накануне 80-летия со дня рождения ученого. Они характеризуют его как партийного, подлинно народного деятеля культуры ЧССР, немало сделавшего для развития просвещения, литературы и науки в своей стране.

За свои заслуги перед народом и социалистическим государством Л. Штолл был награжден правительством ЧССР двумя Орденами Республики (1957, 1962), серебряной звездой Ордена 25 февраля 1948 г., Орденом Победоносного февраля, золотой почетной медалью ЧСАН «За заслуги перед наукой и человечеством» и рядом других чехословацких и зарубежных наград. В 1972 г. в связи с семидесятилетием Л. Штолла в знак признания его большого вклада в развитие общественных наук ему было присвоено звание Почетного доктора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В последние годы жизни Л. Штолл уделял особое внимание воспитанию научной смены, не жалея для этого ни сил, ни времени. Как завет молодым воспринимаются сегодня слова из его книги «О форме и структу-

ре словесного искусства»: «Для науки о литературе важно комплексное изучение художественного произведения как специфического проявления общественного сознания, однако изучение не только его формы, но и его идейно-эмоционально-эстетического содержания. При этом нельзя ограничиваться лишь одним из этих аспектов, потому что между ними есть диалектическая зависимость» [3].

Обширное печатное наследие Л. Штоллы, содержащее около семисот книг, статей, рецензий и разного рода других публикаций [4], создавалось на протяжении многих десятилетий и порой отмечено дыханием времени. Однако трудно сказать, что хотя бы какая-то его часть принадлежит прошлому. Все оно неотделимо от чехословацкого революционного рабочего движения, от современной созидательной жизни его родины, все проникнуто идеями общественного прогресса и социалистического гуманизма, озарено беззаветной любовью к людям труда. В этом видится главный смысл и значение научного наследия академика Ладислава Штоллы для современного и будущего развития эстетики и литературоведения Чехословакии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stoll L. Z bojů na levé frontě.* Praha, 1964, s. 394.
2. *Stoll L. Zápas o nové české myšlení.* Praha, 1947 (Předmluva: — Slovo o pravdě).
3. *Stoll L. O tvar a strukturu v slovesném umění.* Vydání druhé, Praha, 1972, s. 160.
4. См. Библиография дѣла Ладислава Штоллы (до року 1972). Praha, 1974.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
1917—1945 гг., т. 3. М., 1978, 646 с.

Третий том совместной публикации по истории советско-чехословацких отношений содержит документы и материалы, относящиеся к периоду с июня 1934 до марта 1939 г., т. е. от установления дипломатических отношений между СССР и Чехословакией до ликвидации независимого чехословацкого государства в результате агрессии гитлеровской Германии. Как и в двух предыдущих томах, он включает наиболее важные ранее опубликованные материалы и до сих пор не издававшиеся документы, отражающие дипломатические, экономические, общественно-политические, культурные и научные связи между двумя странами. В том вошли 442 документа из 8 советских и 18 чехословацких государственных и партийных архивов. Выполненная на высоком научном и техническом уровне, настоящая публикация представляет собой первое всестороннее освещение ключевых вопросов советско-чехословацких отношений этого периода. Хронологический принцип расположения материалов, наличие хроники важнейших событий, указателей периодических изданий и имен существенно облегчают исследовательскую работу с документами. Напомним, что в 1979 г. публикация была отмечена совместной премией Президиумов АН СССР и Чехословацкой АН.

Характер публикуемых материалов весьма разнообразен: договоры и соглашения, телеграммы и письма НКВД СССР и чехословацкого МИД, записи бесед дипломатов, воззвания партий и общественных организаций, материалы периодической печати, переписка деятелей культуры и т. п.

В рецензируемом томе на широком международном фоне отражены все наиболее важные аспекты и проблемы двусторонних советско-чехословацких отношений в особых условиях предвоенного пятилетия, характеризовавшихся усилением агрессивности империализма и нарастанием угрозы новой мировой войны и национальной независимости ряда государств, в том числе и Чехословакии. В создавшейся обстановке советская дипломатия активно боролась за создание системы коллективной безопасности и предотвращение военной опасности, стремилась к нормализации отношений со всеми заинтересованными в этом странами. Эта линия внешней политики СССР

подтверждается многочисленными материалами сборника, относящимися к переговорам о заключении Восточного пакта, проблемам Лиги наций, политике Франции, Англии, Германии, Италии, Японии, США и в особенности Чехословакии.

Угроза агрессии со стороны фашистской Германии, с одной стороны, и борьба прогрессивных сил во главе с КПЧ внутри страны — с другой, побудили правящие круги Чехословакии к пересмотру своей политики в отношении СССР. 9 июня 1934 г. ЧСР пошла на установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Но правительству Чехословакии на протяжении рассматриваемого периода не хватало последовательности и целеустремленности в проведении политики сближения с СССР. Национальные политические и экономические интересы чехословацкой буржуазии диктовали ей необходимость развития отношений с Советским Союзом и побуждали ее лидеров высказываться в соответствующем духе. Выступая в Национальном собрании Чехословакии 2 июля 1934 г. министр иностранных дел Э. Бенеш, в частности, сказал: «Мы будем относиться к Советской России лояльно и дружески, но также по-деловому и с перспективой будем стремиться свое отношение с ней строить постепенно, шаг за шагом, солидно и разумно» (с. 30).

Классовые же интересы правящих кругов ЧСР порождали враждебные чувства и действия по отношению к социалистическому государству, толкали в объятия империалистических государств, прежде всего Франции и Англии, подчинили их волю антисоветской политике «умиротворения», что в конце концов привело Чехословакию к национальной катастрофе. В этой связи показательно заявление того же Э. Бенеша, сделанное им 17 мая 1938 г. в беседе с английским посланником в Праге Б. Ньютоном: «Всякая связь с Россией будет поддерживаться через Западную Европу» (с. 423). Эта тенденция во внешней политике Чехословакии возобладала и привела к отказу от ранее объявленной и, конечно, демагогически вуалируемой «солидной и разумной» политики.

Двойственность и непоследовательность политики буржуазной Чехословакии явно обнаруживается в публикуемых документах на всех этапах советско-че-

гословацких отношений в 1934—1939 гг. Линия на развитие сотрудничества с СССР выразилась в подписании советско-чехословацкого договора о взаимной помощи от 16 мая 1935 г., договора о торговле и мореплавании от 16 мая 1936 г., соглашения об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Прагой от 16 мая 1935 г., кредитного соглашения между торгпредствами СССР и ЧСР и чехословацкими банками от 3 мая 1935 г., соглашения об обмене почтовыми посылками от 8 июня 1935 г., консульской конвенции от 6 ноября 1935 г., соглашения о техническом сотрудничестве от 29 июня 1938 г., и др. Кроме того, налаживались контакты в военной области: осуществлялся обмен военными делегациями, была достигнута договоренность о продаже Советским Союзом Чехословакии военных самолетов типа СБ и о поставках в СССР чехословацких военных материалов и т. д.

В условиях нормализации советско-чехословацких отношений и особенно после подписания договора о взаимопомощи создались благоприятные возможности для расширения культурного обмена и развития связей в области науки. Многочисленные материалы убедительно свидетельствуют о довольно интенсивном взаимном обмене делегациями ученых, работников культуры, спортсменов. Так, делегация чехословацких писателей принимала участие в работе I Всесоюзного съезда советских писателей, Чехословакию посетили В. В. Вишневский и А. А. Фадеев (с. 238, 471—473). Советские ученые Н. А. Максимов и К. А. Флаксбергер были избраны членами Чехословацкой сельскохозяйственной академии, И. В. Мичурин — почетным членом, Н. И. Вавилов — почетным доктором Высшей сельскохозяйственной школы в Брно (с. 157—158). В 1937 г. в Брно состоялась премьера оперы И. И. Дзержинского «Тихий Дон», а в Ленинграде — оперы Б. Сметаны «Проданная невеста». В театрах Чехословакии шли пьесы советских авторов, в выставочных залах Ленинграда демонстрировались произведения чехословацких мастеров. Советский Союз посещали чехословацкие ученые, журналисты, инженеры, архитекторы, геологи, врачи, музыканты, астрономы, художники, а Чехословакию — их коллеги из СССР. В области книжного обмена с СССР Чехословакия стояла на втором месте после Франции. За период с сентября 1934 г. по апрель 1935 г., например, в СССР поступило из Чехословакии 1418 книг, а было выслано 2135 (с. 162—163). Эти и многие другие факты позволяют создать довольно полную картину культурных и научных советско-чехословацких связей.

В то же самое время реакционные круги препятствовали развитию советско-чехословацких отношений. Под их воздействием в договор о взаимной помощи — тогда, пожалуй, самый важный из всех советско-чехословацких договоров и соглашений — была включена оговорка, существенно ограничившая его значение и ставившая оказание помощи одной из сторон, жертве агрессии, в зависимость

от позиции Франции (с. 116). Имеются и свидетельства о репрессиях против лиц, высказывавших симпатии к СССР (с. 50, 159), организации клеветнической кампании против Советского Союза в правой реакционной прессе (с. 54), запрете лекций об СССР (с. 145), полицейском надзоре за прогрессивными общественными организациями (с. 52, 67, 72).

Логически продолжением этой тенденции явилась капитуляция правительства Чехословакии перед Англией и Францией 21 сентября и перед участниками мюнхенского соглашения 30 сентября 1938 г. Идея защиты национальной независимости только с помощью СССР была им отвергнута, неоднократно предложения СССР о немедленном приведении в действие советско-чехословацкого договора о взаимной помощи отклонены. О том, что Советский Союз готов был в полном объеме выполнить договорные обязательства, свидетельствует ряд публикуемых документов. Итог такой политики буржуазной Чехословакии хорошо известен: 14 марта 1939 г. по приказу Гитлера было провозглашено «Словацкое государство», а 15 марта Германия оккупировала Чехию и Моравию. Национальные интересы страны были принесены в жертву классовым интересам чехословацкой буржуазии, не желавшей спасти независимость государства с помощью Советского Союза.

В этот период тяжелых испытаний единственным подлинным защитником национальных интересов Чехословакии был рабочий класс и его авангард — КПЧ, которые твердо стояли на интернационалистских позициях. Коммунисты призывали новобранцев переходить на сторону Красной Армии в случае войны с СССР (с. 49). В Национальном собрании они внесли предложение о предоставлении Чехословакией СССР экспортного кредита (с. 82). Рабочие, члены КПЧ всячески поддерживали мирную политику СССР, разъясняли ее сущность в прессе, защищали ее в парламенте, предупреждали трудящихся об угрозе национальной самостоятельности Чехословакии, протестовали против репрессий за выражение симпатий к Советскому Союзу (с. 125—126, 142—143, 146—147, 159), распространяли правду об СССР. Этому во многом способствовали поездки рабочих и профсоюзных делегаций в СССР. Во время одной из них представитель красного профсоюза металлистов Чехословакии сказал: «... рабочие сопоставляют положение в СССР с нашим положением. В результате этого одновременно растет и сочувствие к красным союзам и Компартии» (с. 74).

После Мюнхена, 1 октября 1939 г. КПЧ призвала народ к борьбе за республику. Власти ответили на это преследованиями. 9 октября была запрещена деятельность КПЧ в Словакии, а 21 октября — в Чехии и Моравии.

Пролетариат Чехословакии, КПЧ были не в состоянии взять в то время решение судеб родины в свои руки. Но подлинно интернационалистская позиция чехословацких коммунистов упрочила основы для дальнейшего развития пролетар-

ской солидарности в последующие периоды советско-чехословацких отношений.

Рецензируемая публикация документов широко освещает и деятельность профсоюзов и прогрессивных общественных организаций, в которых значительным влиянием пользовались коммунисты, — Союза друзей СССР и Общества экономического и культурного сближения с СССР (впоследствии — Общество культурных и экономических связей с СССР). Союз друзей СССР был массовой организацией, в октябре 1934 г. он имел 247 отделений и 16 тыс. членов (с. 52). Обе эти организации добивались расширения экономических и культурных контактов с СССР, распространяли достоверную информацию о Советском Союзе, организовывали лекции, публиковали соответствующие материалы и т. д. Тем самым они вносили значительный вклад в дело воспитания чехословацких трудящихся

в духе пролетарского интернационализма и расширения советско-чехословацких связей.

Родившийся в годы совместной борьбы против фашизма, за освобождение Чехословакии лозунг «С Советским Союзом на вечные времена!» в социалистическом чехословацком государстве стал основой внешней политики, братских отношений народов СССР и ЧССР, которые строятся на принципах социалистического интернационализма.

С опубликованием рецензируемого тома истории получили возможность глубже и полнее изучить ряд проблем советско-чехословацких отношений. Сборник, несомненно, найдет высокую оценку всех, кто интересуется историей внешней политики СССР, взаимоотношениями между народами Советского Союза и Чехословакии.

Мельцер Д. Б., Сеница В. И.

КУЕВ К. М. *Судьба староболгарских рукописей в течение веков.*

Еще в 1891 г. А. И. Соболевский писал о том, что дошедшие до нас старославянские памятники «представляют собой жалкие остатки некогда, без сомнения, обшрпной (разрядка моя — Т. И.) двуязычной древнеболгарской письменности, случайно сохраненные судьбою от гибели в разных местах вне пределов своей родины и дошедшие до нас в самом неприглядном виде» [1, с. 12]. Новая монография известного специалиста в области древнеболгарской литературы профессора Софийского университета им. Климента Охридского Куйо М. Куева знакомит читателя с судьбой древнейшего славянского рукописного наследия.

В небольшом «Предисловии» к книге К. М. Куева сообщает, что в шестидесятых годах он имел возможность в течение продолжительного времени работать в древлехранилищах СССР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии и Австрии. Знать ему посчастливилось обнаружить многочисленные списки древнеболгарских сочинений, не известные до этого времени (см. более ранние работы К. М. Куева, в частности [2]), удалось собрать разнообразный материал, отражающий сложную и нелегкую судьбу богатой древнеболгарской книжности, проследить которую Куйо М. Куев поставил себе целью в рецензируемой монографии.

Книга К. М. Куева содержит три раздела, ряд приложений (алфавитные указатели имен личных, географических, названий лавр и монастырей, рукописей, фотоснимки некоторых из них) и резюме на немецком языке.

Первый раздел — «Странствование рукописей» (с. 11—105) состоит из 16 глав, в которых автор прослеживает судьбу славянских рукописей в разные периоды истории Болгарии, сообщает сведения о собирателях славянских древностей и о древнеболгарском наследии в их собраниях. В книге рассмотрены собрания П. Шафарика, А. С. Норова, В. И. Григоровича, Порфирия Успенского, А. Ф. Гильфердинга, Ст. Верковича, В. М. Ундольского, П. А. Сырку и некоторых других. В этой части книги читатель найдет много интересных подробностей и тонких наблюдений автора.

Безусловно, наибольший интерес в этом разделе представляют главы, посвященные миграции рукописей в X—XII вв. (с. 12—27) и в период турецкого владычества (с. 28—41). В начале главы I отмечено, что большинство оригинальных сочинений древнеболгарской литературы дошло до нас преимущественно в списках русского извода. Так, например, только в списках русского извода известны Азбучная молитва Константина Преславского (38 списков) и Беседа пресвитера Козмы (25 списков). Это обстоятельство

определяется прежде всего давними и длительными связями Болгарии с Русью. Автор считает, что уже со времени походов Святослава древнеболгарские книги могли проникать на Русь. После того, как в 972 г. Болгария утрачивает государственную самостоятельность и становится провинцией Византии, многие болгары эмигрируют в Киевскую Русь, принося с собой в свое новое отечество книги. Понятно, что особенно оживляются связи между болгарскими и русскими после официального крещения Руси в 988 г. Здесь, на Руси, русские писцы составляют многочисленные списки с древнеболгарских книг, создают старославянские памятники русского извода. Далее автор дает описание ряда рукописей XI—XII вв., которые, являясь памятниками русской письменности, вместе с тем списаны с болгарских оригиналов.

Безусловно, перечень К. М. Куева может быть продолжен. Так, с нашей точки зрения, к числу древнерусских рукописей, представляющих список с болгарского оригинала, должен быть отнесен Синайский патерик, древнейший славянский перевод одного из произведений патериковой литературы. Любопытно, что в Успенском сборнике XII—XIII вв., некоторые части которого, без сомнения, являются списками с болгарского оригинала (с. 25), помещено Житие Афанасия Александрийского, представляющее славянскую компиляцию, первая часть которой (л. 5а, 27—66, 2) соответствует главе 197 Синайского патерика (л. 146об. 15—148об. 7). Заметим также, что пять слов Иоанна Златоуста (25, 27, 28, 32, 35), помещенный в Успенском сборнике, имеются в том же самом переводе и в древнеболгарской Супрасльской рукописи (33, 34, 35, 39, 28) [3].

Второй раздел книги, «Уничтожение рукописей» (с. 106—143), включает шесть небольших глав, в которых рассматриваются причины и обстоятельства гибели рукописей. И в этом разделе читатель найдет для себя много полезного и интересного. Следует, разумеется, заметить, что некоторые из перечисленных К. М. Куевым причин — такие, как уничтожение древних рукописей по причине невежества, плохого хранения, гибель их от пожаров, часто являвшихся следствием постоянных войн и междоусобиц, — не были специфическими для Болгарии, а отразили общую судьбу средневековой книжности. Характерное явление представляют собой и палимпсесты, возникавшие прежде всего в силу дороговизны пергамента. В Византии, как отмечает К. М. Куев, создание палимпсестов было очень распространенным (с. 108). Любопытно, что некоторые славянские рукописи представляют собой греческие палимпсесты. Так, Слепченский апостол [4], Григоровичев паримейник и евангелие

Кохно написаны по стертому греческому письму. Что касается древнеболгарских палимпсестов, что в подавляющем большинстве случаев (9 из 10) стерты славянский текст заменен в них новым славянским. При этом из девяти рукописей, описанных К. М. Куевым, шесть написаны кириллицей по стертой кириллице, две — кириллицей по глаголице и одна — глаголицей по глаголице. Лишь одна рукопись, хранящаяся в Ватиканской библиотеке, написана греческим письмом по славянской кириллице (с. 109—110). К сожалению, в рецензируемой монографии не указан недавно открытый И. Добревым Зографский палимпсест (угловатая глаголица по стертой круглой глаголице) [5].

Последний раздел монографии К. М. Куева посвящен судьбе важнейших старославянских и древнеболгарских памятников. В нем прослежена история 25 рукописей, начиная с Зографского евангелия конца X — начала XI в. и кончая Тихонравовским дамаскином XVII в. Особый интерес представляет судьба разрозненных рукописей, хранящихся в разных библиотеках и даже иногда в разных странах. Таковы, например, сборник Клоца, Добромирово евангелие, Слепченский апостол (о нем см. также [6]). Особенно интересна судьба также разрозненной Супрасльской рукописи, открытой в первой четверти XIX в. М. К. Бобровским. Варшавская часть этого памятника в ходе второй мировой войны оказалась похищенной, затем была обнаружена в США и в 1968 г. возвращена в Польшу (с. 162). Высоко оценивая и этот раздел рецензируемой монографии, выскажем, однако, сожаление, что в нем

не упоминаются старославянские памятники, сохранившиеся в фрагментах — такие, например, как Листки Ундольского, Хиландарские листки и др. Подобные фрагментарно сохранившиеся памятники превосходятно подтверждают основную идею книги Куйо М. Куева о трагической судьбе древнего южнославянского рукописного наследия.

Новая книга К. М. Куева, проследившего нелегкую судьбу древних рукописей в течение столетий, — достойный вклад в палеославистику, к которому постоянно будут обращаться последующие исследователи.

Иванова Т. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соболевский А. И.* Древний церковнославянский язык. М., 1891, с. 12.
2. *Куев К. М.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974.
3. *Благова Э.* Гомилии Супрасльского и Успенского сборников. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 77—87.
4. *Гранстрем Е. Э.* Палимпсесты Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Византийский временник, т. 17. М.—Л., 1960, с. 82—84.
5. *Добрев И.* Палимпсестовите части на Зографското евангелие. — В кн.: Константин-Кирил Философ. София, 1971, с. 157—164.
6. *Куев К.* Судьба Слепченского апостола. — Советское славяноведение, 1981, № 1, с. 61—65.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО НАРОДА

28 октября 1981 г. в Отделении истории АН СССР состоялась научная конференция, посвященная 37-й годовщине социалистической революции в Болгарии и 1300-летию основания болгарского государства. Конференцию подготовили и провели Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. В ее работе приняла участие представительная делегация болгарских ученых во главе с чл.-корр. БАН А. Обретеновым.

Конференцию открыл чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков, тепло приветствовавший болгарских коллег. Со вступительным словом к участникам и гостям обратился академик Ю. В. Бромлей.

С докладом «37 лет по пути социализма в тринадцативековой истории Болгарии» выступил доцент МГУ Б. Н. Билунов. Докладчик убедительно раскрыл роль и значение славных революционных традиций болгарского народа, его свободолюбие и высокий интернационалистский дух, особенно ярко проявившиеся в период антифашистской освободительной борьбы. Б. Н. Билунов обстоятельно проанализировал внутри- и внешнеполитические факторы, способствовавшие победе в сентябре 1944 г. руководимого коммунистической партией Отечественного фронта, подробно остановился на сложном периоде установления и укрепления народно-демократической власти в стране, не обойдя при этом и ставший предметом острых научных дискуссий вопрос о характере революции в Болгарии. Значительное внимание докладчик уделил осуществлению решений Апрельского (1956) пленума ЦК ВКП, вопросам социально-экономической политики партии на этапе построения зрелого социализма.

Проблеме формирования и функционирования политической системы народной демократии в Болгарии в 1944—1948 гг. был посвящен доклад проф. М. Исусова (НРБ). Он последовательно рассмотрел состояние в указанный период основных компонентов этой системы — органов государственной власти и управления, комитетов Отечественного фронта, правящих политических партий и массовых общественных организаций, охарактери-

зовал этапы процесса консолидации политической системы народной демократии. Важное место в докладе заняло обоснование тезиса о том, что развитие народно-демократической революции в Болгарии как объективный процесс сопровождалось постепенным раскрытием ее основных закономерностей и тенденций или, по словам автора, «самоизучением» революции. Широко используя архивные материалы, М. Исусов познакомил слушателей с ходом дискуссий в руководстве Компартии относительно генезиса и характера революционного процесса и политической системы народной демократии в стране, ставших базой для последующей типологизации политической системы народной демократии. В заключение М. Исусов напомнил о принципиальном выводе V съезда ВКП, что режим народной демократии с успехом может исполнять функции диктатуры пролетариата [1, с. 155].

С докладом «Значение образования болгарского государства в жизни средневековой Европы» выступил д-р ист. наук Г. Г. Литаврин. Докладчик убедительно показал важную роль болгарского государства в развитии экономических, культурных, дипломатических контактов в средневековой Европе. Возникшее в северо-восточной части Балканского полуострова, т. е. на землях, входивших в орбиту культурного влияния античного мира, болгарское государство испытало непосредственное влияние греческой и римской культур. Оно стало надежным барьером на пути гуннов, аваров и других племен, рвавшихся на богатые территории континента. А в VIII в. болгарское войско деблокировало осажденный арабами Константинополь — столицу Византийской империи, устранив тем самым непосредственную угрозу их вторжения во внутренние районы империи.

Тема выступления проф. К. Шаровой (НРБ) — «Болгарское освободительное движение и европейский революционный процесс». В докладе были внимательно проанализированы наиболее важные постоянно действовавшие внутренние факторы национально-освободительного движения в Болгарии эпохи Возрождения, констатировалась активизация освободительного движения в начале 70-х годов прошлого века. Особенно подробно освещено революционное воздействие Парижской коммуны, выразившееся в углублении дифференциации между ре-

волюционной и либеральной тенденциями в освободительном движении, в резком возрастании интереса к социальным аспектам борьбы, к социализму как теории, к опыту социалистических движений.

В докладе канд. эконом. наук В. И. Шабуниной на большом конкретном материале были прослежены процессы поступательного развития социалистической экономики НРБ, за исторически короткий срок превратившейся в индустриально-аграрную страну, успешно строящую развитое социалистическое общество. Подробно докладчик остановился на основных направлениях экономической политики БКП, охарактеризовав количественные и качественные изменения в состоянии различных отраслей национальной экономики.

Чл.-корр. БАН В. Хаджиниколов прочитал доклад на тему «Изменения культуры быта населения НРБ в условиях социализма». В нем внимательно прослежено позитивное отражение быстрого экономического роста страны в сфере быта, отмечено также и наличие известных недостатков и слабостей, связанных с тем, что вызревание нового в быту нередко тормозится субъективными факторами. Проблемы быта и культуры, подчеркивалось в докладе, во все большей степени становятся объектом научных изысканий социологов, экономистов, этнографов.

В центре внимания выступившего с заключительным докладом чл.-корр.

БАН А. Обретенава — проблемы развития художественной культуры НРБ после Апрельского (1956) пленума ЦК БКП. Докладчик подробно осветил основные положения, составившие новую концепцию развития культуры в период после пленума ЦК партии, и конкретно проанализировал содержание таких понятий, как народность, классовость и демократизация культуры. Конкретные разнообразные мероприятия по осуществлению намеченного курса, как подчеркнуто в докладе, оказали поистине благотворное влияние, выразившееся в создании творческой атмосферы, в ускорении темпов развития культурной и художественной деятельности, в появлении новых жанров и видов художественной деятельности. Создание необходимой материальной базы и условий для культурной и художественной деятельности в сочетании с возникновением творческой атмосферы обусловило рост духовной культуры болгарского общества.

Конференция, посвященная знаменательным датам в истории болгарского народа, вызвала большой интерес научной общественности.

Т. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пети конгрес на Българската комунистическа партия. 18—25 декември 1948 г. Стенографски протокол. Част I. София, 1949.

НАУЧНЫЙ КОЛЛОКВИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТВОРЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ АВГУСТА ЛЕСКИНА

24 апреля 1980 г. Секция теоретического и прикладного языкознания университета им. Карла Маркса в Лейпциге провела научный коллоквиум по творчеству выдающегося слависта Августа Лескина; работой коллоквиума руководил проф. Э. Эйхлер. В нем приняли участие слависты вузов и академических учреждений ГДР, интересующиеся историей славистики, а частично уже приобретшие известность своими публикациями в этой области. Как подчеркнул в своем приветственном слове директор Секции проф. Х. Вальтер, специалист по болгарскому языку, перед коллоквиумом стояла задача оценки прогрессивного научного наследия выдающегося ученого и определения путей его использования в решении актуальных проблем славистики ГДР. Одновременно он должен был явиться вкладом в создание обобщающего труда об истории славистики в Лейпциге и других академических центрах Германии. Труды Лескина составили часть того фундамента, на котором могла строиться славистика в ГДР. В то же время проведение коллоквиума было начато решение важной задачи: проанализировать и оценить деятельность тех славистов, которые, подобно Лескину, получили

широкое международное признание. С 1870 г. и до самой своей смерти (1916) А. Лескин заведовал кафедрой славянской филологии. Его основополагающие труды по славистике, преподавательская и исследовательская деятельность, влияние на славистов других стран как главы Лейпцигской славистической школы вызвали широкий отклик, который за границей был сильнее, чем в Германии, поскольку условия периода с 1870 по 1916 гг., на который приходится основание Германской империи (1871), развитие монополистического капитализма в Германии и, наконец, развязывание первой мировой войны, не способствовали расширению славистических исследований, так как интерес к языкам и литературам славянских народов был в Германии незначителен, на что часто жаловался сам Лескин (например, норвежскому слависту Олафу Броку).

Коллоквиум открылся основным докладом Э. Эйхлера (Лейпциг), посвященным оценке жизни и деятельности Лескина, частью на основе новоявленных источников. Прежде всего докладчик обрисовал жизненный путь ученого, родившегося в Киле 8 июля 1840 г. в семье столяра, изучавшего классическую фи-

логолию в Киле и Лейпциге (у Г. Курциуса), работавшего школьным учителем в Лейпциге, затем, после подготовки под руководством А. Шлейхера в Йене, защитившего докторскую диссертацию в Геттингене, ставшего преемником Шлейхера в Йене после смерти последнего (1868) и, наконец, приглашенного в 1870 г. на новую кафедру славистики Лейпцигского университета, созданную, в первую очередь, в ответ на требования тогдашней лужицкой интеллигенции. Из до сих пор не опубликованных писем Лескина к его учителю Георгу Курциусу явствует, что уже с середины 60-х годов ученым велось интенсивное исследование старославянского языка (конечно, на основе доступных ему в то время изданий источников), что позволило ему в 1869 г. завершить «Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку», впервые опубликованное в 1871 г. в лейпцигском издательстве Белау (работа выдержала девять изданий, а в 1890 г. появилась в русском переводе). Один из важнейших трудов Лескина, которого можно считать одним из основателей лейпцигской «младограмматической школы», о славяно-литовском (т. е. славяно-балтийском) и германском склонении (он был опубликован в 1876 г. Обществом кн. Яблоновского в качестве премированной работы по тематическому заданию) широко привлекает материал старославянского (и праславянского) языка и вносит существенный вклад в объяснение генезиса старославянских (и праславянских) падежных окончаний. Разработка положения о двух движущих силах языкового развития — фонетических законах (Lautgesetze), не знающих исключений, и аналогии — имела с точки зрения младограмматиков программный характер, однако вызвала и критику. Наконец, докладчик остановился на значении вышедшей в 1909 г. «Граматики древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка»¹ для изучения древнейшего литературного языка славян. Этот труд представляет собой классическое описание старославянского языка (однако не включает раздел о синтаксисе, для написания которого, как считал Лескин, еще не пришло время, хотя он сам обстоятельно занимался синтаксическими вопросами). В нем найдено полное отражение теоретическая концепция автора, находящаяся по ряду моментов в противоречии со «старославянскими» исследованиями Ф. Миклошича, которые Лескин подверг довольно резкой критике (в частности, в своих рецензиях [1]). В этих разногласиях выявились основополагающие различия в теоретическом осмыслении богатого материала источников по старославянскому языку, введенных в научный обиход в последние десятилетия XIX в. и первые десятилетия нашего столетия. Кроме того, Э. Эйхлер остановился — насколько это позволяют сделать имеющиеся свидетельства — на политических воззрениях Лескина. Он указал как на их ограничен-

ность рамками типичных для буржуазной интеллигенции представлений, так и на четко прослеживающуюся эволюцию во взглядах Лескина, в которой отразился безрадостный опыт его собственных попыток приобрести немецкую общественность к культурному богатству славянских народов. Его содействие ряду важных начинаний, как сорабистические исследования А. Муки или перевод лужицким сербом Й. Б. Пехом «Истории славянских литератур» Ныпица и Спасовича, говорит само за себя. В заключение докладчик констатировал, что творчество Лескина представляет собой одно из высших достижений немецкой славистики и сохраняет свое значение и в наши дни.

В рамках международной работы по истории славистики (ср. серию «Исследования по истории мировой славистики», издаваемую Международным комитетом славистов, вышли три тома) изучается теперь развитие немецкой славистики до 1945 г. в обоих немецких государствах; раскрывается много новых материалов из богатых фондов различных архивов ГДР. Основной задачей является анализ возникновения новых открытий в славистике, например, у Лескина — правильного анализа взаимосоотношений рукописей старославянских памятников и их графических особенностей.

Х. Вальтер (Лейпциг) посвятил свое выступление ученикам Лескина из числа южных славян. Прежде всего он остановился на двух поколениях болгарских филологов, которые учились в Лейпциге и в чьих работах сказалось влияние Лескина и всей младограмматической школы: к первому относятся А. Теодоров-Балан, Б. Цонев, И. Шишманов, ко второму — М. Арнаудов и Ст. Романски. Под влиянием трудов Лескина писали свои учебники староболгарского (старославянского) языка Теодоров-Балан и Милетич. На некоторых живших в Лейпциге болгар (например, на Теодорова-Балана и Цонева) повлиял и психолог В. Вундт. Посвятив свою деятельность по возвращении на родину решению специфических культурно-политических задач своей страны, болгарские ученые, учившиеся в Лейпциге, плодотворно развивали инициативу Лескина и во многом преодолели недостатки исходной позиции младограмматиков, связав историю языка с диалектологией (как например, Цонев в своей трехтомной «Истории болгарского языка»). Из менее многочисленных сербско-хорватских учеников Лескина докладчик назвал прежде всего А. Белича, написавшего в Лейпциге свою диссертацию о славянских уменьшительных и увеличительных суффиксах, которая была опубликована в 1909 г. в журнале «Archiv für slavische Philologie». В целом влияние Лескина непосредственно на болгарских славистов — его учеников и на их научных преемников — было достаточно сильным, чтобы сохранить свою значимость и для сегодняшней болгаристики, подход которой к изучению староболгарского языка характеризуется, конечно, применением новых методов и принципов (что видно, например, из грамматики староболгарского языка И. Гьялбова, опублико-

¹ См. фототипическое издание Х. Вальтера (с его предисловием). София, 1981.

ванной после его смерти, или из работы Р. Айтдетмюллера). Это обстоятельство и в дальнейшем нельзя будет упускать из внимания при исследовании истории немецко-болгарских научных связей.

Проф. Р. Эккерт (Берлин) посвятил свое выступление исследованиям Лескина по балтистике, в частности, его книге об образовании имен в литовском языке, которая представляет собой первое описание именного словообразования литовского и других балтийских языков. Докладчик продемонстрировал глубину проникновения Лескина в факты балтийских языков (на примере анализа *i*-основ) и ту роль, которую он, следуя и в этом за своим учителем Августом Шлейхером, сыграл в развитии балтийского языковедения в Германии. Р. Эккерт коснулся новых данных о связях Лескина с учеными Юршиатом и Фелькем, а также общественно-политических предпосылок ошибочных представлений Лескина о германизации балтийских племен в прошлом. На этой проблематике остановился проф. Х. Шустер-Шевц (Лейпциг), рассмотревший отношение Лескина к лужицким сербам и его вклад в развитие сорабистики. Он дал высокую оценку заслуг Лескина в исследовании лужицкого языка, поддержке, оказанной им Муке и другим сорабистам, а также охарактеризовал его взгляды на германизацию лужицкого народа в прошлом и в современной ему Германии. В последнем случае Лескин явно присоединялся к господствовавшей в его время точке зрения, что видно из статьи в журнале [2], которая посвящалась «вымершим славянским и литовским (-балтийским) языкам в Северной Германии» и совпадала по теме с его вступительной лекцией, прочитанной в 1870 г. в Лейпцигском университете. Докладчик проследил реакцию лужицкого общественности на эту лекцию, в частности, по откликам в лужицких журналах.

Г. Шлимперт (Берлин) рассмотрел воззрения Лескина, отраженные в его письмах выдающемуся лейпцигскому индоевропеисту Карлу Бругману. В этих письмах речь идет главным образом о трактовке представителями младограмматической школы своих собственных взглядов на фонетические законы и аналогию, о значении Августа Шлейхера как предшественника этих теорий и о полемике с Иоганнесом Шмидтом, также учеником Шлейхера, и Георгом Курциусом, который в опубликованной в 1885 г. работе «К критике новейших языковедческих исследований» показал себя непреклонным критиком младограмматической школы. Весьма показательно письмо Бругману от 2 марта 1886 г., где Лескин ясно и убедительно высказал свое мнение по всему этому комплексу вопросов, однако проявил нежелание вступать в открытую дискуссию, так как исследования на богатых и неосвоенных просторах славянской филологии представлялись ему, вероятно, более существенными.

Л. Цайль (Берлин) представила коллоквиуму доклад об избрании Лескина в 1900 г. чл.-корр. Берлинской Академии наук в знак высокого признания его заслуг. Х. Порт (Берлин) обрисовал дея-

тельность Лескина в обществе Яблоновского в Лейпциге, где ученый содействовал публикации важных трудов (таких, как «Сравнительно-историческая фонетика и морфология нижнелужицкого языка» Муки, работы Александра Брюкнера о славянских поселениях в районе Магдебурга и об истории старопольского литературного языка) и установлению призовых тематических заданий. В. Цайль (Берлин) говорил о вкладе в славистику Роберта Шольвина (1850—1929), ученика Лескина, русиста и болгариста (он исследовал евангелие Иоанна-Александра). В этом докладе была отмечена необходимость изучать деятельность других славистов, получивших образование в Лейпциге (например, А. Сёрежа).

Г. Шрётер (Лейпциг) подготовил к коллоквиуму новую библиографию публикаций Лескина, в которой уточнен и дополнен (прежде всего по разделу рецензий) библиографический обзор Г. Штрайтберга [3]. Работа над библиографией Лескина продолжается.

Публикация докладов коллоквиума и этой библиографии осуществлена в журнале «Zeitschrift für Slawistik» (Jg. 26, 1981, № 2)².

25 апреля 1980 г. по случаю 140-летия со дня рождения Августа Лескина и 110-летия со времени его назначения в Лейпцигский университет организаторы коллоквиума почтили память ученого, возложив венок к его могиле на кладбище Зюдфридхоф в Лейпциге.

В целом проведенный коллоквиум явился первым, но уже достаточно весомым вкладом в дело всесторонней оценки научных трудов и деятельности Августа Лескина. Как ученый и как глава лейпцигской славистической школы Лескин оставил наследие, которое необходимо сохранять и развивать. Коллоквиум намеренно сосредоточил свое внимание на языковедческих трудах Лескина: его вклад в изучение славянских культур, прежде всего литератур, и в этнографию должен стать предметом рассмотрения в будущем.

Эйхлер Эрнст

ЛИТЕРАТУРА

1. Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1879—1880, Bd. 3—4. Ср. Eichler E. August Leskien und Franz Miklosich. — Zeitschrift für Slawistik, Jg. 26, 1981.
2. Im neuen Reich, 1871, Bd. I, H. 1; Lëtöpis Institut za serbski ludospyt, Rjad A, č. 28/1 (Materialije wo poměrje němskeho slawista Augusta Leskiena k Serbam), Budysin, 1981.
3. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 9, 1932.
4. Schlimpert G., Eckert R. Briefe Leskiens an Karl Brugmann, I—II. — Zeitschrift für slawistik, Jg. 26, 1981, № 2, 4.

² Кроме докладов на коллоквиуме, здесь опубликована статья [4].

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Не стало Михаила Павловича Алексеева, выдающегося советского ученого, имя которого известно каждому, кто изучает или просто любит литературу. Он внезапно скончался 19 сентября 1981 г. в конце рабочего дня, заполненного делами, как и вся его долгая жизнь, целиком отданная науке, прошедшая в напряженном и непрерывном, почти без отпусков и отдыха, труде.

М. П. Алексеев родился 5 июня 1896 г. в Киеве, в семье инженера-путейца, члены которой и близкие родственники были знакомы с А. П. Бородинным, Д. И. Менделеевым, Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, К. С. Станиславским. Вся атмосфера дома Алексеевых способствовала восприятию лучших демократических традиций русской науки и культуры прошлого. Эти традиции сыграли значительную роль в становлении М. П. Алексеева как ученого, которым по праву может гордиться наша наука. С 1933 г. и до конца дней вся жизнь и трудовая деятельность М. П. Алексеева в основном были связаны с Ленинградом, где он читал лекции в университете и работал в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), возглавляя там в последние десятилетия сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур, а также работу Пушкинской комиссии. Многочисленны и разнообразны другие функции и обязанности, выполнявшиеся им в разное время как преподавателем высшей школы, исследователем и организатором науки.

Академик, доктор филологических наук, профессор, носитель почетных ученых званий многих зарубежных академий, университетов, научных учреждений и обществ, М. П. Алексеев был одним из крупнейших филологов нашего времени, научный авторитет которого был необычайно высок. Его многолетняя плодотворная научная, педагогическая и культурная деятельность была отмечена рядом правительственных наград.

Удивительно обширными, многогранными, порой даже несколько неожиданными, были научные интересы М. П. Алексеева; его эрудиция, кажется, не знала предела, поистине энциклопедическими были его познания. Он создал многочисленные исследования по истории русской литературы, в частности, о Феофане Про-

коповиче, Кантемире, Радищеве, Батюшкове, Бестужеве-Марлинском, Кюхельбекере, Гоголе, Белинском, Тютчеве, Островском, Чернышевском, Достоевском, уделяя особое внимание творчеству Тургенева и Пушкина. Велик вклад М. П. Алексеева в изучение международного влияния русской литературы и ее связей с зарубежными литературами, в разработку основных проблем сравнительного изучения литератур. В то же время ему принадлежит множество работ, посвященных истории зарубежных литератур (английской, испанской, французской, итальянской, немецкой и др.), художественной культуре (музыка, живопись, театр и т. д.).

Особое место в научном наследии М. П. Алексеева занимают славистические труды, в частности, «Петербургские английские переводы из А. Мицкевича» (1946), «Белинский и славянский литератор Я. П. Иордан» (1950), «Славянские источники „Утопии“ Томаса Мора» (1955), «Мицкевич и русская поэзия XIX в.» (1956), «Славянские литературы и их роль в истории мировой культуры» (1958), «Славяно-романо-германские параллели» (1968), «Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной свободы» (1969), «Построение истории национальных литератур в странах иного славянского языка» (1973) и другие. Наряду с этим, ученый являлся инициатором и редактором таких книг по славянскому литературоведению, как «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.» (1963), «Славянские литературные связи» (1968), «Славянские страны и русская литература» (1973), «Зарубежные славяне и русская литература» (1978).

Будучи членом Советского комитета славистов (с 1956 г.), позднее (с 1959 г.) — заместителем его председателя и председателем (с 1970 г.), многолетним членом и вице-президентом, а с 1978 г. президентом Международного комитета славистов, М. П. Алексеев много сил и энергии отдал развитию славяноведения в СССР, делу международного сотрудничества ученых-славистов. При его непосредственном научном и организационном участии прошли все пять последних Международных съездов славистов — в Москве (1958), Софии (1963), Праге (1968), Варшаве (1973) и Загребе (1978). Незадолго до своей кончины М. П. Алек-

сеев посетил свой родной Киев, где когда-то окончил гимназию, а затем университет (1918), где вступил на путь научной и педагогической деятельности. Эта поездка была связана с подготовкой IX Международного съезда славистов, который должен состояться в столице Украины в 1983 г. О нем Михаил Павлович постоянно думал в последнее время, стремясь сделать все необходимое для обеспечения хорошей, полноценной и продуктивной работы предстоящего съезда.

Отличительными чертами М. П. Алексеева были общительность и простота, он не скупясь делился своими открытиями и научными замыслами. Многие литературоведы и историки культуры самых различных специальностей хорошо знали Михаила Павловича лично, всегда находили у него доброжелательную поддержку в работе, видели в нем прекрасный пример увлеченного, высоко нравственного, честного и самоотверженного служения отечественной науке. Все они навсегда сохраняют в памяти обаятельный образ ученого и искреннее восхищение его подвижническим трудом. Гораздо более широкие круги общественности

знают М. П. Алексеева по его талантливым работам, которым предстоит долгая жизнь, которые будут духовно питать и обогащать идеями еще не одно поколение.

Одну из своих книг М. П. Алексеев сопроводил эпитафией из Джеффри Чосера:

На старом поле каждый год
Родится новая пшеница;
Из старых книг, как срок придет,
Познание новое родится.

Выдающийся поборник и творец «нового познания» в современной филологической науке Михаил Павлович Алексеев своими трудами открыл широкие перспективы для дальнейшего глубокого и всестороннего изучения русской литературы и культуры, литературных ценностей стран Европы и славянских народов. И эта его заслуга перед советской наукой не померкнет во времени.

ПАМЯТИ ЛЮБОМИРА БОРИСОВИЧА ВАЛЕВА

Преждевременная смерть вырвала из наших рядов крупного ученого, видного советского слависта, коммуниста, д-ра ист. наук Любомира Борисовича Валева.

Л. Б. Валева родился в 1915 г. в болгарском городе Дупнице (ныне — Станке Димитров), в семье учителя. Его отец — коммунист, заочно приговоренный фашистским судом к длительному тюремному заключению за участие в антифашистском Сентябрьском восстании 1923 г., вынужден был покинуть Болгарию. Вслед за ним в эмиграцию (сначала в Югославию и Францию, а позднее, в 1930 г., в СССР) последовала и вся семья. Советский Союз стал для Л. Б. Валева второй родиной. Здесь он окончил среднюю школу, а затем исторический факультет МГУ. После окончания университета (1940) Валева работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

Война прервала его научные занятия. Вскоре он становится сотрудником аппарата Исполкома Коминтерна. Одним из важнейших и интереснейших этапов в жизни Любомира Борисовича в годы войны было его участие под руководством Г. М. Димитрова в подготовке материалов для нелегальной радиостанции «Христо Ботев», вещавшей на Болгарию.

После окончания войны Л. Б. Валева поступает в заочную аспирантуру Института истории АН СССР, а в январе 1948 г. переходит в Институт славяноведения АН СССР, основанный в 1947 г. С тех пор вся жизнь и деятельность Любомира Борисовича связана с Институтом славяноведения, с исследованием проблем истории Болгарии и строительства основ социализма в европейских социалистиче-

ских странах. В Институте Л. Б. Валева защитил кандидатскую и докторскую диссертации, вырос в крупного ученого. С 1955 г. он возглавлял один из ведущих секторов Института — сектор новейшей истории, а позднее — сектор народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которым он руководил до конца жизни.

В научных исследованиях Л. Б. Валева четко прослеживаются две основные проблемы, привлекавшие его внимание: 1) история борьбы болгарского и других балканских и славянских народов против фашизма в годы второй мировой войны, которой посвящены две его монографии, прочно занявшие место в советской и зарубежной марксистской историографии: «Из истории Отечественного фронта в Болгарии» (М., 1950; книга переиздана также в Венгрии, ГДР и Чехословакии) и «Болгарский народ в борьбе против фашизма накануне и в начале второй мировой войны» (М., 1964; монография защищена в качестве докторской диссертации); этой же проблеме посвящены также исследовательские статьи и главы в коллективных трудах; 2) история социалистической революции и строительства социализма в Болгарии. По этой проблеме Л. Б. Валевым опубликованы главы во втором томе «Истории Болгарии» (М., 1955) и ряд статей в «Ученых записках» Института славяноведения АН СССР. Наряду с этим перу ученого принадлежат также труды по истории рабочего и коммунистического движения в Болгарии, болгарского возрождения, болгарской историографии, главы во «Всемирной истории», в вузовских учеб-

ника и у южных славян — в истории и истории южных и западных славян. Всего им опубликовано более 150 научных работ.

Под руководством Л. Б. Валева как одного из членов редколлегии и при его активном авторском участии были созданы важные коллективные труды Института («История Болгарии», «История Югославии» и др.), оставившие значительный след в развитии советского и зарубежного славяноведения. С начала 70-х годов Л. Б. Валева являлся инициатором и руководителем (с советской стороны) совместного советско-болгарского издания документов «Советско-болгарские отношения и связи». Два тома этого издания уже вышли на русском и болгарском языках и получили высокую оценку со стороны историков обеих стран.

Характеризуя вклад Л. Б. Валева в советское славяноведение, нельзя не отметить и такие аспекты его научно-организаторской деятельности, как участие в работе ученого и специализированного научного Советов, в редколлегии журнала «Советское славяноведение», в подготовке аспирантов.

Особо следует отметить активную роль Л. Б. Валева в осуществлении сотрудничества с болгарскими историками: его деятельность на посту заместителя председателя Комиссии историков СССР — НРБ способствовала развертыванию совместных исследований, проведению ряда

семинаров и конференций.

Советская славистика и историческая наука понесли невосполнимую утрату. Коллектив Института славяноведения и балканистики АН СССР, в котором работал ученый свыше трех десятилетий, коллеги и друзья потеряли в лице Л. Б. Валева человека высоких нравственных качеств, благожелательного товарища и неутомимого общественника-коммуниста. С начала создания Общества советско-болгарской дружбы и до последних дней жизни он был активным, деятельным членом его Центрального правления.

Большая научная и общественная деятельность Л. Б. Валева неоднократно отмечалась в Академии наук СССР. За успешное выполнение заданий правительства во время Великой Отечественной войны Л. Б. Валева в 1945 г. был награжден орденом Красной Звезды, а за исследования в области истории Болгарии — болгарским правительством орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Память о Л. Б. Валева, крупном ученом и коммунисте, человеке большого душевного обаяния, пользовавшемся всеобщей любовью и уважением, навсегда останется в сердцах его коллег и друзей.

Бирман М. А., Злыднев В. И.

<i>Bilunov B. N.</i> 37 Years on the Way of Socialism in the Thirteen Centuries History of Bulgaria. <i>Chibianskii L. J.</i> Questions on Bulgaria, Rumania and Hungary at the Crimean Conference. <i>Mikhutina I. V.</i> On the Place of Peasant's Parties in the Political Evolution of the Central and South-Eastern European Countries in the Inter — Wars Period. <i>Grekov I. B.</i> Conclusive Part of the Troitskaya Chronicle and Problem of the Authorship of the 1409 Chronicle Code. <i>Severnaja O. A.</i> The Artistic Intelligentsia of Bulgaria in the Cultural Construction (1944—1948). <i>Bukhtelova R.</i> (Czechoslovakia). To the Methodology of the socio-phonetic Parsing of Pronunciation of the Loan-Words in the Czech Language. <i>Kishkin L. S.</i> The Academician Ladislav Stoll (to the 80-th Anniversary).	3
--	---

REVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

<i>Meltser D. B., Cinita V. I.</i> Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений 1917—1945 гг. Т. 3. <i>Ivanova T. A.</i> Киев К. М. Съдбата на старобългарските ръкописи през векове	84
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>T. V.</i> The Significant Dates in the History of the Bulgarian People. <i>Eichler E.</i> (DDR). Scientific Colloquium Devoted to August Leskin's Creative Heritage. [Mikhail P. Alekseev]. <i>Birman M. A., Zlydnev V. I.</i>] In Commemoration of Lubomir B. Valev	89
--	----

Технический редактор *Е. В. Сипицына*

Сдано в набор 11.12.81 Подписано к печати 24.02.82 Т-03250 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 8,4 Усл. кр.-отт. 10,1 тыс. Уч.-изд. л. 10,1 Бум. л. 3,0
 Тираж 1157 экз. Зак. 1122

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 2
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб. 20 коп.

Индекс 70891